

ГЕРОДОТ

ИСТОРИЯ

КНИГА ВТОРАЯ

ВЕРПА

АКАДЕМИЯ НАУК СССР

THE
HISTORIES

HERODOTUS
OF HALICARNASSUS

ГЕРОДОТ

ИСТОРИЯ

В ДЕВЯТИ КНИГАХ

Перевод и примечания
Г.А.Стратановского

Под общей редакцией
С.Л.Утченко

Редактор перевода
Н.А.Мещерский

Издательство «НАУКА»
Ленинградское отделение
ЛЕНИНГРАД

1972

Редакционная коллегия серии
«Памятники исторической мысли»

П.М.Баткин (учёный секретарь), Б.Г.Вебер, М.Я.Гефтер,
А.А.Губер (председатель), А.В.Гулыга, В.М.Далин,
А.И.Данилов, И.С.Кан, М.В.Нечкина, С.А.Токарев,
С.О.Шмидт, Е.М.Штаерман.

Секретарь серии:
Е.М.Михина

Ответственный редактор
С.Л.Утченко

От редакционной коллегии

Настоящим изданием открывается новая академическая серия, в которой будут представлены труды, сыгравшие существенную роль в развитии исторической мысли.

Перевод «Истории» Геродота был подготовлен для «Литературных памятников», а затем перешел «по наследству» в нашу серию. Мы принимаем его с большой признательностью, так как получили возможность начать наши издания с «отца истории» и с труда, лежащего еще на трудноразличимой грани между мифом и историческим повествованием.

В дальнейшем, однако, мы не предполагаем придерживаться строгой хронологической последовательности. Так, за Геродотом последует сочинение, которое сразу перенесет нас вперед через два тысячелетия – в эпоху Ренессанса: это «История Флоренции» Макиавелли. Готовятся к изданию исторические статьи из «Энциклопедии» Дидро и Даламбера, книга Петра Кропоткина «Великая французская революция 1789–1793 гг.», работа французского историка Марка Блока «Апология истории, или Ремесло историка». Далее на очереди «Идеи философии истории человечества» Гердера, философско-исторические труды Гегеля, «Письма об изучении истории» Боллингброка, «Первобытное

общество» Моргана, сочинения Саллюстия, Августина и Пселла.

Таков наш план на ближайшее время.

Естественно, мы считаем необходимым и переиздание ставших библиографической редкостью некоторых марксистских работ, начиная с Франца Меринга и кончая первыми шагами советской исторической науки.

Подготавливая к изданию труды, отражающие движение западноевропейской и русской исторической мысли, мы надеемся в дальнейшем достойно представить в серии историческую мысль и народов других континентов.

В серии найдут место книги, уже известные читателю, но давно ставшие малодоступными или нуждающиеся в новых переводах, а также произведения, впервые переводимые на русский язык.

Подготовка текста, построение научного аппарата будут аналогичны тем, которые приняты и с успехом испытаны в серии «Литературные памятники». Однако принципы отбора произведений в нашей серии, естественно, иные.

Некогда историческое повествование было частью литературы в широком смысле слова (поэтому, кстати, сочинения Плутарха, Ксенофона, Светония, на которые может претендовать наша серия, с неменьшим правом уже нашли себе место среди изданий серии «Литературные памятники»). Да и после того, как произошло четкое разделение разных сфер творчества и мысли, многие историки и философы, размышлявшие над проблемами истории, умели писать с поистине художественным блеском. Однако литературные достоинства могут послужить лишь дополнительным аргументом в пользу включения того или иного сочинения в нашу серию. Не исходим мы и из тех качеств, которые делают произведение, принадлежащее прошлому, ценным источником

исторических сведений. В названии «Памятники исторической мысли» акцент делается на последнем слове.

Наша серия призвана развернуть перед читателем многовековую панораму раздумий над соотношением прошлого, настоящего и будущего – над «связью времен», над движением истории. Не всегда это было теоретизирование в прямом значении слова: то, как люди ощущали историю и свою включенность в нее, могло найти выражение как в хронике или эпическом описании, так и в философском трактате или в публицистическом произведении на злобу дня. В том же свете, как необходимая часть исторической мысли, должна быть представлена в серии и профессиональная историческая наука, произведения, принадлежащие к её важнейшим школам и направлениям.

Нелегко, конечно, отделить историческую мысль от историографии в собственном смысле. Критерии такого отделения довольно условны. Очевидно всё же, что понятие «Историческая мысль» шире понятия «историческое исследование». Пытается ли тот или другой автор охватить ту или иную эпоху и даже всю историю человечества, или он занят изучением сравнительно частного, специального вопроса, его в этом случае отличает в первую очередь интерес к смыслу истории в целом.

С этих позиций только и может решаться вопрос о «современности» или «устарелости» того или иного произведения. Своеобразие и самостоятельность мышления автора, целостность и масштабность его миропонимания, связь рассматриваемых им проблем с теми, к которым и в наше время вновь обращается историческая мысль, являются здесь главными критериями.

Очевидно, что задачи серии не могут не быть воспитательными, связанными с борьбой мировоззрений и в этом смысле остро современными. Именно поэтому и круг отбираемых трудов для серии

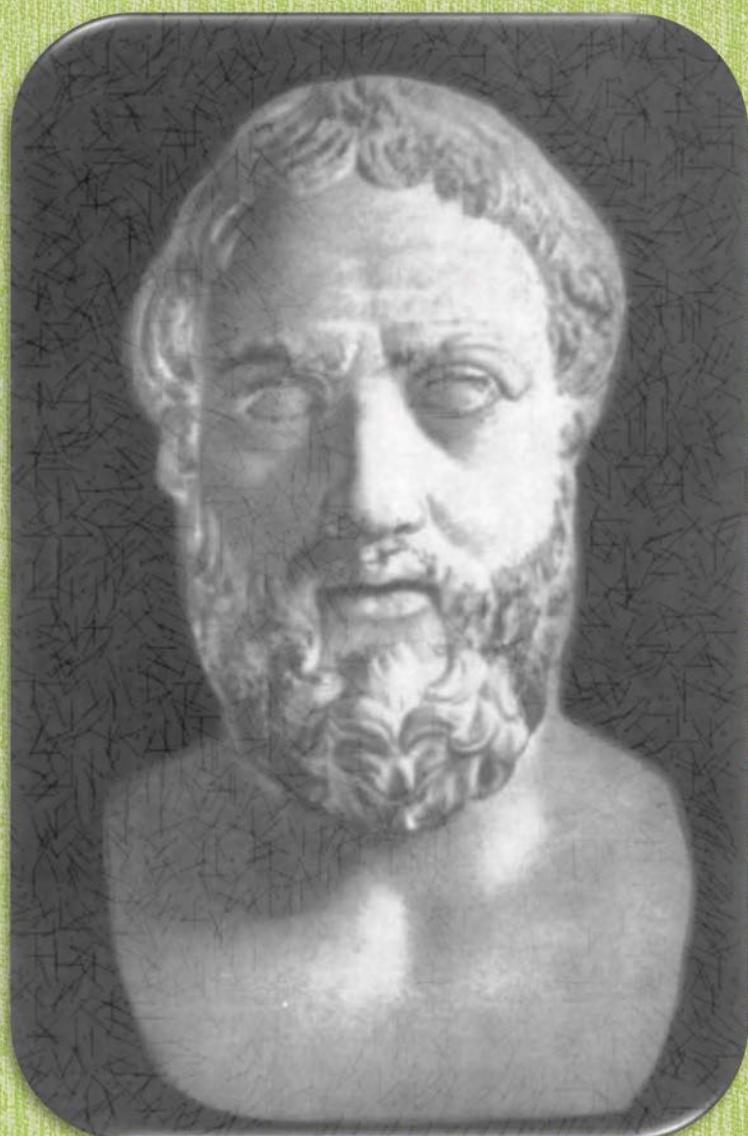
должен быть максимально объективен и широк. Собираясь и в будущем издавать классические сочинения, отбор которых надежно произведен историей, мы не хотели бы ограничиться только этими призванными вехами развития исторической мысли. Без Геродота нет историографии античности, без Августина нет всей тысячелетней христианской историографии; однако нечто сходное можно сказать и о некоторых сочинениях философов и историков конца XIX-первой половины XX в., подчас противоречивых и требующих весьма критических комментариев, но также необходимых тому, кто хочет самостоятельно судить по первоисточникам о современном положении в мировой исторической науке.

Таким образом, мы широко понимаем, как рамки нашей серии, так и её будущую читательскую аудиторию. Настоящий памятник исторической мысли – это нечто живое, не оставляющее нас безразличными, неустранимо присутствующее в памяти каждого человека, думающего в наши дни над проблемами истории. К этому – то читателю, независимо от его профессии, и обращена наша серия.

Первому тому нашей серии суждено увидеть свет уже после внезапной и горестной для всей советской исторической науки кончины председателя редколлегии «Памятников исторической мысли» Александра Андреевича Губера. Без усилий и поддержки Александра Андреевича серия вряд ли могла бы начать свое существование. Пусть настоящее издание останется связанным в сознании читателей с его именем.

Редколлегия серии
«Памятники исторической мысли»

БЮСТ ГЕРОДОТА

МУЗЕЙ В НЕАПОЛЕ

484 до н.э. - 426 до н.э.

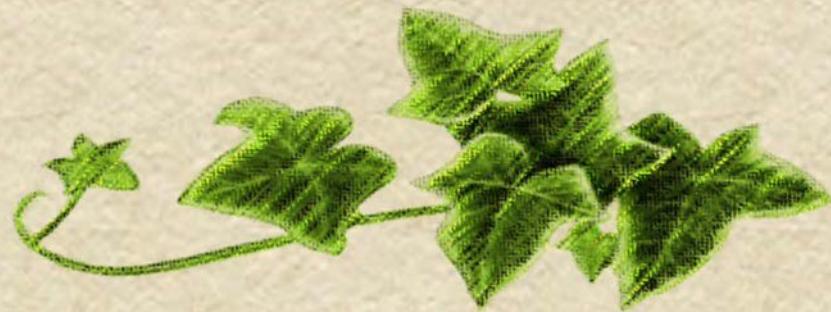
ИСТОРИЯ

В ДЕВЯТИ КНИГАХ

Эвтерпа — музя лирической поэзии, это музя музыки, подсказанной самой Природой, дарующей людям очищение. Изображалась с двойной флейтой. Одна из девяти олимпийских муз.

КНИГА ВТОРАЯ
ЭВТЕРПА

ГЕРОДОТ

ИСТОРИЯ

Книга Вторая

ЭВТЕРПА

1. После кончины Кира царство наследовал Камбис, сын Кира и Кассанданы, дочери Фарнаспа, скончавшейся уже раньше. Кир не только сам глубоко скорбел о покойной супруге, но и всем подданным своим повелел объявить траур. Сыном

этой женщины и Кира и был Камбис. Камбис уже считал ионян и эолийцев своими наследственными подданными. Поэтому, собираясь в египетский поход, он взял с собой среди прочих народностей также и этих эллинов.

2. Египтяне же до царствования Псамметиха[1] считали себя древнейшим народом на свете. Когда Псамметих вступил на престол, он стал собирать сведения о том, какие люди самые древние. С тех пор египтяне полагают, что фригийцы еще древнее их самих, а сами они древнее всех остальных народов. Псамметих, однако, собирая сведения, не нашел способа разрешить вопрос: какие же люди древнейшие на свете? Поэтому он придумал вот что. Царь велел отдать двоих новорожденных младенцев (от простых родителей) пастуху на воспитание среди стада [коз]. По приказу царя никто не должен был произносить в их присутствии ни одного слова. Младенцев поместили в отдельной пустой хижине, куда в определенное время пастух приводил коз и, напоив детей молоком, делал все прочее, что необходимо. Так поступал Псамметих и отдавал такие приказания, желая услышать, какое первое слово сорвется с уст младенцев после невнятного детского лепета. Повеление царя было исполнено. Так пастух действовал по приказу царя в течение двух лет. Однажды, когда он открыл дверь и вошел в хижину, оба младенца пали к его ногам и, протягивая ручонки, произносили слово

“бекос”[2]. Пастух сначала молча выслушал это слово. Когда затем при посещении младенцев для ухода за ними ему всякий раз приходилось слышать это слово, он сообщил об этом царю; а том повелел привести младенцев пред свои царские очи. Когда же сам Псамметих также услышал это слово, то велел расспросить, какой народ и что именно называет словом “бекос”, и узнал, что так фригийцы называют хлеб. Отсюда египтяне заключили, что фригийцы еще древнее их самих. Так я слышал от жрецов Гефеста[3] в Мемфисе. Эллины же передают об этом еще много вздорных рассказов, и, между прочим, будто Псамметих велел вырезать нескольким женщинам языки и затем отдал им младенцев на воспитание.

3. Столько рассказов о воспитании обоих детей мне передавали. Пришлось мне слышать и другие рассказы в Мемфисе от жрецов Гефеста. Потом я направился в Фивы и Гелиополь, чтобы установить, сходятся ли тамошние рассказы с мемфисскими. Ведь в Гелиополе, как говорят, знают об этом больше, чем в остальном Египте. Впрочем, то, что мне рассказывали о богах, я не намерен передавать, за исключением только имен богов, так как, по моему мнению, о богах все люди знают одинаково мало. Если же мне придется говорить об этом, то только для связи моего повествования.

4. Что же касается деяний человеческих, то вот что единогласно передавали мне [жрецы]. Египтяне были первыми людьми на свете, кто установил продолжительность года, разделив его на двенадцать частей [но] временам года[4]. Это открытие, по словам жрецов, египтяне сделали, наблюдая небесные светила. Их способ исчисления [месяцев], как мне думается, точнее эллинского: эллины ведь каждый третий год добавляют вставной месяц, чтобы сохранить соответствие времен [естественного года][5]. Египтяне же считают 12 месяцев по 30 дней и прибавляют каждый год [в конце] еще 5 дней сверх [этого] числа, причем у них круговоротение времен года [всегда] приходится на одно и то же время. Они утверждают также, что имена двенадцати богов восходят к египтянам, а от них заимствованы эллинами. Египтяне также были первыми, кто стал воздвигать богам алтари, статуи и храмы и высекать изображения на камне. Что это именно так, мне пришлось во многих случаях убедиться на деле. Древнейшим царем из людей в Египте был Мин. В его время весь [Нижний] Египет, кроме Фиванской области, являлся болотом и вся местность, лежащая теперь ниже озера Мериды, находилась под водой. До озера же от моря семь дней теперь плавания вверх по реке.

5. Эти рассказы о стране мне представляются совершенно правильными. И действительно, всякий здравомыслящий человек (даже если он об этом раньше и ничего не слышал) с первого взгляда убедится, что [Нижний] Египет, куда эллины плавают на кораблях, недавнего происхождения и является даром реки [Нила]. И такова же часть страны еще на расстоянии трехдневного пути плавания вверх по реке от озера, хотя об этой области ничего подобного не говорят. Ведь свойство почвы Египта вот какое. Если, подплывая к Египту, бросить лот, даже на расстоянии дневного пути от берега, то вытащишь ил на глубине 11 оргий. Это показывает, сколь далеко идут наносы [реки].

6. Протяжение морского побережья самого Египта – 60 схенов. К Египту я причисляю все побережье от Плинфинского залива до озера Сербонида[6], к которому примыкает гора Касий. Отсюда то и следует считать 60 схенов. Ведь малоземельные народы измеряют свою землю оргиями, те же, что богаче землей, – стадиями, еще более богатые – парасангами, а самые богатые – схенами. Парасанг же составляет 30 стадий, а каждый схен (египетская мера) равен 60 стадиям. Поэтому длина египетского побережья равняется 3600 стадий.

7. От побережья в глубь страны, т.е. вплоть до Гелиополя, Египет широк, сплошь низменный, обилен водой

и покрыт илистыми наносами. Путь вверх от моря до Гелиополя приблизительно так же велик, как дорога от алтаря Двенадцати богов в Афинах до Писы, именно до храма Зевса Олимпийского. Если точно измерить оба эти расстояния, то, конечно, разница будет небольшая, не больше 15 стадий. Ведь по дороге от Афин до Писы 1500 стадий без 15, тогда как путь от моря до Гелиополя составляет полностью 1500 стадий.

8. От Гелиополя в глубь страны Египет суживается[7]. Здесь с одной стороны он ограничен Аравийскими горами, которые непрерывно тянутся с севера на юг, вплоть до так называемого Красного моря. В этих горах находятся каменоломни, откуда вырубали камни для пирамид в Мемфисе. Там горы кончаются и поворачивают, как сказано, к Красному морю. В самом широком месте, как я слышал, нужно два месяца, чтобы перейти [эти горы] с востока на запад. В восточных пределах, говорят, растет ладан[8]. Таковы эти горы. На другой же, ливийской, стороне тянутся скалистые и "в зыбком песке глубоко погребенные"[9] горы. В этих горах стоят пирамиды. Простираются эти горы так же, как и Аравийские, с севера на юг. Итак, начиная от Гелиополя, Египет уже более не широк (поскольку эта местность принадлежит к Египту), но около четырнадцати дней пути вверх по течению [Нила] Египет – узкая страна. Между этими

упомянутыми горами земля плоская и в самом узком месте, по моей оценке, расстояние между Аравийскими и Ливийскими горами не больше 200 стадий. Отсюда Египет снова расширяется. Таковы природные свойства этой страны.

9. А от Гелиополя до Фив девять дней плавания вверх по реке, длина же пути 4860 стадий, или 81 схен. Вот число стадий Египта в общей сложности: так, длина морского побережья Египта, как я уже сказал выше[10], составляет 3600 стадий. Теперь я покажу, как велико расстояние от моря в глубь страны до Фив; оно составляет 6120 стадий, а от Фив до города под названием Элефантина – 1800.[11]

10. Итак, большая часть этой названной области, как меня уверяли жрецы, и как я сам думаю, лишь [недавнего происхождения] и является наносной землей; и действительно, у меня создалось впечатление, что низменность, лежащая между упомянутыми горами к югу от Мемфиса, некогда была морским заливом совершенно так же, как долины в Илионской области[12] и в Тевтрании около Эфеса и долина Меандра (если вообще можно сравнивать эти маленькие долины с огромной египетской низменностью). Ведь ни одну из рек, образовавших свои долины наносами, нельзя по ширине сравнить даже с одним рукавом при устье Нила (а у него таких рукавов пять).

Впрочем, есть также и в других местах реки (хотя и не такой величины, как Нил), которые совершили огромную работу. Я мог бы назвать среди них именно Ахелой, который течет через Акарнанию и при впадении в море уже соединил с материком половину Эгейских островов.

11. А в Аравии, недалеко от Египта, есть морской залив, который тянется от так называемого Красного моря [до Сирии]. Он очень длинный и узкий, как я сейчас объясню: чтобы переплыть залив в длину на гребном судне от самой отдаленной части залива в открытое море, требуется 40 дней, тогда как в ширину в самом широком месте нужно всего полдня плавания. Каждый день в заливе бывает прилив и отлив. Таким именно заливом, как мне думается, был когда-то и Египет: он [залив] простирался от Северного моря к Эфиопии, тогда как Аравийский, о котором я еще скажу, тянулся от Южного моря к Сирии. Оба залива почти соприкасались друг с другом своими вершинами, если бы они не расходились, отделенные только узким пространством земли. Если бы Нил вздумал переменить свое течение и направиться в этом Аравийский залив, то, что помешало бы реке занести его илом за 20.000 лет? Я же думаю, что для этого нужно всего лишь 10.000 лет. Почему же за все время, прошедшее до моего рождения, даже гораздо больший залив не оказался

занесенным илом этой столь огромной и деятельно
[отлагающей наносы] реки?

12. Итак, я верю рассказам жрецов о Египте и целиком разделяю их мнение. Я вижу ведь, что египетское побережье выдается в море дальше соседних областей. Затем в горах находят раковины, и из почвы выступает соленая вода, которая разрушает даже пирамиды. Далее, там одна единственная гора — та, что выше Мемфиса, — покрыта песком. Наконец, ни почва пограничной Аравии, ни Ливии, ни Сирии (аравийская прибрежная полоса населена сирийцами) не похожа на египетскую. Египетская почва — черная^[13], рыхлая, именно потому, что она состоит из ила, перенесенного Нилом из Эфиопии^[14]. Почва же Ливии, как известно, каменистая и довольно песчаная, тогда как аравийская и сирийская — более глинистая и несколько каменистая.

13. Жрецы приводили к тому же еще вот какой весьма важный довод: Во времена царя Мерида всякий раз, когда река поднималась, по меньшей мере, на 8 локтей, она заливала Египет ниже Мемфиса. И еще не прошло и 900 лет после кончины Мерида^[15], когда я слышал об этом от жрецов. Теперь же река затопляет страну, только если уровень воды достигает 15 или 16 локтей, по меньшей мере. Поэтому я полагаю: если эта страна будет и дальше расти в том же соотношении и становиться все

выше, то когда-нибудь Нил вообще не будет затоплять ее. Область же ниже озера Мериды, и особенно жители так называемой Дельты, впредь будут всегда испытывать то, что они раньше предрекли эллинам. Ведь когда они услышали, что вся эллинская земля орошается дождем (а не, так как их страны, реками), то объявили, что эллины когда-нибудь обманутся в своих твердых упованиях [на небесную помощь] и испытают страшный голод. Этим они хотели сказать, что если божество не ниспошлет им больше дождя, а долгую засуху, то эллинов "поразит" голод: ведь влага у эллинов только от Зевса.

14. То, что египтяне говорят об эллинах, правильно. Теперь я расскажу, как обстоит дело у самих египтян. Если область ниже Мемфиса (именно та, что растет [от наносов]) также и впредь будет возвышаться от наносов в такой же мере, как я сказал выше, то разве жители ее не будут страдать от голода? Ведь в их стране не бывает дождей, а река уже перестанет заливать поля. Теперь, конечно, нет другого народа на свете (а также и в остальном Египте), кто так легко добывал бы плоды своей земли, как здесь. Им ведь не нужно трудиться, проводя борозды плугом, разрыхлять землю [киркой] и заниматься прочими работами на ниве, столь изнурительными для остальных людей. После каждого естественного разлива, когда река, оросив поля, снова входит в берега, каждый

египтянин засевает свою пашню, а потом выгоняет на нее свиней. Затем, когда семена втаптаны в почву свиньями, ожидают время жатвы, а потом при помощи этих же свиней обмолачивают зерно и, наконец, свозят его в амбары[16].

15. Итак, если мы согласимся с мнением ионян, которые только одну Дельту считают Египтом, а подбережьем Египта называют лишь пространство на 40 схенов, от так называемой башни Персея до пелусийских заведений для вяления и засола рыбы[17], и от моря [в глубь страны] только местность до города Керкасора (т.е. до места, где Нил разделяется и один его рукав течет к Пелусио, а другой – к Канобу); остальная же часть Египетской земли, по их мнению, принадлежит частью к Ливии, а частью к Аравии; если, повторяю, примем это мнение, то, пожалуй, окажется, что у египтян прежде не было вовсе земли. Ведь, конечно, как утверждают, по крайней мере, сами египтяне (с чем и я согласен), Дельта – наносная земля и, так сказать, лишь недавно возникшая [из моря]. Если у египтян, в самом деле [когда-то] не было никакой земли, то они напрасно считали себя древнейшим народом на свете. И им вовсе не нужно было бы подвергать испытанию детей, на каком языке они сначала заговорят. Однако, как мне думается, египетский народ не только не произошел одновременно с образованием так называемой у

ионян Дельты, но существовал всегда, с тех пор как на свете появились люди. По мере же роста их страны многие жители оставались на старых местах, а многие постепенно стали спускаться вниз [по течению реки]. В древности же вообще только Фиванская область называлась Египтом[18]. Область эта в окружности простиралась на 6120 стадий.

16. Итак, если наш взгляд правilen, то представления ионян о Египте ложны. Если же правы ионяне, то я могу показать, что эллины и сами ионяне не умеют считать: они утверждают, что существуют три части света – Европа, Азия и Ливия. К ним, однако, придется причислить еще и четвертую часть света – египетскую Дельту, так как она не принадлежит ни Азии, ни Ливии. Ведь, согласно этому взгляду, Нил не образует границы между Азией и Ливией, но разделяется на рукава на вершине Дельты, так что Дельта оказывается между Азией и Ливией.

17. Впрочем, предоставим ионянам думать [как им угодно]. Я же держусь вот какого мнения об этом: Египтом я считаю всю страну, населенную египтянами, так же как Киликией и Ассирией [признаю] всю область, населенную киликийцами и ассирийцами. И, собственно говоря, я не знаю настоящей границы между Азией и Ливией, кроме самой Египетской земли. Если же принять

обычное у эллинов представление [о границе], то придется целиком весь Египет (начиная от Катадупов[19] и города Элефантины [вниз по течению реки]) считать разделенным на две части, которые имеют два названия. Ведь одна часть Египта принадлежит Ливии, другая – Азии: начиная от Катадупов, в своем течении к морю Нил рассекает Египет на две части. Вплоть до города Керкасора Нил течет по одному руслу. Здесь же он течет, уже разделяясь на три рукава, из которых один (так называемое Пелусийское устье) поворачивает на восток, другой – на запад (это устье называется Канобским). Третий же рукав течет прямо в море вот как: начинается он на вершине Дельты и на своем пути к морю разделяет Дельту на две равные половины. Это устье несет к морю огромную массу воды. Оно самое знаменитое и называется Себеннимитским устьем. Есть и еще два других устья, которые ответвляются от этого Себеннимитского устья и текут в море. Вот их названия: одно – Саисское, другое – Мендесийское. Больбитское же и Буколийское устья – не естественные, а искусственно [рукой человека] прорытые устья.

18. В пользу моего мнения, что Египет так велик, как я указал здесь, я могу сослаться еще и на изречение оракула Амона (я узнал об этом изречении уже после того, как составил свое мнение о Египте). Жители египетских

городов Мареи и Аписа (на границе с Ливией), которые считали себя ливийцами, а не египтянами, тяготились [египетскими] религиозными обычаями и обрядами. Так, они не желали воздерживаться от [вкушения] коровьего мяса. Поэтому они отправили [вестников] к оракулу Амона объявить, что у них нет ничего общего с египтянами. Они ведь, по их словам, не только живут вне Дельты, но и говорят на разных языках и [потому] просят позволения вкушать мясо всех животных. А бог отклонил их просьбу и сказал, что вся страна, наводняемая и орошааемая Нилом, принадлежит Египту и все люди, живущие ниже Элефантины и пьющие нильскую воду, — египтяне — Такой ответ они получили от оракула.

19. Когда Нил выходит из берегов, то не только заливает Дельту, но даже и часть так называемой Ливийской и Аравийской области, именно [область] на два дня пути в обе стороны (иногда большие, иногда меньшие). О природных свойствах этой [удивительной] реки я не мог ничего узнать ни от жрецов, ни от кого-либо другого. Именно, я старался дознаться у них, почему Нил, начиная от летнего солнцестояния, выходит из берегов и [вода его] поднимается в течение приблизительно 100 дней; по истечении же этого срока вода снова спадает, река входит в свое прежнее русло и затем низкий уровень воды сохраняется целую зиму, вплоть до следующего летнего

солнцестояния. Ни один египтянин не мог мне ничего сообщить о [причинах] этого явления, никто не был в состоянии ответить на вопрос: отчего природа Нила прямо противоположна природе остальных рек. Путем расспросов я желал узнать причину указанного явления и почему из всех рек [на свете] только с этой реки не дуют [холодные] ветры.

20. Однако некоторые эллины, которые хотели, конечно, прославиться своими знаниями и проницательностью, высказали три различных объяснения причин разливов [Нила]. Два из них, собственно, даже не заслуживают обсуждения (разве что вкратце), но мне хочется, по крайней мере, упомянуть о них. Согласно одному толкованию, причиной нильских разливов являются эмесийские ветры, которые де препятствуют реке течь в море[20]. Однако в иные годы этих ветров не бывает, но подъем воды в Ниле все-таки происходит. К тому же, если бы причиной тут были ветры, то и все другие реки, также текущие против них, должны были бы вести себя подобно Нилу.

21. Второе толкование еще неразумнее и, так сказать, удивительнее первого[21]. Оно гласит: подъем и спад [воды Нила] происходит оттого, что Нил вытекает из Океана, а этот Океан обтекает всю землю кругом.

22. Наконец, третье объяснение, хотя и наиболее правдоподобное, тем не менее, самое ложное.

Действительно, и оно так же решительно ничего не объясняет, утверждая, будто Нил выходит из берегов от маяния снегов[22]. Между тем Нил течет из Ливии, затем проходит через Эфиопскую землю и впадает в море в Египте. В самом деле, как же [разлив] Нила может происходить от [маяния] снегов, если эта река течет из самых жарких стран в страны, значительно более холодные. По крайней мере, вся кому, кто вообще в состоянии судить о таких предметах, представляется невероятным, чтобы [разлив] Нила происходил от [маяния] снегов. Первый и решающий довод [против этого] – знойные ветры, дующие из этих стран. Во-вторых, в этой земле вовсе не бывает дождей и она никогда не покрывается льдом. После же снегопада в течение пяти дней непременно должны выпадать дожди. Поэтому если бы [в этих странах] шел снег, то были бы также и дожди. В-третьих, люди там черные от действия [сильного] зноя. Коршуны и ласточки остаются там целую зиму, а журавли, спасаясь от скифских холодов, прилетают в эти места на зимовку. Итак, если бы в этой стране, по которой течет и откуда берет начало Нил, выпадало бы хоть немного снега, то ни один из приведенных фактов был бы невозможен, как это и логически необходимо.

23. Толкователь же, который рассуждает об Океане[23], забрался в такую темную, неизведанную область и [потому] ничего не доказывает. Мне, по крайней мере, ничего не известно о существовании реки Океана. Имя “Океан” придумал, по моему мнению, Гомер или еще какой-нибудь древний поэт и ввел его в свою поэзию.

24. А если теперь, отвергнув приведенные мнения, я должен высказать свой собственный взгляд на это неясное явление, я скажу, отчего, как мне думается, разливы Нила происходят летом. Зимней порою солнце, гонимое северными ветрами, уходит со своего обычного летнего пути в Верхнюю Ливию. Этим, одним словом, и объясняется все явление. Ведь та страна, к которой ближе всего этот бог [солнце] и где он пребывает, естественно, самая безводная, и реки там высыхают.

25. Если же вдаваться в подробности, то дело обстоит вот как. На своем пути через Верхнюю Ливию солнце производит вот какое действие: так как при всегда ясном небе земля там нагревается и нет холодных ветров, то действие [солнца] там такое же, как в летнее время [у нас], когда оно проходит посередине неба. Ведь солнце притягивает к себе воду и затем снова отталкивает ее вверх, где ее подхватывают ветры, рассеивают и заставляют испаряться. Поэтому совершенно естественно, что ветры, дующие из этой страны

(именно, южный и юго западный), больше всего приносят дождей. Солнце же, мне думается, каждый раз не отдает назад всю нильскую воду, которую ежегодно притягивает к себе, но [всегда] оставляет некоторое количество себе [в пищу]. Когда же зима подходит к концу, солнце снова возвращается на середину неба и с этих пор уже равномерно притягивает к себе воду из всех рек. До того времени [зимою] благодаря обильному притоку дождевой воды реки полноводны, так как в стране выпадают обильные дожди и она испещрена [полными воды] оврагами. Летом же, когда дождей больше нет и солнце притягивает воду, реки мелеют. Нил же, не питаемый дождями, напротив, как раз в это время, когда солнце не притягивает его воды, [т.е. зимою], – единственная из всех рек, у которой, естественно, зимой гораздо меньше воды (сравнительно с нормальным уровнем ее летом). Ведь летом солнце притягивает к себе нильские воды в такой же мере, как и воды других рек, тогда как зимой только один Нил подвергается действию солнечных лучей. Таким образом, я держусь того мнения, что солнце – причина [летних разливов] и зимнего обмеления Нила.

26. Я думаю также, что от солнца зависит и сухость воздуха в этих странах, так как оно раскаляет [землю] на своем пути. Таким образом, в Верхней Ливии – вечное лето. Если бы порядок времен года [и стран света]

изменился, и в той части неба, где теперь северный ветер и зима, были бы южный ветер и полдень, и северный ветер дул бы из тех краев, откуда теперь дует южный ветер; если бы это было так, тогда солнце (лишь только зима и северный ветер прогонят его с середины неба) пошло бы в Верхнюю Европу вместо Верхней Ливии, как теперь, и на пути солнца через всю Европу, как я думаю, оно действовало бы на Истру почти таким же образом, как теперь на Нил.

27. А почему не дует с Нила холодный ветер, по-моему, объясняется вот чем: из очень знойных стран, как правило, вообще не дуют ветры, но всегда только из какой-нибудь холодной.

28. Впрочем, пусть это остается, как есть и как было искони! Что до истоков Нила, то никто из египтян, ливийцев или греков, с которыми мне приходилось иметь дело, не мог ничего мне сообщить об этом, кроме храмового писца и управлятеля храмовым имуществом Афина в египетском городе Саисе[24]. Но, как мне кажется, он шумил, утверждая, будто можно знать это. Рассказывал же он вот что: есть две горы с остроконечной вершиной, возвышающиеся между городами Сиеной в Фиванской области и Элефантиной. Названия этих гор — Крофи и Мифи. Между этими горами и выходят на поверхность бездонные источники Нила, причем половина

их вод течет на север, в Египет, а другая половина на юг, в Эфиопию[25]. А то, что эти источники бездонные, установил, по его словам, произведя исследование, египетский царь Псамметих. Царь приказал свить канат длиной во много тысяч оргий и опустить в пропасть, но канат не доспал до дна. Если писец, действительно сказал правду, то его рассказ, по-моему, доказывает только то, что в этой местности есть сильные водовороты, встречные течения и воды [поэтому] разбиваются там о скалы, отчего опущенный туда лот не мог достичь дна.

29. Так вот, ни от кого другого я ничего не мог узнать об этом. Впрочем, свои изыскания я распространял как можно дальше, так как я сам доходил до города Элефантины; начиная же оттуда, мне пришлось, конечно, собирать сведения по слухам и расспросам. Если плыть вверх по течению до города Элефантины, то местность круто повышается. Поэтому здесь нужно привязывать канат к барке с обеих сторон и тащить вперед, как быка. А если канат оборвется, то барку отнесет течением вниз. Рассстояние же это [вверх по течению от Элефантины до острова Тахомисо] составляет четыре дня плавания. Здесь Нил излучист наподобие Меандра[26]. Таким-то образом приходится преодолевать это расстояние в 12 схенов. Затем вступаем в ровную долину, где Нил образует остров под названием Тахомисо. Выше

Элефантины живут уже эфиопы, и остров этом наполовину населяют они, а наполовину египтяне. К этому острову примыкает большое озеро[27], вокруг которого живут эфиопы кочевники. Переплыv это озеро, попадаем снова в Нил, который вливается в это озеро. Затем приходится сойти с барки и далее двигаться сухим путем вдоль реки 40 дней. Ведь здесь Нил усеян острыми утесами, [выступающими из воды] подводными камнями, так что плавание невозможно. Пройдя за 40 дней эту страну, садишься на другую барку и после 12 дневного плавания прибываешь в большой город по имени Мерое[28]. Этот город, как говорят, – столица всей Эфиопии. Жители его признают только двух богов – Зевса[29] и Диониса[30] – и почитают их весьма усердно. Там находится также прорицалище Зевса. В поход они выступают, когда и куда бог укажет им своим изречением.

30. Если же ильть далее от этого города, то за то же самое время, какое требуется для переезда из Элефантины в столицу эфиопов, достигнешь страны “перебежчиков”. Эти “перебежчики” называются по египетски “асмах”[31], что на эллинском языке означает “люди, стоящие по левую руку царя”. Это были те 240.000 египтян из сословия воинов, которые ушли к этим эфиопам вот почему. Во времена царя Псамметиха египтяне выставили пограничную стражу в городе Элефантине против

эфиопов, в Дафнах, что в Пелусийской области, – против арабов и сирийцев и в Марее – против ливийцев. Еще и в наше время стоит персидская стража в тех же самых местах, как и при Псамметихе. И действительно, и в Элефантине, и в Дафнах находится персидская пограничная охрана. И вот, когда эти египтяне три года провели там, неся стражу, и никто не пришел их сменить, они сообща решили тогда отпасть от Псамметиха и переселиться в Эфиопию. А Псамметих, узнав об этом, пустился за ними в погоню. Когда же он настиг их, то настоятельно упрашивал возвратиться и не покидать [на произвол судьбы] отеческих богов, и жен, и детей. Тогда, как передают, один из беглецов ответил царю, указывая на свой половой орган: “Будь только это, а жены и дети найдутся”. Прибыв в Эфиопию, беглецы отдались под власть эфиопского царя. А тот наградил их за это вот таким образом. Некоторые эфиопские племена восстали против своего царя. Их то и повелел царь египтянам изгнать и затем поселиться на земле изгнанников. И с тех пор, как эти египтяне поселились среди эфиопов, эфиопы восприняли египетские обычаи и сделались более культурными.

31. Таким образом, течение Нила (не считая пространства, по которому он течет в Египте) известно на расстоянии 4 месячного плавания и сухопутного пути.

Ведь столько получается месяцев, если сосчитать время пути от Элефантины до страны этих перебежчиков. Нил течет здесь с запада на Восток. О дальнейшем же его течении никто ничего определенного сказать не может. Ведь страна эта безлюдна из-за сильного зноя.

32. Впрочем, мне удалось узнать от киренцев еще вот что: по их рассказам, при посещении прорицалища Амона они беседовали с царем аммониев Этеархом. И вот, между прочим, речь у них зашла о Ниле, именно о том, что истоки его никому не известны. И Этеарх рассказал: пришли к нему как-то насамоны (а народ это ливийский, живущий на Сирте и в области, расположенной несколько далее на Восток). По прибытии этих насамонов царь спросил, не могут ли они сообщить более точные сведения о Ливийской пустыне. Они ответили: "Были у них отважные молодые люди, сыновья вождей. Возмужав, эти юноши придумывали разные сумасшедшие затеи и даже выбрали по жребию пятерых из своей среды совершить путешествие по Ливийской пустыне с целью проникнуть дальше и увидеть больше всех тех, кто раньше побывал в самых отдаленных ее частях. На ливийском побережье Северного моря[32] от Египта до мыса Солоента всюду живут ливийцы, а именно многочисленные ливийские племена (кроме мест, занятых греками и финикиянами). [Внутренняя же часть] Ливии над морем, за населенной

прибрежной областью к югу от этих племен, полна диких зверей. Еще далее к югу от страны диких зверей земля песчаная, безводная и совершенно безлюдная. Итак, юноши, посланные сверстниками, отправились в путь с большим запасом воды и продовольствия. Сначала онишли по населенной местности, а затем, миновав ее, прибыли в область диких зверей, а оттуда, наконец, в пустыню, держа путь все время на запад. После многодневного странствования по обширной пустыне они снова увидели расступающие в долине деревья. Подойдя к деревьям, юноши стали рвать висевшие на них плоды. В это время на них напали маленькие (ниже среднего роста) люди, схватили их и увезли с собой[33]. А языка этих людей насамоны не могли понять, и те, кто их вел, также не понимали речи насамонов. Юношей вели через обширные болота и, наконец, доставили в город, где все люди были так же малы, как и их вожаки, и [може] черного цвета. Мимо этого города протекает большая река, а течет она с запада на восток и в ней были видны крокодилы”.

33. Вот что я хочу сообщить о том, что мне передавали киренцы о своей беседе с Этеархом Аммонийским. Прибавлю только еще: со слов киренцев он сообщал, что насамоны благополучно возвратились назад и что все люди, к которым они приходили, были волшебниками. Что до реки, протекающей там мимо

[города], то Этаэрх считал ее Нилом и не без основания: ведь Нил течет из Ливии, рассекая ее посредине. И, как я заключаю, судя по известному о неизвестном, Нил берет начало, как и Истр, в таких же отдаленных странах. Ведь река Истр начинается в стране кельтов у города Пирены и течет, пересекая Европу посредине. Кельты же обитают за Геракловыми Столпами по соседству с кинетами, живущими на самом крайнем западе Европы. Владает же Истр в Евксинский Понт, протекая через всю Европу там, где мильтские поселенцы основали город Истрию.

34. Так вот, течение Истра, который несет свои воды по населенным землям, известно многим. Об истоках же Нила никто ничего определенного сказать не может. Ведь Ливия, которую Нил пересекает, необитаема и пустынна. О его верхнем течении я рассказал все, что только можно было узнать из рассказов. Затем Нил втекает в Египет. Египет же лежит приблизительно напротив Киликийской горной области. А отсюда до Синопы, что на Евксинском Понте, прямым путем для хорошего пешехода пять дней пути. Синопа же расположена против устья Истра[34]. Поэтому то мне думается, что течение Нила, пересекающего всю Ливию, подобно течению Истра.

35. О Ниле сказано достаточно. Теперь я хочу подробно рассказать о Египте, потому что в этой стране более

диковинного и достопримечательного сравнительно со всеми другими странами. Поэтому я должен дать более точное ее описание. Подобно тому как небо в Египте иное, чем где-либо в другом месте, и как река у них отличается иными природными свойствами, чем остальные реки, так и нравы и обычаи египтян почти во всех отношениях противоположны нравам и обычаям остальных народов.

Так, например, у них женщины ходят на рынок и торгуют, а мужчины сидят дома и ткут. Другие народы при тканье толкают уток кверху, а египтяне – вниз. Мужчины [у них] носят тяжести на голове, а женщины – на плечах.

Мочатся женщины стоя, а мужчины сидя. Естественные отправления они совершают в своих домах, а едят на улице на том основании, что раз эти отправления непристойны, то их следует удовлетворять втайне, поскольку же они пристойны, то открыто. Ни одна женщина [у них] не может быть жрицей ни мужского, ни женского божества[35], мужчины же [могут быть жрецами] всех богов и богинь. Сыновья у них не обязаны содержать престарелых родителей, а дочери должны это делать даже против своего желания.

36. В других странах жрецы богов носят длинные волосы, а в Египте они стригутся. В знак траура у других народов ближайшие родственники, по обычаю, стригут волосы на голове, египтяне же, если кто-нибудь умирает, напротив,

отпускают волосы и бороду, тогда как обыкновенно стригутся. Другие народы живут отдельно от животных, а египтяне – под одной крышей с ними; другие питаются пищеницей и ячменем, в Египте же считается величайшим позором употреблять в пищу эти злаки. Хлеб там выпекают из полбы, которую некоторые называют зеей. Тесто у них принято месить ногами, а глину руками. Собирают они также и навоз. Половые части другие народы оставляют, как они есть; только египтяне (и те народности, которые усвоили этот обычай от них) совершают обрезание. Каждый мужчина носит у них две одежды, а всякая женщина – одну. Парусные кольца и канаты другие привязывают снаружи [к стенке судна], а египтяне же – внутри. Эллины пишут свои буквы и считают слева направо, а египтяне – справа налево. И все же, делая так, они утверждают, что пишут направо, а эллины – налево. У них употребляется, впрочем, двоякого рода письмо: одно называется священным [иератическим], а другое демотическим [общенародным][36].

37. Египтяне – самые богодобязненные люди из всех, и обычаи у них вот какие. Пьют они из бронзовых кубков и моют их ежедневно, при этом именно все, а не только некоторые. Они носят льняные одежды, всегда свежевыстиранные; об этом они особенно заботятся. Половые части они обрезают ради чистоты, предпочитая

опрятность красоме. Каждые три дня жрецы сбирают волосы на своем теле, чтобы при богослужении у них не появилось вшей или других паразитов. Одеждие жрецы носят только льняное и обувь из [папирусного] лыка. Иной одежды и обуви им носить не дозволено. Дважды днем и дважды ночью они совершают омовение в холодной воде и, одним словом, соблюдают еще множество других обрядов. Конечно, жрецы получают и немалые выгоды. Из своих средств им ничего не приходится тратить, так как они получают [часть] "священного" хлеба и каждый день им достается довольно большое количество бычьего мяса и гусятины, а также и виноградного вина. Напротив, употреблять в пищу рыбу им не дозволено. Бобов же в своей стране египтяне вовсе не сеют и даже не едят и дикорастущих ни в сыром, ни в вареном виде. Жрецы не терпят даже вида бобов, считая их нечистыми плодами. У каждого бога там, впрочем, не один, а много жрецов. Из них один – верховный жрец. Когда какой-нибудь жрец, умирает, то ему наследует сын[37].

38. Быки считаются посвященными Энафу[38], и поэтому их тщательно исследуют вот таким образом. Если найдут на нем хоть один черный волос, то бык считается нечистым. Исследование же это производят нарочно назначенный для этого жрец, причем животное стоит прямо, а затем лежит на спине. Потом у быка

вытягивают язык, чтобы узнать, чист ли он от особых знаков, которые я опишу в другом месте. Жрец, осматривает также волосы на хвосте: правильно ли они по природе растут. Если животное окажется чистым во всем статяи, то жрец отмечает его, обвивая папирусом рога, и затем, намазав их печатной глиной, прикладывает свой перстень с печатью, после чего быка уводят. За принесение в жертву неотмеченного животного полагается смертная казнь.

39. Так вот, осмотр животного производится указанным способом. Жертвоприношение же совершается вот как. Отмеченное животное приводят к алтарю, где приносят в жертву, и возжигают огонь. Затем, совершив возлияние вином над алтарем, где лежит жертва, и, призывав божество, они закалывают животное, а после заклания отсекают голову. Тушу животного обдирают и уносят, призывав страшные проклятия на его голову. Если там есть рынок и на нем торгуют эллинские купцы, то голову приносят на рынок и продают. Если же эллинов нет, то голову бросают в Нил. Над головой же они изрекают вот какие заклятия: если тем, кто приносит жертву, или всему Египту грозит беда, то да падет она на эту голову. Обычаи, касающиеся голов жертвенных животных и возлияния вина, у всех египтян одинаковы и соблюдаются при каждом жертвоприношении и в силу

этого обычая ни один египтянин не может употреблять в пищу головы какого-либо животного.

40. Способ погромления и сжигания жертв у них различен для разных животных. Я имею в виду здесь [культ Исиды], которую они считают величайшей богиней и в честь нее спрашивают самое главное празднество[39]. При жертвоприношении Исиде они обдирают тушу быка и совершают молитву, а затем вынимают целиком желудок, но внутренности и жир оставляют в туще. Потом отрезают ляжки, верхнюю часть бедра, плечи и шею. После этого наполняют оставшую тушу быка чистым хлебом, медом, изюмом, винными ягодами, ладаном, смирной и прочими благовониями. Наполнив тушу всем этим, они сжигают ее, обильно поливая маслом. Перед принесением жертвы они постятся, а при сжигании жертв все участники предаются скорби. Затем, прекратив плач, устраивают пиршество из оставшихся [несожженными] частей жертв.

41. “Чистых” [лишенных особых примет] быков и телят египтяне приносят в жертву повсюду. Напротив, коров приносить в жертву им не дозволено: они посвящены Исиде. Ведь Исида изображается в виде женщины с коровьими рогами (подобно изображению Ио у греков), и все египтяне точно так же почитают больше всех животных коров[40]. Вот почему ни один египтянин или египтянка не станет

человать эллина в уста и не будет употреблять эллинского ножа, вертела или котла. Они даже не едят мяса "чистого" быка, если он разрублен эллинским ножом. Погребают же павших [коров и быков] они вот каким способом: коров бросают в реку, а быков всякий предает земле перед своим городом, причем один или два рога торчат над землей как могильный знак. Когда туша сгниет, в определенное время в каждый город с острова под названием Просопитида подъезжает барка. Остров этот лежит в Дельте: окружность его равна 9 схенам. На этом острове Просопитиде много и других городов, а том, откуда приходит барка за костями, называется Амарбехис, и на нем воздвигнуто святилище в честь Афродиты[41]. Из этого города выезжает много барок в разные египетские города выкапывать кости, которые потом увозят и погребают все в одном месте. Так же, как и быков, египтяне погребают и остальных животных, когда те околевают. Это ведь там Всеобщий обычай, так как домашних животных они не убивают.

42. Все египтяне, принадлежащие к храмовому округу Зевса Фиванского или живущие в Фиванской области, не едят баранины, но приносят в жертву коз. Ведь они не везде почитают одних и тех же богов. Только Исиду и Осириса (который, по их словам, есть наш Дионис) они все одинаково чтят. Напротив, египтяне, принадлежащие к

храмовому округу Мендеса, не употребляют в пищу козьего мяса, но приносят в жертву овец. По рассказам фиванцев и всех тех, кто по их побуждению воздерживается от баранины[42], обычай этом установлен вот почему. Геракл захотел однажды непременно увидеть Зевса, а тот вовсе не пожелал, чтобы Геракл его видел. Когда Геракл стал настойчиво добиваться [свидания], Зевс придумал хитрость: он ободрал барана и отрезал ему голову, затем надел на себя руно и, держа голову перед собой, показался Гераклу. Поэтому то египтяне и изображают Зевса с лицом барана, а от египтян переняли такой способ изображения аммонии (они происходят от египтян и эфиопов, а язык у них смешанный из языков этих народов). По моему, и свое имя аммонии заимствовали от Зевса; ведь в Египте Зевса называют Аммоном. Так вот, фиванцы не приносят в жертву баранов; они считают баранов священными по упомянутой выше причине. Только в единственный день в году на празднике Зевса они закалывают одного барана и, сняв руно, надевают его на статую Зевса, как это сделал некогда сам бог. Затем они приносят к ней другую статую Геракла. После этого все жители храмовой округи оплакивают барана и потом погребают в священной гробнице[43].

43. О Геракле же я слышал, что он принадлежит к сонму двенадцати богов. Напротив, о другом Геракле, который известен в Элладе, я не мог ничего узнать в Египте. Впрочем, тому, что египтяне заимствовали имя Геракла не от греков, а скорей, наоборот, греки от египтян, у меня есть много доказательств. Между прочим, оба родителя этого Геракла — Амфитрион и Алкмена — были родом из Египта[44]. Египтяне утверждают также, что имена Посейдона и Диоскуров им неизвестны и эти боги у них не приняты в сонм прочих богов. Но, в самом деле, если бы они вообще заимствовали у греков имя какого нибудь божества, то, конечно, они, прежде всего, должны были бы заимствовать имена этих богов (предполагая, что уже в те стародавние времена они занимались мореплаванием, а также и среди греков были мореходы, как я думаю и твердо убежден). Поэтому египтяне должны были бы скорее знать имена этих богов, чем имя Геракла. Но Геракл — древний египетский бог, и, как они сами утверждают, до царствования Амасиса[45] промежуток 1700 лет с того времени, как от сонма восьми богов [первого поколения] возникло двенадцать богов[46], одним из которых они считают Геракла.

44. Так вот, желая внести в этот вопрос сколь возможно больше ясности, я отплыл в Тир финикийский,

узнав, что там есть святилище Геракла. И я видел это святилище, богато украшенное посвятительными дарами. Среди прочих посвятительных приношений в нем было два столпа, один из чистого золота, а другой из смарагда, ярко сиявшего ночью[47]. Мне пришлось также беседовать со жрецами бога, и я спросил их, давно ли воздвигнуто это святилище. И оказалось, что в этом вопросе они не разделяют мнения эллинов. Так, по их словам, святилище бога было воздвигнуто при основании Тира, а с тех пор, как они живут в Тире, прошло 2300 лет. Видел я в Тире и другой храм Геракла, которого называют Гераклом Фасийским. Ездил я также и на Фасос[48] и нашел там основанное финикиянами святилище Геракла, которые воздвигли его на своем пути, когда отправились на поиски Европы. И это было не менее чем за пять поколений до рождения в Элладе Амфитрионова сына Геракла. Эти наши изыскания ясно показывают, что Геракл – древний бог. Поэтому, как я думаю, совершенно правильно поступают некоторые эллинские города, воздвигая два храма Гераклу. В одном храме ему приносят жертвы как бессмертному олимпийцу, а в другом – заупокойные жертвы как герою.

45. Много ходит в Элладе и других нелепых сказаний. Так, например, вздорным является сказание о том, как египтяне по прибытии Геракла в Египет увенчали его венками, а затем в торжественной процессии повели на

заклание в жертву Зевсу. Сначала Геракл не сопротивлялся, а, когда египтяне хотели уже приступить к закланию его на алтаре, собрался с силами и перебил всех египтян. По моему же мнению, подобными рассказами эллины только доказывают свое полное неведение нравов и обычаев египтян. В самом деле, возможно ли, чтобы люди, которым не дозволено убивать даже домашних животных, кроме свиней, быков, телят (если только они "чисты") и гусей, стали приносить в жертву людей. Притом Геракл прибыл туда совершенно один и, по их же собственным словам, был только смертным, как же мог он умертвить такое множество людей? Да помилуют нас боги и герои за то, что мы столько наговорили о делах божественных!

46. Итак, коз и коров в упомянутых округах египтяне не приносят в жертву и вот почему. Мендесийцы причисляют к сонму восьми богов также Пана и утверждают, что эти восемь богов древнее двенадцати. Пишут же художники и высекают скульпторы изображения Пана^[49]подобно эллинам – с козьей головой и козлиными ногами, хотя и не считают, конечно, такое изображение правильным, полагая, что этот бог имеет такой же вид, как и прочие боги. Но почему они все таки изображают его таким, мне трудно сказать. Мендесийцы почитают всех коз священными, но козлов еще большие, чем коз, и козы настуки у них в большом почете. Одного козла они, однако,

особенно чтят, и смерть его всякий раз приносит великое горе всему Мендесийскому округу. Называется же козел и Пан по-египетски одинаково – Мендес[50]. В бытность мою в этом округе произошло удивительное событие: козел открыто сошелся с женщиной. И об этом стало известно всем.

47. Свинью египтяне считают нечистым животным. И если кто-нибудь, проходя мимо, коснется свиньи, то сразу же идет к реке и в одежде, которая на нем, погружается в воду. Так же и свинопасам, единственным из всех египтян, несмотря на их египетское происхождение, не дозволено вступать ни в один египетский храм. Никто не хочет выдавать за них замуж своих дочерей или братьев в жены их девиц, так что они женятся и выходят замуж только между собой. Прочим богам, кроме Селены и Диониса, египтяне не приносят в жертву свиней, да и этим богам – только в известное время, а именно в день полнолуния. Затем после жертвоприношения они вкушают свинину. О том, почему в другие праздники они пренебрегают свиньями, а в этот приносят их в жертву, у египтян существует сказание. Я знаю это сказание, но не считаю благопристойным его рассказывать. Жертвоприношения же свиней Селене совершаются вот как. После заклания свиньи жрец кладет рядом кончик хвоста, селезенку и сальник и покрывает их всем жиром из брюшины животного. Затем

Все это сжигают на огне. Остальное мясо съедают еще в день полнолуния[51], когда приносят жертву. В другой день уже больше никто не станет есть свинины. Бедняки же по скучности средств [к жизни] вылепливают фигурки свиней из пшеничного теста, пекут их и приносят в жертву.

48. Каждый египтянин закалывает в честь Диониса вечером накануне праздника поросенка перед дверьми своего дома и затем отдает его свинопасу, который продал ему поросенка. В остальном египтяне спрашивают праздник в честь Диониса почти совершенно так же, как и в Элладе (за исключением хоров). Только вместо фаллосов они придумали носить другой символ – куклы статуэтки в локоть величиной, приводимые в движение с помощью шнурков. Эти куклы с опускающимся и поднимающимся членом женщины носят по селениям, причем этот член почти такой же величины, как и все тело куклы. Впереди шествует флейтист, а за ним следуют женщины, воспевая Диониса. А почему член куклы так велик и отчего это единственная подвижная часть тела куклы, об этом существует священное сказание.

49. По-моему же, этот праздник был небезызвестен Меламподу[52], сыну Амифеона, а даже, напротив, хорошо знаком. Ведь именно Мелампод познакомил эллинов с именем Диониса, с его праздником и фаллическими шествиями. Конечно, он посвятил их во все подробности

культа Диониса, и только мудрецы, прибывшие впоследствии, полнее разъяснили им [значение культа]. Впрочем, фаллос, который носят на праздничном шествии в честь Диониса, ввел уже Мелампод, и от него у эллинов пошел этот обычай. Я же того мнения, что Мелампод, этот мудрый человек, [не от богов] приобрел свой пророческий дар, а обязан им самому себе. Он услышал об этом египетском обычаяе и ввел в Элладе среди прочих обычаем также и служение Дионису с незначительными изменениями. Поэтому, мне думается, что совпадение обрядов служения этому богу в Египте и у эллинов вряд ли случайно. Ведь тогда эти обряды более соответствовали бы эллинским нравам и не появились бы так поздно. Я не могу себе представить также, чтобы египтяне могли заимствовать этот или какой либо иной обычай от эллинов. Скорее всего, думается мне, Мелампод познакомился с египетским служением Дионису через тирийца Кадма и его спутников, прибывших с ним из Финикии в страну, которая теперь называется Беотией[53].

50. Вообще почти все имена эллинских богов происходят из Египта. А то, что эти имена варварского происхождения, как я полагаю, скорее всего, – египетского, это я точно установил из расспросов. Ведь, кроме Посейдона, Диоскуров (о чем я заметил выше)[54], Геры,

Гестии, Фемиды, Харит и Нереид, имена всех прочих эллинских богов издревле были известны египтянам. Я повторяю лишь утверждение самих египтян[55]. А прочие боги, имена которых, по словам египтян, им неизвестны, получили свои имена, как я думаю, от пеласгов, кроме Посейдона, который происходит из Ливии. Ведь первоначально ни один народ не знал имени Посейдона, кроме ливийцев, которые издревле почитали этого бога. Однако у египтян нет обычая почитать героев.

51. Эти и еще много других обычаем, о которых я также упомяну, эллины заимствовали у египтян. Напротив, обычай изображать Гермеса с напряженным членом, эллины восприняли не от египтян, а от пеласгов. Первым эллинским племенем, перенявшим этот обычай, были афиняне, а от них переняли уже все остальные. Ведь в то время, когда афиняне уже считались эллинами, пеласги поселились в Аттической земле, почему с тех пор и население Аттики также стало считаться эллинским. Всякий, кто посвящен в тайное служение Кабиров, совершаемое на Самофракии и заимствованное от пеласгов, том поймет меня. Ведь Самофракию прежде населяли те пеласги, которые впоследствии поселились среди афинян, и от них то самофракийцы переняли эти таинства. Итак, афиняне первыми из эллинов стали делать изображение Гермеса с прямо стоящим членом и

научились этому от пеласгов. А у пеласгов было об атом некое священное сказание, которое открывается в Самофракийских мистериях.

52. В прежние времена, как я узнал в Додоне, пеласги совершали жертвоприношения богам, вознося молитвы, но не призывали по именам отдельных богов. Ведь они не знали еще имен богов. Имя же “боги” [υεοί] пеласги дали им потому, что боги установили [νέντες] мировой порядок и распределили все блага по своей воле. Только спустя долгое время они узнали из Египта имена всех прочих богов (кроме имени Диониса, с которым познакомились гораздо позднее). Потом они спросили об этих именах оракул в Додоне[56] (ведь это прорицалище считается древнейшим в Элладе и в то же время было единственным). Так вот, когда пеласги спросили оракул в Додоне, следует ли им принять имена богов отваров, оракул дал утвердительный ответ. С этого то времени пеласги стали при жертвоприношениях употреблять эти имена богов. А от пеласгов впоследствии их переняли эллины.

53. О родословной отдельных богов, от века ли они существовали, и о том, какой образ имеет тот или иной бог, эллины кое-что узнали, так сказать, только со вчераиного и с позавчераиного дня. Ведь Гесиод и Гомер, по моему мнению, жили не раньше, как лет за 400 до меня[57]. Они то впервые и установили для эллинов

родословную богов, дали имена и прозвища, разделили между ними почести и круг деятельности и описали их образы. Поэты, которые, как говорят, старше этих людей, по-моему, родились уже после них[58]. То, что я сообщил здесь в предшествующих главах, я слышал от жриц в Додоне, последний же мой рассказ о Гесиоде и Гомере – мое собственное утверждение.

54. О прорицалицах в Элладе и о ливийском оракуле рассказывают в Египте вот что. Жрецы Зевса в Фивах рассказывали мне, что две женщины, жрицы из Фив, были увезены финикиянами и одна из них, как узнали, была продана в Ливию, а другая – в Элладу. Эти же женщины и положили основание первым оракулам у упомянутых народов. На мой вопрос, откуда у них такие точные сведения, жрецы отвечали, что они тщательно разыскивали этих женщин, но, правда, безуспешно, а впоследствии узнали то, что и рассказали мне. Так мне передавали фиванские жрецы.

55. А жрицы в Додоне сообщили вот что. Две черные голубки однажды улетели из египетских Фив, одна – в Ливию, а другая к ним в Додону. Сев на дуб, голубка человеческим голосом приказала воздвигнуть здесь прорицалище Зевса. Додонцы поняли это как волю божества и исполнили ее. Голубка же, прилетевшая в Ливию, как говорят, приказала основать там

прорицалище Амона. И это также – оракул Зевса. Это мне рассказывали додонские жрицы. Старшую из них звали Промения, среднюю Тимарета, а младшую Никандра. И другие люди из Додоны, из числа храмовых служителей, подтвердили мне их рассказ.

56. Мое собственное мнение об этом вот какое. Если финикияне действительно похитили тех женщин из храма и одну продали в Ливию, а другую в Элладу, то, по-моему, эта последняя прибыла в Феспротию в Элладе (тогда Эллада называлась еще Пеласгией). Здесь в плену, будучи рабыней, она основала под мощным дубом святилище Зевса, так как она, естественно, помнила о Зевсе также и на чужбине, куда приехала, будучи служительницей его храма в Фивах. Когда она научилась затем эллинскому языку, то устроила прорицалище и рассказала, что ее сестру продали в Ливию те же самые финикияне, которые продали и ее.

57. Голубками же, как я думаю, додонцы называли этих женщин потому, что те были из чужой страны и, казалось, щебетали по птичьи[59]. Когда затем голубка заговорила человеческим голосом, то это значит, что они теперь стали понимать женщину. Пока же она говорила на чужом языке, им казалось, что она щебечет по птичьи. Действительно, как же может голубка говорить человеческим языком! Когда же они называют голубку

черной, то этим указывают на то, что женщина была египтянкой.

58. Способ прорицания в египетских Фивах[60] и в Додоне почти одинаков. Искусство предсказания по жертвенным животным пришло в Элладу также из Египта. Затем египтяне прежде всех ввели у себя всенародные празднества и торжественные шествия, а от них уже [все это] заимствовали эллины. Доказательство этого в том, что эти египетские празднества, очевидно, введены давно, эллинские же, напротив, установлены недавно[61].

59. Всенародные празднества египтяне справляют не один раз в году, а весьма часто. Чаще же всего и с наибольшей охотой египтяне собираются в городе Бубастисе на праздник в честь Артемиды и затем в Бусирисе в честь Исиды. Ведь в этом городе находится самый большой храм Исиды. Расположен же этот город в середине египетской Дельты (Исида – это египетское имя Деметры). Третье празднество бывает в городе Саисе в честь Афины, четвертое – в Гелиополе в честь Гелиоса, пятое – в городе Буто в честь Латоны, шестое – в Панремисе в честь Ареса[62].

60. Когда египтяне едут в город Бубастис, то делают вот что. Плынут туда женщины и мужчины совместно, причем на каждой барке много тех и других. У некоторых женщин в руках трещотки, которыми они гремят. Иные

мужчины весь путь играют на флейтах. Остальные же женщины и мужчины поют и хлопают в ладоши. Когда они подъезжают к какому-нибудь городу, то пристают к берегу и делают вот что. Одни женщины продолжают трещать в треуголки, как я сказал, другие жезывают женщин этого города и издеваются над ними, третьи пляшут, четвертые стоят и задирают [подолы] своей одежды. Это они делают в каждом приречном городе. Наконец, по прибытии в Бубастис они справляют праздник с пышными жертвоприношениями: на этом празднике выпивают виноградного вина больше, чем за весь остальной год. Собирается же здесь, по словам местных жителей, до 700.000 людей обоего пола, кроме детей.

61. Таково празднество в Бубастисе. О празднике же Исида в городе Бусирисе я уже рассказал выше[63]. После жертвоприношения все присутствующие мужчины и женщины – много десятков тысяч – бьют себя в грудь в знак печали. А кого они оплакивают, мне не дозволено говорить[64]. Карицы же, живущие в Египте, при этом заходят еще дальше египтян: они наносят себе раны ножами на лбу; поэтому то узнают, что они чужеземцы, а не египтяне.

62. Когда египтяне собираются на праздник в Саисе, то все в ночь [после жертвоприношения] возжигают множество светильников и ставят их вокруг домов.

Светильники же эти – мелкие сосуды, наполненные солью и маслом, на поверхности которых плавает светильня.

Светильники горят целую ночь, и праздник этот называется праздником возжигания светильников. Даже те египтяне, кто не участвует в саисском торжестве, соблюдают этот праздник: все возжигают в ночь после жертвоприношения светильники, так что возжигание их происходит не только в Саисе, но и по всему Египту[65]. А почему этой ночью возжигают свет и так торжественно спрашивают [праздник], об этом говорится в священном сказании.

63. В Гелиополь и Бумо египтяне собираются только для жертвоприношений. А в Папремисе приносят жертвы и совершают священнодействия так же, как и в других местах. Всякий раз, когда солнце склоняется к западу, лишь немногие жрецы хлопочут около статуи бога, большинство же с деревянными дубинками становятся при входе в святилище. Против них стоит толпой большие тысячи богомольцев, выполняющих обет (также с деревянными дубинками). Статую же бога в деревянном позолоченном ковчеге в виде храма переносят ночью в канун праздника в новый священный покой. Несколько жрецов, оставшихся у статуи бога, влечет на четырехколесной повозке ковчег со статуей бога. Другие же жрецы, стоящие перед вратами в преддверии храма, не пропускают их.

Тогда богохульцы, связавшие себя обетом, заступаются за бога и бьют жрецов, которые [в свою очередь] дают им отпор. Начинается жестокая драка на дубинках, в которой они разбивают друг другу головы, и многие даже, как я думаю, умирают от ран[66]. Египтяне, правда, утверждают, что смертных случаев при этом не бывает. Произошло же это празднество, по словам местных жителей, вот почему. В этом храме жила мать Ареса. Арес[67] же был воспитан вдали от родителей. Когда он возмужал и захотел посетить мать, то слуги матери, никогда прежде его не видавшие, не допустили его к ней и задержали. Тогда Арес привел с собой людей из другого города, жестоко расправился со слугами и вошел к матери. От этого то, говорят, и вошла в обычай помасовка на празднике в честь Ареса.

64. Египтяне первыми ввели обычай не общаться с женщинами в храмах и не вступать в святилища, не совершив омовения после сношения с женщиной. Ведь, кроме египтян и эллинов, все другие народы общаются с женщинами в храме и после сношения неомытыми вступают в святилище, так как полагают, что люди – не что иное, как животные. Они видят ведь, что другие животные и птицы спариваются в храмах и священных рощах богов. Если бы богам это было не угодно, то даже животные, конечно, не делали бы этого. На этом основании

эти люди так и поступают. Однако мне этот довод не нравится.

65. Религиозные же обряды египтяне вообще строго соблюдают, а в особенности следующие. Хотя Египет граничит с Ливией, в нем не особенно много зверей. Но все животные, которые там есть, как домашние, так и дикие, считаются священными. Если бы я пожелал рассказать, почему их считают священными, мне пришлось бы коснуться религиозных представлений [египтян], чего я по возможности стараюсь избегать. А то, что я упомянул об этом мимоходом, я сказал лишь поневоле. Обычаи же, связанные с [почитанием] животных, вот какие. Для ухода за животными каждой породы назначены из египтян особые служители – мужчины и женщины, и эти должности переходят по наследству от отца к сыну. Каждый житель города выказывает свое благоговение перед священным животным следующим образом. После молитвы богу, которому посвящено данное животное, они стригут своим детям всю голову, половину или только третью головы, и затем взвешивают волосы на серебро. Сколько веса серебра потянут волосы, столько они отдают служительнице, а та за это нарезает рыбьи в пищу животным. Таков способ питания этих животных. Если кто-нибудь умышленно убьет какое-нибудь из этих животных, того карают смертью; если же –

неумышленно, то платит пеню, установленную жрецами. А кто убьет ибиса или ястреба, должен, во всяком случае, умереть.

66. Хотя у египтян много домашних животных, но их было бы еще гораздо больше, если бы с кошками не происходило вот какого странного явления. Всякий раз, как у кошек появляются на свет котята, они уже больше не идут к котам, а те, желая с ними спариться, не находят их. Поэтому коты прибегают к такой хитрости: они силой похищают котят у кошек, умерицвляют их, но не пожирают. А кошки, лишившись своих котят и желая снова иметь других, приходят тогда к котам. Ведь это животное любит детенышей. Во время пожара с кошками творится что-то удивительное. Египтяне не заботятся о тушении огня, а оцепляют горящее пространство и стерегут кошек, а те все же успевают проскользнуть между людей и, перескочив через них, бросаются в огонь. Это повергает египтян в великое горе. Если в доме околеет кошка, то все обитатели дома сбривают себе только брови. Если же оклевает собака, то все стригут себе волосы на теле и на голове[68].

67. Трупы кошек отвозят в город Бубастис, бальзамируют и погребают там в священных покоях. Собак же хоронят каждый в своем городе в священных гробницах. Так же, как собак, хоронят, их невменов;

землероек же и ястребов отвозят в город Бумо, а ибисов – в Гермополь. Медведей, редких в Египте, и волков, которые несколько больше лисиц, хоронят там, где найдут их мертвыми.

68. О крокодилах нужно сказать вот что. Четыре зимних месяца крокодил ничего не ест. Хотя это четвероногое и земноводное животное, но кладет яйца в землю и высиживает их. Большую часть дня крокодил проводит на суше, а ночь – в реке. Ведь вода ночью теплее воздуха и росы. Из всех известных нам живых существ это животное из самого маленького становится самым большим. Ведь яйца крокодила немного крупнее гусиных и детеныши соответственно величине яйца вылупляются маленьким. Когда же он вырастает, то достигает длины в 17 локтей и даже более. У крокодила свиные глаза, большие зубы с выдающимися наружу клыками в соответствии с величиной тела. Это – единственное животное, не имеющее от природы языка. Нижняя челюсть у него неподвижна. Только крокодил придвигает верхнюю челюсть к нижней, чем и отличается от всех прочих животных. У него также острые когти и чешуйчатая твердая кожа на спине. Слепой в воде, крокодил, однако, прекрасно видит на суше. Так как он живет в воде, то пасть его внутри всегда полна пиявок[69]. Все другие птицы и звери избегают крокодила: только трохил – его

друг, так как оказывает ему услуги. Так, когда крокодил выйдет из воды на сушу и разинет пасть (обычно лишь только подует западный ветер), тогда эта птица проникает в его пасть и выклевывает пиявок. Крокодилу приятны эти услуги, и он не причиняет вреда трохилу.

69. Так вот, в иных областях Египта крокодилы считаются священными, а в других – нет и с ними даже обходятся, как с врагами. Жители Фив и области Меридова озера почитают крокодилов священными[70]. Там содержат по одному ручному крокодилу. В чии этому крокодилу вдевают серьги из стекла с золотом, а на передние лапы надевают кольца. Ему подают особо назначенную священную пищу и, пока он живет, весьма заботливо ухаживают за ним, а после смерти бальзамируют и погребают в священных покоях. Жители города Элефантины, напротив, не почитают крокодилов священными и даже употребляют их в пищу. Называют их там не крокодилами, а “хамисами”[71]. Крокодилами же их назвали ионяне, потому что это животное казалось им похожим на ящериц, живущих у них на огородах.

70. Ловят же крокодилов различными способами. Я опишу один такой способ, по-моему, наиболее стоящий упоминания. Насадив на крюк в виде приманки свиной хребт, забрасывают его на середину реки. Охотник же стоит на берегу с живым поросенком и бьет его.

Крокодил, привлеченный визгом поросенка, находит хребет и проглатывает его. Охотники же вытаскивают зверя. А когда вытащат на берег, то, прежде всего, залепляют ему глаза грязью. После этого с животным легко справиться, а иначе трудно.

71. Гиппопотамы в Папремитском округе считаются священными[72], а в остальном Египте – нет. Наружный вид их вот какой: это четвероногое животное с раздвоенными бычьими копытами, тупорылое, с лошадиной гривой и выдающимися вперед клыками, с лошадиным хвостом и голосом, как у лошади, величиной с огромного быка. Кожа гиппопотама такая толстая, что, когда высыхнет, из нее делают древки для копий.

72. В реке [Ниле] водятся также выдрьи[73], которых почитают священными. Из рыб у египтян считаются священными так называемый лепидот[74] и угорь. Эти рыбы, как говорят, посвящены Нилу. Из птиц они почитают лисьих гусей[75].

73. Есть еще одна священная птица под названием феникс[76]. Я феникса не видел живым, а только – изображения, так как он редко прилетает в Египет: в Гелиополе говорят, что только раз в 500 лет. Прилетает же феникс только, когда умирает его отец. Если его изображение верно, то внешний вид этой птицы и величина вот какие. Его оперение частично золотистое, а

отчасти красное. Видом и величиной он более всего похож на орла. О нем рассказывают вот что (мне то этот рассказ кажется неправдоподобным). Феникс прилетает будто бы из Аравии и несет с собой умашенное смирной тело отца в храм Гелиоса, где его и погребают. Несет же его вот как. Сначала приготовляет из смирны большое яйцо, какое только может унести, а потом пробует его поднять. После такой пробы феникс пробивает яйцо и кладет туда тело отца. Затем опять заклеивает смирной пробитое место в яйце, куда положил тело отца. Яйцо с телом отца становится теперь таким же тяжелым, как и прежде. Тогда феникс несет яйцо [с собой] в Египет в храм Гелиоса. Вот что, по рассказам, делает эта птица.

74. В Фиванской области есть священные змеи, отнюдь не "нагубные" для людей. Они маленькие, с двумя рогами на голове[77]. Мертвых змей погребают в храме Зевса[78], так как они, по словам египтян, посвящены этому богу.

75. Есть в Аравии местность, расположенная примерно около города Бумо. Туда я ездил, чтобы разузнать о крылатых змеях[79]. Прибыв на место, я увидел кости и хребты в несметном количестве. Целые кучи [змеиных] хребтов лежали там – большие, поменьше и совсем маленькие; их было очень много[80]. Местность, где лежат кучи костей, имеет вот какой вид: это узкий

проход, ведущий из горных теснин в обширную равнину. Равнина же эта примыкает к египетской равнине. Существует сказание, что с наступлением весны крылатые змеи летят из Аравии в Египет. Ибисы же летят им навстречу до этой теснин и, не пропуская змей, умеривают их. Поэтому то, по словам арабов; египтяне воздают такие великие почести ибису[81]. И сами египтяне согласны, что именно поэтому они и почитают этих птиц.

76. Внешний вид ибиса вот какой. Он совершенно черный[82], ноги, как у журавля, с сильно загнутым клювом, величиной с птицу крек. Таков этот черный ибис, воюющий со змеями. У другой же породы, которая стаями держится около людей (есть ведь два рода ибисов), голова и шея лысые, оперенье белое (кроме головы, затылка, концов крыльев и хвоста, — все эти части совершенно черные); ноги и клюв такие же, как у другой породы. А крылатые змеи видом похожи на водяных змей. Крылья же у них перепончатые, а не из перьев, скорее всего похожие на крылья летучих мышей. О священных животных сказано достаточно.

77. Что до самих египтян, то жители пригодной для земледелия части страны большие всего сохраняют память [о прошлом своей земли] и потому разбираются в истории своей страны лучше всех людей, с которыми мне

приходилось общаться в моих странствиях. Образ же жизни египтян вот какой. Желудок свой они очищают[83] каждый месяц, три дня подряд, принимая слабительные средства, и сохраняют здоровье рвотными и клистирами. Ведь, по их мнению, все людские недуги происходят от пищи. Вообще же египтяне, исключая ливийцев, самый здоровый народ на свете, что зависит, по-моему, от климата (ведь там нет смены времен года). Действительно, [климатические] перемены приносят людям большинство недугов, в особенности же смена времен года. Хлеб, который они едят, приготовляется из полбы, по-египетски называемой "киллестис"[84]. Вино, которое они пьют, изготавливается из ячменя, потому что в этой стране нет виноградной лозы[85]. Рыбу же египтяне едят частью в сыром виде вяленой на солнце, частью просоленной в рассоле. Из птиц употребляют в пищу также в соленом виде перепелок, уток и мелких птичек. Птицу и рыбу всех других пород, кроме, конечно, почитаемых священными, они едят жареной или вареной.

78. На пиршествах у людей богатых после угощения один человек обносит кругом деревянное изображение покойника, лежащего в гробу. Изображение представляет собой расписанную фигуру величиной в один или два локтя с чертами покойника. Каждому сопрапезнику показывают эту фигуру со словами: "Смотри на него, пей и

наслаждайся жизнью. После смерти ведь ты будешь таким!"[86]. Таковы обычаи египтян на пиршествах.

79. Придерживаясь своих местных отеческих напевов, египтяне не перенимают иноземных. Среди других достопримечательных обычаем есть у них обычай исполнять одну песнь Лина[87], которую поют также в Финикии, на Кипре и в других местах. Хотя у разных народов она называется по-разному, но это как раз та же самая песнь, которую исполняют и в Элладе и называют Лином. Поэтому среди многое другого, что поражает в Египте, особенно удивляет меня: откуда у них эта песнь Лина? Очевидно, они пели ее с давних пор. На египетском же языке Лин зовется Манерос[88]. По рассказам египтян, это был единственный сын первого египетского царя. Его безвременную кончину египтяне чествовали, [прославляя] жалобными песнями, и эта [песнь] была сначала их первой и единственной жалобной песнью.

80. У египтян есть еще и другой обычай, сходный с эллинским, именно с лакедемонским, вот какой. При встрече со старцами юноши уступают дорогу, отходя в сторону, и при их приближении встают со своих мест. Напротив, следующий египетский обычай не похож на обычай какого-нибудь эллинского племени: на улице вместо словесного приветствия они здороваются друг с другом, опуская руку до колена.

81. Египтяне носят на теле льняные, обшитые по подолу бахромой хитоны под названием "каласирис". Поверх этих рубах они надевают в накидку белые шерстяные плащи. Однако в шерстяных одеждах они не вступают в храм и в них не погребают покойников. Это считается нечестивым. В этом у египтян сходство с учениями так называемых орфиков[89], с вакхическими таинствами, происходящими из Египта, и с учениями пифагорейцев. Ведь посвященных в эти таинства не дозволено погребать в шерстяных одеждах. Об этом также существует у них священное сказание.

82. Затем египтяне придумали еще вот что. Каждый месяц, и день [года] посвящены у них какому-нибудь богу. Всякий может предугадать заранее, какую судьбу, какой конец, и характер будет иметь родившийся в том или иной день[90]. Это также заимствовали у египтян эллинские поэты. Предзнаменованиям и чудесам они придают гораздо большие значения, чем все другие народы. Так, если произойдет какое-нибудь чудо, египтяне внимательно следят за его последствиями и отмечают их. В подобном же случае, по их мнению, в будущем результаты будут одинаковы.

83. Искусство прорицания у них вот какое. Пророческий дар, по их мнению, не дан в удел смертным, этим даром обладают лишь некоторые боги. Так, у них есть

прорицалища Геракла, Аполлона, Афины, Артемиды, Ареса и Зевса. Наибольшим уважением, однако, пользуется прорицалище Латоны в городе Бумо. Способ прорицания, впрочем, не всюду одинаков, но различен.

84. Искусство же врачевания у них разделено. Каждый врач лечит только один определенный недуг, а не несколько, и вся египетская страна полна врачей. Так, есть врачи по глазным болезням, болезням головы, зубов, чрева и внутренним болезням[91].

85. Плач по покойникам и погребение происходят вот как. Если в доме умирает мужчина, пользующийся некоторым уважением, то все женское население дома обмазывает себе голову или лицо грязью. Затем, оставив покойника в доме, сами женщины обегают город и, высоко поднявшись и показывая обнаженные груди, бьют себя в грудь. К ним присоединяется вся женская родня. С другой стороны, и мужчины бьют себя в грудь, также высоко поднясаные. После этого тело уносят для бальзамирования.

86. Для этого поставлены особые мастера, которые по должности занимаются ремеслом бальзамирования. Когда к ним приносят покойника, они показывают родственникам на выбор деревянные раскрашенные изображения покойников[92]. При этом мастера называют самый лучший способ бальзамирования, примененный [при

балзамировании того], кого мне не подобает в данном случае называть по имени[93]. Затем они предлагают второй способ, более простой и дешевый, и, наконец, третий – самый дешевый. Потом опрашивают [родных], за какую цену [и каким способом] те желают набальзамировать покойника. Если цена сходная, то родственники возвращаются домой, а мастера остаются и немедленно самым тщательным образом принимаются за работу. Сначала они извлекают через ноздри железным крючком мозг. Этим способом удаляют только часть мозга, остальную же часть – путем вспрыскивания [расстворяющих] снадобий. Затем делают острым эфиопским камнем разрез в паху и очищают всю брюшину полость от внутренностей. Вычистив брюшину полость и промыв ее пальмовым вином, мастера потом вновь прочищают ее расщертыми благовониями[94]. Наконец, наполняют чрево чистой расщертой миррой[95], касией[96] и прочими благовониями (кроме ладана) и снова зашивают. После этого тело на 70 дней кладут в натровый щелок. Больше 70 дней, однако, оставлять тело в щелоке нельзя. По истечении же этого 70 дневного срока, обмыв тело, обивают повязкой из разрезанного на ленты виссонного полотна и намазывают камедью[97](ее употребляют вместо клея). После этого родственники берут тело назад, изготавливают деревянный саркофаг в виде человеческой фигуры и помещают туда покойника.

Положив в гроб, тело хранят в семейной усыпальнице, где ставят гроб стоймя к стене.

87. Таким способом богачи бальзамируют своих покойников. Если родственникам из-за дороговизны [первого] приходится выбирать второй способ бальзамирования, то [мастера] поступают вот как. С помощью трубки для промывания вприскивают в брюшину полость покойника кедровое масло[98], не разрезая, однако, паха и не извлекая внутренностей. Вприскивают же масло через задний проход и затем, замкнув его, чтобы масло не вытекало, кладут тело в натровый щелок на определенное число дней. В последний день выпускают из кишечника ранее влитое туда масло. Масло действует настолько сильно, что разлагает желудок и внутренности, которые выходят вместе с маслом. Натровый же щелок разлагает мясо, так что от покойника остаются лишь кожа да кости. Затем тело возвращают [родным], больше уже ничего с ним не делая.

88. Третий способ бальзамирования, которым бальзамируют бедняков, вот какой. В брюшину полость вливают сок редьки[99] и потом кладут тело в натровый щелок на 70 дней. После этого тело возвращают родным.

89. Тела жен знатных людей отдают бальзамировать не сразу после кончины, точно так же как и тела красивых и вообще уважаемых женщин. Их передают

бальзамировщикам только через три или четыре дня. Так поступают для того, чтобы бальзамировщики не совокуплялись с ними. Действительно, говорят, был случай, что один из них совокупился со свежим трупом женщины и был пойман по доносу своего товарища.

90. Если какого-нибудь египтянина или (что все равно) чужеземца утащит крокодил или он утонет в реке, то жители того города, где труп прибило к берегу, непременно обязаны набальзамировать его, обрядить как можно богаче и предать погребению в священной гробнице. Тела его не дозволено касаться ни родным, ни друзьям. Жрецы бога [реки] Нила сами своими руками погребают покойника как некое высшее, чем человек, существо.

91. Эллинские обычаи египтяне избегают заимствовать. Вообще говоря, они не желают перенимать никаких обычаем ни от какого народа. Исключение составляет в этом отношении большой город Хеммис в Фиванской области близ Неаполя. В этом городе есть четырехугольный священный участок Персея, сына Danae. Вокруг участка растет пальмовая роща. Огромное преддверие участка построено из камня с двумя большими каменными же статуями при входе. В этом священном участке есть храм, а в нем стоит статуя Персея. Эти жители Хеммиса рассказывают, что Персей нередко появляется в их стране, то тут, то там и часто — в

своем святилище. Находили также его сандалию величиной в 2 локтя. Всякий раз при появлении сандалии повсюду в Египте наступает благоденствие. Так они рассказывают и по эллинскому образцу устраивают в честь Персея гимнические состязания всякого рода, назначая в награду [победителям] головы скота, плащи и звериные шкуры. На мой вопрос, почему Персей является только им и почему они в отличие от прочих египтян устраивают гимнические состязания, они отвечали: "Персей происходил из нашего города". Ведь Данай и Линкей были из Хемисса и оттуда-то на кораблях прибыли в Элладу. Их родословную перечисляли мне жители Хемисса вплоть до Персея. Прибыл же, по их рассказам, Персей в Египет по той же причине, которую упоминают и эллины, именно за головой Гргонны. Как они передают, Персей приехал к ним в Египет и признал всех своих родственников. Имя города Хемисса он тоже раньше слышал от своей матери и знал о нем, когда ему пришлось посетить Египет. По его же повелению египтяне и установили гимническое состязание.

92. Все это обычай египтян, живущих в Верхнем Египте над болотами. Впрочем, и у жителей болотистой прибрежной области обычай те же, как и у других египтян. Так и там каждый живет только с одной женой, как и у эллинов. Однако для удешевления пищи они придумали еще вот что. Когда на реке начинается половодье и поля

затоплены, в воде вырастает много лилий, которые египтяне называют лотосом [100]; египтяне срезают эти лилии, высушивают на солнце, затем толкуют семенные зернышки, похожие на мак из цветочного мешочка лотоса, и пекут из них хлеб на огне. Корень этого растения также съедобен, довольно приятен на вкус, круглый, величиной с яблоко. Есть там и другие, похожие на розы, лилии [101], также растущие в реке. Их плод не находится в цветочной чашечке, но вырастает из корня в особой [побочной] чашечке, по виду весьма схожей с осинными сопами. В этой [чашечке] – множество съедобных зерен величиной с маслинную косточку. Их употребляют в пищу сырыми и сушеными. Однолетние побеги папируса извлекают из болота. Верхнюю часть срезают и употребляют на другие цели, а нижний остаток длиной с локоть идет в пищу или на продажу. Иные, чтобы придать папирусу особый вкус, тушат его в раскаленной духовой печи и в таком виде едят. Другие египтяне пытаются исключительно рыбой [102]. Наловив рыбы, они потрошат ее, вялят на солнце и едят сухую.

93. Рыба, держащаяся стаями, редко попадается в нильских рукавах. Живет она больше в озерах и ведет себя вот как. Когда наступает пора нереста, рыба стаями спускается в море. Впереди идут самцы и выпускают молоки, которые поглощают плавущие за ними самки и

оплодотворяются. После оплодотворения в море рыба поднимается вверх по реке назад в свои обычные места. Теперь, однако, предводительствуют уже не самцы, а самки. Они стаями плывут впереди и делают то, что раньше делали самцы: именно, они выпускают икринки величиной с просяное зерно, а плывущие сзади самцы поглощают их. Эти зернышки и есть рыбки. Из уцелевших, непоглощенных икринок рождаются маленькие рыбки. Если поймать несколько рыб, плывущих в море, то у них окажутся ссадины на левой стороне головы, а при возвращении назад ссадины уже на правой стороне. Это происходит вот от чего. Когда рыба спускается в море, то держится левого берега и так же — на обратном пути, причем теснится как можно ближе к берегу и трется об него, чтобы течением ее не сбило с пути. Когда же начинается разлив Нила, то вода наполняет, прежде всего, овраги и поймы по берегам, причем вода просачивается туда из реки. Едва только вода нахлынет в эти места, как они уже кишат мелкой рыбешкой. Откуда появляются эти рыбки, я думаю, можно понять. Когда в предшествующем году вода в Ниле спадает, рыба мечет икру в ил и затем уходит с последней водой. Через некоторое время вода снова возвращается, и из этих икринок тотчас появляются рыбки. Вот что происходит с рыбой.

94. Масло египтяне, живущие в болотистых частях страны, добывают из плода силликипции, который в Египте называется "кики" [103]. Приготовляют же масло египтяне вот как. Именно, они сажают эти силликипции по берегам рек и озер, тогда как в Элладе – это дикорастущее растение. Посаженное в Египте, оно приносит много плодов, но дурного запаха. После сбора плоды толкуют и выжимают масло или же, высушив, вываривают, а вытекающую жидкость собирают. Это – жирное масло и не менее нашего оливкового пригодно для светильников, но при горении дает тяжелый чад.

95. Против несметных комаров египтяне придумали вот какие предохранительные средства. Жители [возвышенной части страны], что над болотами, строят себе особые спальные помещения в виде башен, куда и забираются спать [104]. Ведь комары от ветра не могут летать высоко. Жители же болотистой области вместо башен применяют другое устройство. У каждого там есть рыбачья сеть, которой днем ловят рыбу, а ночью пользуются вот как. Сеть эту натягивают [в виде полога] вокруг спального ложа. Потом подлезают под полог и там спят. Если спать покрытым плащом или под [кисейной] простыней, то комары могут прокусить эти [покрывала], тогда как сквозь [сеть] они даже не пробуют кусать.

96. Грузовые суда египтяне строят из аканфа[105], который очень похож по виду на киренский лотос. Сок аканфа – это камедь. Из этого аканфа изготавлиают брусья локтя в два и складывают их вместе наподобие кирпичей. Эти двухлоктевые брусья скрепляют затем длинными и крепкими деревянными гвоздями. Когда таким образом построят [остов] корабля, то поверх кладут поперечные балки. Ребер вообще не делают, а пазы законопачивают папирусом. На судне делается только один руль, который проходит насеквоздь через киль; мачту делают также из аканфа, а паруса из упомянутого выше папируса. Такие суда могут ходить вверх по реке лишь при сильном попутном ветре; их буксируют вдоль берега. Вниз же по течению судадвигаются вот как. Сколачивают из тамарисковых досок плот в виде двери, обтянутый плетенкой из камыша, и затем берут просверленный камень весом в 2 таланта. Этот плот, привязанный к судну канатом, спускают на воду вперед по течению, а камень на другом канате привязывают сзади. Под напором течения плот быстро движется, увлекая за собой “Барис”[106] (таково название этих судов); камень же, который тащится сзади по дну реки, направляет курс судна. Таких судов у египтян очень много, и некоторые из них грузоподъемностью во много тысяч талантов.

97. Когда Нил затопляет страну, только одни лишь города возвышаются над водой почти как острова в нашем Эгейском море. Ведь вся остальная египетская страна, кроме городов, превращается в море. Тогда плавают на судах уже не по руслу реки, а напрямик по равнине. Так, например, на пути из Навкрамиса в Мемфис проезжают мимо самих пирамид, хотя это необычный путь по реке: [обычный путь] идет мимо вершины Дельты и города Керкасора. Плыvia через равнину от побережья у Каноба в Навкрамис, приедешь в город Анфиллу и к так называемому городу Архандру.

98. Эта Анфилла – значительный город, предназначен поставлять супруге египетского царя обувь (этот обычай установлен со временем персидского владычества в Египте). Другой же город, по-видимому, получил имя от зятя Даная Архандра, сына Фтия^[107], внука Ахея. И действительно, он называется городом Архандра. Впрочем, возможно, был и какой-то еще другой Архандр, но все же это имя не египетское.

99. До сих пор я рассказывал о том, что видел своими глазами, руководствуясь собственным суждением или сведениями, которые я собирал лично. Теперь же я хочу сообщить то, что я узнал по рассказам из египетской истории. Впрочем, к рассказам [египетских жрецов] мне придется добавить и кое-что из собственных наблюдений.

Мин, первый египетский царь, по словам жрецов, возвел защитную плотину у Мемфиса. Прежде ведь вся река протекала вдоль песчаных гор на ливийской стороне. Мин же велел засыпать [плотиной] нильскую излучину приблизительно в 100 стадиях выше Мемфиса. Старое русло он осушил, а реку направил в середину [низменности] между горами. Еще и поныне первы весьма заботятся об этой огражденной плотиной излучине Нила и каждый год укрепляют ее. Если река прорвет здесь плотину и разольется, то Мемфису угрожает опасность полного затопления. На этой то осушенней с помощью плотины земле Мин, первый египетский царь, и основал город, ныне называемый Мемфисом. Мемфис также лежит еще в узкой части [Верхнего] Египта. Вокруг города царь велел выкопать озеро, проведя воду из реки, именно на северо-запад от города, потому что на востоке мимо города протекает сам Нил. И в городе царь воздвиг большое и весьма достопримечательное святилище Гефеста.

100. За Мином следовало 330 других царей, имена которых жрецы перечислили мне по своей книге. В течение стольких людских поколений среди этих царей были эфиопы и одна женщина египтянка. Все остальные были мужчины и египтяне[108]. Царицу же эту звали, так же как и ту вавилонскую, Нитокрис. По рассказам жрецов, она мстила за своего брата, который был до нее царем Египта,

убитого египтянами. После убийства брата египтяне передали царскую власть ей, а она в отмщение за брата коварно погубила много египтян вот таким образом. Царица велела построить обширный подземный покой. Затем под предлогом его торжественного открытия, а на самом деле с совершенно другой целью, она пригласила на торжество главных виновников (кого она знала) убийства брата. Пока гости пировали, царица велела выпустить в покой воды реки через большой потайной канал. Вот все, что рассказывали жрецы об этой царице. Впрочем, как говорят еще, она сама после такого действия, чтобы избежать возмездия, бросилась в какой-то покой, полный пепла.

101. Из прочих царей ни один, по словам жрецов, не совершил никаких [замечательных] действий и не покрыл себя славой, кроме одного последнего царя Мерида. А этот царь оставил в память о себе обращенное на север преддверие святилища Гефеста^[109] и велел выкопать озеро (сколько стадий оно в окружности, я расскажу ниже) и на озере он воздвиг пирамиды, о высоте которых я скажу при описании озера. Таковы действия этого царя. Другие же цари ничего не совершили.

102. Поэтому я обойду этих царей молчанием и перейду к их преемнику, имя которого было Сесострис. Сесострис, как говорили жрецы, первым отправился на военных

кораблях из Аравийского залива и покорил народы на Красном море[110]. Он плыл все дальше, пока не достиг моря, непроходимого для судов из-за мелководья. Когда он возвратился в Египет, то, по словам жрецов, с большим войском двинулся по суше, покоряя все народы на своем пути. Если это был храбрый народ, мужественно сражавшийся за свою свободу, тогда царь ставил на их земле памятные столпы с надписями[111], гласившими об имени царя, его родине и о том, что он, Сесострис, силой оружия покорил эти народы. Если же удавалось взять какие-нибудь города без труда и сопротивления, то он ставил те же столпы с надписями, как и у храбрых народов, и, кроме того, еще прибавлял изображение женских половых органов, желая показать этим, что они трусы.

103. Так Сесострис прошел по матерiku, пока не переправился из Азии в Европу и не покорил скифов и фракийцев[112]. До этих то народов – не дальше – дошло, по-моему, египетское войско, так как в этих странах еще есть такие столпы, а дальше – уже нет. Отсюда Сесострис повернул назад к югу, и когда подошел к реке Фасису, то оставил там часть своего войска. Я не могу точно сказать, сам ли царь Сесострис поселил в этой стране часть своих воинов, или же некоторые из них, удрученные долгим блужданием, самовольно поселились на реке Фасисе.

104. Ведь колхи, по-видимому, египтяне: я это понял сам еще прежде, чем услышал от других.

Заинтересовавшись этим, я стал расспрашивать [об этом родстве] как в Колхиде, так и в Египте. Колхи сохранили более ясные воспоминания о египтянах, чем египтяне о колхах. Впрочем, египтяне говорили мне, что, по их мнению, колхи ведут свое происхождение от воинов Сесострисова войска. Сам я пришел к такому же выводу, потому что они темнокожие, с курчавыми волосами. Впрочем, это еще ничего не доказывает. Ведь есть и другие народы такого же вида. Гораздо более зато основательны следующие доводы. Только три народа на земле искони подвергают себя обрезанию: колхи, египтяне и эфиопы. Финикияне же и сирийцы, что в Палестине, сами признают, что заимствовали этот обычай у египтян. А сирийцы, живущие на реках Фермудонте[113] и Парфении, и их соседи макроны говорят, что лишь недавно переняли обрезание у египтян. Это ведь единственные народы, совершающие обрезание, и все они, очевидно, подражают этому обычаяу египтян. Что до самих египтян и эфиопов, то я не могу сказать, кто из них и у кого заимствовал этот обычай. Ведь он, очевидно, очень древний. А то что [финикияне и сирийцы] переняли этот обычай вследствие торговых сношений с Египтом, этому есть вот какое важное доказательство. Все финикияне, которые

общаются с Элладой, уже больше не подражают египтянам и не обрезают своих детей.

105. Назову еще одну черту сходства колхов с египтянами. Только они одни да египтяне изготавливают полотно одинаковым способом. Так же и весь образ жизни, и язык у них похожи. У эллинов, правда, колхидское полотно называется сардонским, а привозимое из Египта – египетским.

106. Что до столпов, которые воздвигал египетский царь Сесострис в [покоренных] землях, то большей части их уже не существует. Но все же мне самому пришлось еще видеть в Сирии Палестинской несколько столпов с упомянутыми надписями и с женскими половыми органами. И в Ионии также есть два высеченных на скале рельефных изображения этого царя[114]: одно – на пути из Эфеса в Фокею, а другое – из Сард в Смирну. В том и другом месте это рельефное изображение мужчины воина в 41/2 локтя высотой; в правой руке он держит копье, а в левой лук. Соответственно и остальное вооружение египетское и эфиопское. На груди у него от одного плеча до другого вырезана надпись священными египетскими письменами, гласящая: "Я завоевал эту землю моими плечами". Кто этот воин и откуда, он, правда, здесь не объясняет, но зато в другом месте называет себя. Впрочем, иные,

видевшие эти рельефы, считают их изображениями Мемнона. Но тут они далеки от истины.

107. Когда этот египетский царь Сесострис на обратном пути, как рассказывают жрецы, с множеством пленников из покоренных стран прибыл в Дафны у Пелусия, то брат его, которому царь поручил управление Египтом, пригласил Сесостриса с сыновьями на пир, а дом снаружи обложил дровами. А, обложив дом дровами, он поджег его. Когда Сесострис заметил огонь, то тотчас же обратился за советом к супруге (она ведь сопровождала царя в походе). А та посоветовала взять двоих из шести сыновей и положить в виде моста над огнем, самим же перейти по их телам и спастись. Сесострис так и сделал, и двое его сыновей сгорели, остальным же вместе с отцом удалось спастись[115].

108. Возвратившись в Египет, Сесострис отомстил своему брату и заставил множество приведенных с собою пленников работать вот на каких работах. Они должны были перемаскивать огромные камни, которые при этом царе были приготовлены для [строительства] святилища Гефеста, и рыть все каналы, существующие и поныне в Египте. И таким образом они, не помышляя о том, сделали эту страну неудобной для езды верхом и на повозках[116]. Ведь с этого времени по всему Египту, хотя он и представляет собой равнину, нельзя проехать ни

верхом, ни на повозке. Причиной этому множество каналов, пересекающих страну в разных направлениях. А перерезал каналами свою страну этот царь вот ради чего. Все жители Египта, города которых лежали не на реке, а внутри страны, как только река отступала, страдали от недостатка воды и вынуждены были пить солоноватую воду, которую вычерпывали из колодцев. Поэтому то Сесострис и перерезал Египет каналами[117].

109. Этот царь, как передавали жрецы, также разделил землю между всеми жителями и дал каждому по квадратному участку равной величины. От этого царь стал получать доходы, повелев взимать ежегодно поземельную подать. Если река отрывала у когонибудь часть его участка, то владелец мог прийти и объявить царю о случившемся. А царь посыпал людей удостовериться в этом и измерить, насколько уменьшился участок для того, чтобы владелец уплачивал подать соразмерно величине оставшегося надела[118]. Мне думается, что при этом то и было изобретено землемерное искусство и затем перенесено в Элладу. Ведь "полос" и "гномон", так же, как и деление дня на 12 частей[119], эллины заимствовали от вавилонян.

110. Этот то египетский царь был единственным царем, который властвовал также и над Эфиопией. Он оставил также памятники – две каменные статуи

высотой в 30 локтей[120], изображавшие его самого и его супругу, и четыре статуи своих сыновей высотой в 20 локтей каждая. Они стоят перед храмом Гефеста. Еще много времени спустя, когда персидский царь Дарий пожелал поставить свою статую перед этими древними статуями, жрец Гефеста не позволил этого сделать, заявив, что Дарий не совершил столь великих подвигов, как Сесострис Египетский. Сесострис, по его словам, ведь не только покорил все те народы, что и Дарий, да к тому же еще скифов, которых Дарий не мог одолеть. Поэтому то и не подобает ему стоять перед статуями Сесостриса, которого он не смог превзойти своими подвигами. И Дарий, как говорят, должен был согласиться с этим.

111. После кончины Сесостриса, рассказывали жрецы, царский престол унаследовал его сын Ферон. Этот царь не вел никакой войны и имел несчастье ослепнуть, и вот по какому случаю. В то время вода в реке поднялась очень высоко, локтей до 80, так что затопила поля. Затем поднялась буря и река разбушевалась. Царь же в своем преступном нечестии, говорят, схватил копье и метнул в реку, в самую пучину водоворота. Тотчас же его поразил глазной недуг, и царь ослеп. Десять лет был он лишен зрения, а на одиннадцатый год пришло к нему из города Бумо прорицание оракула, что срок кары истек и царь прозреет, промыв глаза мочой женщины, которая имела

сношение только со своим мужем и не знала других мужчин. Сначала царь попробовал мочу своей собственной жены, но не прозрел, а затем подряд стал пробовать мочу всех других женщин. Когда наконец царь [исцелился] и стал вновь зрячим, то собрал всех женщин, которых подвергал испытанию, кроме той, чьей мочой, омывшись, прозрел, в один город, теперь называемый Эрифраболос. Собрав их в этом городе, царь сжег всех женщин вместе с самим городом. А ту женщину, от мочи которой он стал вновь зрячим, царь взял себе в жены. Исцелившись же от своего глазного недуга, он принес во все почитаемые храмы посвящительные дары, среди которых особенно достойны упоминания два каменных обелиска, оба из цельного камня, высотой в 100 локтей и в 8 шириной.

112. Наследником этого царя, как рассказывали жрецы, был царь из Мемфиса, которого эллины называли Протей. Еще и поныне существует в Мемфисе его очень красивый, прекрасно построенный священный участок [и храм] к югу от святилища Гефеста. Вокруг этого священного участка живут финикияне из Тира. А называется все это место Тирским Станом[121]. Есть в этом священном участке Протея храм, называемый храмом "чужеземной Афродиты". Как я предполагаю, это – храм Елены, дочери Тиндарея. Во-первых, потому, что по сказанию, которое мне сообщили, Елена жила у Протея, а во вторых, оттого,

что этот храм называется храмом "чужеземной Афродиты". Ведь ни один другой храм в Египте не носит такого названия.

113. В ответ на мои расспросы о Елене жрецы рассказали вот что. После того как Александр похитил Елену из Спарты, он поплыл с нею на свою родину. И вот, когда он был уже в Эгейском море, противные ветры отнесли его в Египетское море. Отсюда же, так как ветры не унимались, он прибыл к египетским берегам, а именно в устье Нила, которое ныне называется Канобским, в Тарихеи. На берегу стоял (да и поныне еще стоит) храм Геракла – убежище для всех рабов, которые бежали от своих господ. Если раб, чей бы то ни было, убежит сюда и посвятит себя богу наложением священных знаков[122], то становится неприкасаемым. Обычай этот существует издревле до нашего времени. Так вот, несколько слуг Александра, услышав об обычаях в этом храме, бежали туда. Сидя там как молящие бога о защите, они стали обвинять Александра. Чтобы его погубить, они рассказали всю историю о похищении Елены и об обиде, нанесенной Менелаю. Обвиняли же они его в этом перед жрецами и перед стражем этого нильского устья по имени Фонис.

114. Услышав это, Фонис поспешно отправил в Мемфис к Прометю вот какую весть: "Прибыл чужеземец, родом

тевкр, совершивший нечестивое деяние в Элладе. Он соблазнил жену своего гостеприимца и вместе с ней и богатыми сокровищами находится здесь, потому что буря занесла его к нашей земле. Отпустить ли его безнаказанно или же отнять все добро, привезенное им?". На это Протей послал вот какой ответ: "Этого человека, совершившего нечестивое деяние против своего гостеприимца, схватите и приведите ко мне: я послушаю, что-то он скажет".

115. Услышав это, Фонис велел схватить Александра и задержать его корабли. А его самого вместе с Еленой и сокровищами, а также и умоляющих о защите [слуг Александра] отправил вверх [по реке] в Мемфис. Когда все они предстали перед царем, Протей спросил Александра, кто он и откуда плывет. А тот перечислил ему своих предков и назвал имя родной страны, а также рассказал, откуда теперь плывет. Тогда Протей спросил, откуда он взял Елену. Так как Александр старался уклониться от ответа и, очевидно, говорил неправду, то [слуги], умоляющие о защите, стали его уличать и рассказали подробно о его постыдном деянии. Наконец Протей вынес приговор в таких словах: "Если бы я раз и навсегда не установил не казнить никого из чужеземцев, занесенных бурей в мою страну, то я отомстил бы тебе за эллина, негодный человек! Ты был его гостем и оскорбил его самым

нечестивым поступком: ты прокрался к жене твоего гостеприимца – и этого тебе было еще мало! Ты соблазнил ее бежать с тобой и похитил. И даже этим ты не удовольствовался: ты еще и ограбил дом своего гостеприимца. Но, так как я ни в коем случае не желаю казнить чужеземца, ты можешь уехать. Женщину же и сокровища я все же не позволю тебе увезти, но сохраню их для твоего эллинского гостеприимца, если он сам пожелает приехать ко мне и увезти их. Тебе же и твоим спутникам я повелеваю в течение трех дней покинуть мою страну и уехать куда угодно. В противном случае я поступлю с вами, как с врагами”.

116. Так то Елена, говорили мне жрецы, прибыла к Прометю. По-видимому, и Гомеру эта история была хорошо известна. Но так как она не так хорошо подходила к его эпосу, как то другое, принятое им сказание о Елене, то Гомер нарочно отбросил эту историю. Но все же Гомер ясно дал понять, что это сказание ему известно. Это очевидно из того, как поэт рассказывает в “Илиаде” о скитаниях Александра (и нигде не противоречит этому сказанию), а именно, как Александр вместе с Еленой, отнесенный ветрами, сбился с пути и как он, блуждая по разным местам, прибыл также в финикийский Сидон. Об этом Гомер упоминает в песни о подвигах Диомеда. Стихи же эти гласят так:

Там у нее сохранились пышноузорные ризы,
Жен сидонских работы, которых Парис договидный
Сам из Сидона привез, преплывая пространное море.
Сим он путем увозил знаменитую родом Елену[123].
Упоминает Гомер об этом и в "Одиссее" в таких стихах:
Диева светлая дочь обладала тем соком чудесным;
Щедро в Египте ее Полидамна, супруга Фоона,
Им наделила; земля там богатообильная много
Злаков рождает и добрых, целебных, и злых, ядовитых[124].
А вот что в другом месте говорит Телемаху Менелай:
Все еще боги в отчество милое мне из Египта
Путь заграждали: обещанной я не свершил гекатомбы[125].

Из этих слов явствует, что Гомер знал о скитаниях Александра в Египте. Ведь Сирия граничила с Египтом, а финикияне, которым принадлежит Сидон, живут в Сирии.

117. Из этих стихов совершенно ясно, что эпос "Киприи"[126] не принадлежит Гомеру, а какому то другому поэту. Ведь в "Киприях" рассказывается о том, как Александр на третий день прибыл с Еленой из Спарты в Илион:

С ветра попутным дыханьем по глади спокойного моря,
тогда как в "Илиаде" Гомер говорит о его скитаниях с Еленой. Впрочем, довольно о Гомере и "Киприях".

118. Когда я спросил жрецов, верно ли сказание эллинов об осаде Илона, они ответили, что знают об этом из расспросов самого Менелая вот что. После похищения Елены в землю тевкров на помощь Менелаю прибыло большое эллинское войско. Эллины высадились на берег и разбили стан, а затем отправили в Илон послов, среди которых был и сам Менелай. Когда послы прибыли в город, то потребовали возвращения Елены и сокровищ, тайно похищенных Александром, и, сверх того, удовлетворения за нанесенные обиды. Однако тевкры и тогда, и впоследствии клятвенно и без клятв утверждали, что нет у них ни Елены, ни требуемых сокровищ, но что все это — в Египте. Поэтому было бы несправедливо им понести наказание за то, чем владеет Протей, египетский царь. Эллины же, думая, что над ними издеваются, принялись осаждать город и, наконец, взяли его. А когда взяли город и Елены там действительно не оказалось, и им повторили опять то же самое [о ее местопребывании], что и раньше, то эллины, в конце концов, убедились, что тевкры с самого начала говорили правду. Тогда они отправили Менелая в Египет к Протею.

119. По прибытии в Египет Менелай поднялся вверх по реке в Мемфис. Он рассказал правду о своих делах и был весьма радушно принят [царем]. Затем он получил назад не только Елену здоровой и невредимой, но и все свои

сокровища. При этом Менелай, несмотря на то что египтяне сделали ему много добра, отплатил им за это бесчестным поступком. Противные ветры задерживали его отплытие, и так как это промедление тянулось долго, то Менелай задумал нечестивое дело. Он схватил двух египетских мальчиков и принес в жертву, чтобы умилостивить [ветры]. Когда это злодеяние обнаружилось, то возмущенные египтяне погнались за ним и он бежал с кораблями в Ливию. Куда он затем направился дальше, египтяне не могли мне сказать. Однако они утверждали, что знают об этом частично, правда, по слухам, а частью могут ручаться за достоверность, так как события происходили в их стране.

120. Это мне рассказывали египетские жрецы, и я сам считаю их сказание о Елене правдивым, так как я представляю себе дело так. Если бы Елена была в Илионе, то ее выдали бы эллинам с согласия ли или даже против воли Александра. Конечно, ведь ни Приам, ни остальные его родственники не были столь безумны, чтобы подвергать опасности свою жизнь, своих детей и родной город для того лишь, чтобы Александр мог сожительствовать с Еленой. Если бы они даже и решились на это в первое время войны, то после гибели множества троянцев в битвах с эллинами, когда, если верить эпическим поэтам, в каждой битве погибало по одному или по несколько сыновей самого

Приама – после подобных происшествий, я уверен, что, живи даже сам Приам с Еленой, то и он выдал бы ее ахейцам, чтобы только избежать столь тяжких бедствий. Притом царская власть переходила не к Александру (так что он не мог править за старого Приама). Но после кончины Приама на престол должен был вступать Гектор, который был и старшим, и более мужественным. Без сомнения, он не стал бы повторствовать своему преступному брату, тем более что тот навлек такие страшные бедствия и на него самого, и на всех остальных троянцев. Но ведь троянцы не могли выдать Елену, потому что ее не было там, и эллины не верили им, хотя троянцы и говорили правду. Все это, по-моему, было заранее уготовано божеством, чтобы их полная гибель показала людям, что за великими преступлениями следуют и великие кары богов[127]. Вот что я сам думаю об этом.

121. После Промея, рассказывали жрецы, царская власть перешла к Рамисиниту. Он оставил памятник – преддверие, стоящее к западу от храма Гефеста. Перед этим преддверием он велел поставить две статуи высотой в 25 локтей[128]. Одну из них, стоящую на северной стороне, египтяне называют “лето”, а другую – на южной – “зима”. Первой статуе они поклоняются, а с той, которую называют “зимой”, поступают как раз

наоборот. Этот царь, по рассказам жрецов, был очень богат, и никто из позднейших царей не мог превзойти его богатством или хоть как-то сравняться с ним. Желая сохранить свои сокровища в безопасном месте, царь повелел построить каменное здание так, чтобы одна стена его примыкала к внешней стене царского дворца. Строитель же коварно обманул царя и придумал вот что: он сложил камни так, что один из них можно было с легкостью вынуть двум и даже одному человеку. И вот, когда здание было готово, царь велел сложить туда свои сокровища. Спустя некоторое время строитель в предчувствии кончины призвал сыновей (а у него их было двое) и поведал им, какую хитрость применил при строительстве царской сокровищницы ради того, чтобы обогатить их. При этом он все точно объяснил сыновьям, как вынуть камень, и указал, на каком расстоянии в ширину и высоту [от края стены] лежит он. Если они не забудут этого, добавил строитель, то станут "казначеями" царских сокровищ. После этого строитель скончался, а сыновья тотчас же принялись за дело. Ночью они подкрались ко дворцу, нашли этот камень в здании [сокровищницы], легко вынули его и унесли с собой много денег. Когда же царю случилось как-то войти в сокровищницу, он удивился, что в сосудах не хватает золота, но не мог, тем не менее, никого обвинить, так как печати были целы и сокровищница заперта. Царь дважды и

трижды открывал сокровищницу, и раз от разу там оказывалось все меньше золота (ведь воры продолжали похищать его). Тогда он сделал вот что: приказал наделать капканов и поставить их около сосудов, полных золота. А когда воры пришли в обычное время, как и раньше, то один из них проник в сокровищницу и только лишь приблизился к сосуду, как тотчас же попался в капкан. Поняв, в какой он беде, вор тотчас же кликнул брата, рассказал, что случилось, и приказал как можно скорее спуститься и отрубить ему голову, чтобы и другой брат не погиб, когда его самого увидят и опознают, кто он. А тот решил, что брат прав, и поступил по его совету. Он вставил затем камень [на прежнее место] и ушел домой с головой брата. На другое утро царь вошел в сокровищницу и был поражен, увидев тело вора в западне без головы, а сокровищницу нетронутой, без всякой лазейки для входа и выхода. В недоумении царь сделал вот что: он повелел повесить тело вора на городской стене[129], затем поставил около тела стражу с приказанием, если увидят, схватить и немедленно привести к нему всякого, кто вздумает оплакивать или сетовать о покойнике. Когда тело вора было повешено, то мать его пришла в негодование. Она обратилась к оставшемуся сыну и велела ему каким бы то ни было способом отвязать и привезти домой тело брата. Если же сын не послушается, то мать грозила прийти к царю и донести, у кого находятся

царские сокровища. Мать принялась жестоко бранить уцелевшего сына, а том не мог ее успокоить и тогда придумал вот какую хитрость. Он запряг своих ослов, навьючил на них полные мехи вина и затем погнал. Поравнявшись со стражами, которые стерегли тело, он потянул к себе два или три завязанных в узел кончика меха. Вино потекло, и он стал с громкими криками бить себя по голове, как будто не зная, к какому ослу сначала броситься. А стражи, увидев, что вино льется [рекой], сбежались на улицу с сосудами черпать льющуюся [из меха] жидкость, считая, что им повезло. Вор же, притворно рассерженный, принялся осыпать их всех по очереди бранью. Стражи старались утешить его, и через некоторое время он сделал вид, будто понемногу смягчается и гнев его проходит. Наконец он согнал ослов с улицы и снова начал навьючивать [мехи]. Затем у них начались разговоры, и, когда один из стражей рассмешил его какой-то шуткой, он дал им еще мех. А стражи тут же на месте расположились пить, причем приглашали и его остаться, чтобы вместе выпить. Он позволил себе уговорить и остался с ними. Во время попойки стражи чрезвычайно любезно пили за его здоровье, и он тогда подарил им еще мех с вином. От славной выпивки все стражи скоро захмелели. Сон одолел их, и они завалились спать тут же на месте. Была уже глубокая ночь. Тогда вор снял тело брата со стены и затем отругал насмешку всем

стражам правую щеку наголо[130]. Потом навьючил тело брата на ослов и погнал домой. Так он выполнил приказание своей матери. Когда же царю сообщили, что вор похитил тело, он распался гневом и захотел во что бы то ни стало узнать, кто этот хитрец, придумавший такие ловкие плутни. А сделал царь для этого вот что. (Я-то, впрочем, этому не верю). Он поместил будто бы свою дочь в публичный дом, приказав ей принимать всех без разбора. Но прежде чем отдаваться, она должна была заставить каждого [мужчину] рассказать ей свой самый хитрый и самый нечестный поступок в жизни. А кто расскажет историю с вором, того она должна схватить и не отпускать. Дочь так и сделала, как приказал отец. Вор же понял, чего ради царь отдал такое приказание. Он решил превзойти царя хитростью и сделал вот что. Отрубив руку по плечу у свежего мертвца и, скрыв ее под плащом, вор пошел к царской дочери. Когда он явился к ней, царевна задала ему тот же вопрос, как и другим, и он рассказал, что совершил самый нечестивый поступок, отрубив голову брата, попавшего в западню в царской сокровищнице, а самый ловкий поступок, когда напоил допьяна стражей и унес висевшее на стене тело брата. Царевна же, услышав эту историю, хотела схватить его. А вор в темноте протянул ей руку мертвца. Та схватила ее, думая, что держит его собственную руку. Вор же оставил отрубленную руку в руке царевны и

выбежал через дверь. Когда царю сообщили об этой [новой] проделке, царь поразился ловкости и дерзкой отваге этого человека. Тогда, наконец, царь послал вестников по всем городам и велел объявить, что обещает вору полную безнаказанность и даже великую награду, если тот явится перед его очи. А вор поверил и явился к царю. Рамисинит же пришел в восхищение [от него] и отдал за него замуж свою dochь, как за умнейшего человека на свете. Ведь, как он полагал, египтяне умнее прочих народов, а этот вор оказался даже умнее египтян.

122. После этого, как рассказывали жрецы, царь этот живым совершил нисхождение в подземный мир, который у эллинов называется Аидом[131]. Там, по рассказам, он играл в кости с Деметрой[132], причем то выигрывал, то проигрывал у нее. Затем он снова вернулся на землю с подарком от богини – золотым полотенцем. В память сошествия Рамисинита в подземный мир после его возвращения египтяне, по словам жрецов, установили праздник, который, как я знаю, справляется еще и поныне (впрочем, я не могу сказать, по этой ли причине или по другой)[133]. На этом празднике жрецы ткут [особое] одеяние. Одному из жрецов завязывают глаза повязкой, затем накидывают на него это одеяние и выводят на дорогу к святыни Деметры. Сами они возвращаются назад, жреца же этого с завязанными глазами, как говорят,

два волка[134] проводят в святилище Деметры в 20 стадиях от этого города и затем снова отводят из святилища на прежнее место.

123. Кто может верить этому сказанию египтян, это его дело. Мне же в продолжение всего моего повествования приходится ограничиваться лишь передачей того, что я слышал. Владыками подземного мира египтяне считают Деметру и Диониса[135]. Египтяне также первыми стали учить о бессмертии человеческой души. Когда умирает тело, душа переходит в другое существо, как раз рождающееся в том момент. Пройдя через [тела] всех земных и морских животных и птиц, она снова вселяется в тело новорожденного ребенка. Это круговоротение продолжается три тысячи лет. Учение это заимствовали некоторые эллины, как в древнее время, так и недавно. Я знаю их имена, но не называю.

124. Так вот, до времени царя Рамисинита, рассказывали далее жрецы, при хороших законах, Египет достиг великого процветания. Однако его преемник Хеопс[136] вверг страну в пучину бедствий. Прежде всего, он повелел закрыть все святилища и запретил совершать жертвоприношения[137]. Затем заставил всех египтян работать на него. Так, одни были обязаны перетаскивать к Нилю огромные глыбы камней из каменоломен в Аравийских горах (через реку камни перевозили на кораблях), а другим

было приказано тащить их дальше до так называемых Ливийских гор. Сто тысяч людей выполняло эту работу непрерывно, сменяясь каждые три месяца. Десять лет пришлось измученному народу строить дорогу, по которой тащили эти каменные глыбы, — работа, по-моему, едва ли не столь же огромная, как и постройка самой пирамиды. Ведь дорога была 5 стадий длины, а шириной в 10 оргий, в самом высоком месте 8 оргий высоты, построена из тесаных камней с высеченными на них фигурами. Десять лет продолжалось строительство этой дороги и подземных покоев на холме, где стоят пирамиды. В этих покоях Хеопс устроил свою усыпальницу на острове, проведя на гору нильский канал [138]. Сооружение же самой пирамиды продолжалось 20 лет. Она четырехсторонняя, каждая сторона ее шириной в 8 илефров и такой же высоты, и сложена из тесаных, тщательно приложенных друг к другу камней. Каждый камень длиной, по крайней мере, в 30 футов.

125. Построена же эта пирамида вот как. Сначала она идет в виде лестницы уступами, которые иные называют площадками, или ступенями. После того как заложили первые камни [основания], остальные [для заполнения площадок] поднимали при помощи помостов, сколоченных из коротких балок. Так поднимали с земли камни на первую ступень лестницы. Там клали камень на другой помост; с

первой ступени втаскивали на второй помост, при помощи которого поднимали на вторую ступень. Сколько было рядов ступеней, столько было и подъемных приспособлений. Быть может, однако, было только одно подъемное приспособление, которое после подъема камня без труда переносилось на следующую ступень. Мне ведь сообщали об обоих способах – почему я и привожу их. Таким образом, сначала была окончена верхняя часть пирамиды, затем соорудили среднюю и напоследок самые нижние ступени на земле. На пирамиде египетскими письменами было обозначено, сколько редьки, лука, чеснока съели рабочие. И, как я очень хорошо помню, переводчик, который читал мне надпись, объяснил, что на все это было израсходовано 1600 талантов серебра[139]. Если это верно, то сколько же денег пошло на железные орудия, на хлеб и одежду для рабочих, так как строительство всех этих сооружений продолжалось 20 лет и, кроме того, немало времени понадобилось на ломку и перевозку камней и сооружение подземных покоеv [для усыпальницы].

126. А Хеопс, в конце концов, дошел до какого нечестия, по рассказам жрецов, что, нуждаясь в деньгах, отправил собственную дочь в публичный дом и приказал ей добывать некоторое количество денег – сколько именно, жрецы, впрочем, не говорили. Дочь же выполнила отцовское повеление, но задумала и себе самой оставить памятник: у

каждого своего посетителя она просила подарить ей, по крайней мере, один камень для сооружения гробницы. Из этих то камней, по словам жрецов, и построена средняя из трех пирамид, что стоит перед великой пирамидой (каждая сторона этой пирамиды в полтора плефра).

127. Царствовал же этот Хеопс, по словам египтян, 50 лет[140], а после его кончины престол наследовал его брат Хефрен. Он поступал во всем подобно брату и также построил пирамиду, которая, впрочем, не достигает величины Хеопсовой. Я сам ведь ее измерил. Под ней нет подземных покоев и не проведен из Нила канал, как в той другой пирамиде, где вода по искусенному руслу образует остров, на котором, как говорят, погребен Хеопс. Самый нижний ряд ступеней он велел вывести из многоцветного эфиопского камня и построил пирамиду на 40 футов ниже первой, при таких же, впрочем, размерах. Обе пирамиды стоят на том же самом холме высотой около 100 футов. Царствовал же Хефрен, по словам жрецов, 56 лет.

128. Эти 106 лет считаются временем величайших бедствий для Египта, когда святыница были заперты. Египтяне так ненавидят этих царей, что только с неохотой называют их имена. Даже и пирамиды эти называют пирамидами пастуха Филистиса, который в те времена нас свои стада в этих местах.

129. Затем царем Египта, по словам жрецов, стал Микерин, сын Хеопса. Ему не по душе были отцовские деяния. Он открыл храмы и освободил измученный тяготами народ, отпустив его трудиться [на своих полях] и приносить жертвы. Он был самым праведным судьей из всех царей, за что его особенно восхваляют египтяне среди всех когда-либо правивших над ними царей. Ведь он был не только судьей праведным, но даже давал деньги из своего добра недовольным его приговорами, чтобы удовлетворить их просьбы. Этого то Микерина, столь кроткого к своим подданным и так заботившегося о них, поразили тяжкие удары судьбы. Первым несчастьем была кончина дочери, единственного ребенка в его доме. Глубоко скорбя об этой беде, царь пожелал предать ее погребению с еще большей пышностью, чем это было в обычай. Он приказал изготовить из дерева пустотелую [статую] коровы[141], позолотить и затем положить в нее покойную дочь.

130. Корова эта, однако, не была погребена в земле, но еще до сего дня ее можно видеть в Городе Саисе, где она стоит в царском дворце в пышно украшенном покое. Каждый день около нее воскурят там всевозможные благовония, а целую ночь возжигают светильник. Близ этой коровы в другом покое стоят статуи наложниц Микерина, как мне, по крайней мере, рассказывали саисские жрецы.

Это – нагие колоссальные статуи женщин[142] из дерева числом 20. Но кто они – об этом я могу лишь повторить то, что мне сообщили.

131. Другие же сообщают об этой корове и о колоссальных женских статуях вот какое сказание.

Микерин будто бы воспыпал страстью к своей родной дочери и против ее воли силой овладел ею. После этого девушка, говорят, с горя и стыда сунулась в петлю. Отец же предал ее погребению в этой корове, а мать девушки велела отрубить руки служанкам, которые выдали дочь отцу. Еще и поныне их безрукые статуи показывают, что они претерпели при жизни. Все это, впрочем, как мне думается, пустая болтовня, особенно же – история с руками статуй. Ведь я сам видел, что руки у статуй отвалились от времени и еще при мне лежали тут же у ног.

132. А корова почти целиком покрыта пурпурной одеждой, кроме шеи и головы, которые позолочены толстым слоем золота. Между рогами находится изображение солнечного диска также из золота. Корова не стоит прямо, но лежит на камнях, а величиной она с большую живую корову. Каждый год ее выносят из покоя, именно в тот день, когда египтяне бьют себя в грудь в честь бога, которого я не хочу называть из благоговейного

страха[143]. Рассказывают, что дочь перед смертью попросила отца позволить ей один раз в год видеть солнце.

133. После кончины дочери этого царя постигло второе несчастье, вот какое. Прорицание оракула из города Бумо возвестило, что ему осталось жить только шесть лет, а на седьмом году он умрет[144]. Царь был весьма опечален и послал к оракулу в Бумо упрекнуть богиню: в ответ на прорицание царь жаловался на то, что его отец, и дядя, которые заперли храмы, забыли богов и угнетали народ, прожили долго, а он, человек благочестивый, все-таки должен скоро умереть. А от оракула ему пришло другое прорицание, гласившее, что как раз из-за этого то богиня и сокращает дни его жизни. Ведь он не совершил того, что должен был совершить: Египту суждено было претерпевать бедствия 150 лет. Два царя, его предшественники, поняли это, а он – нет. Услышав такой ответ, Микерин понял, что рок неотвратим и приказал изготовить множество светильников. По ночам царь велел зажигать их, стал пить вино и непрестанно веселиться днем и ночью. Он блуждал по лугам и рощам и всюду, где только находил подходящие места для удовольствия. Так поступал он, превращая ночи в дни, чтобы уличить оракул во лжи и сделать из шести лет двенадцать.

134. И этот царь также оставил пирамиду, хотя и значительно меньше отцовской: каждая ее сторона на 20

футов короче 3 илефров. Она также четырехугольная и наполовину построена из эфиопского камня[145].

Некоторые эллины думают, что это пирамида гетеры Родопис, но это неверно. Они утверждают так, очевидно не зная, кто была Родопис. Иначе ведь они не могли бы приписать ей постройку такой пирамиды, для чего, вообще говоря, потребовалось бы тысячи и тысячи талантов.

Кроме того, Родопис жила во времена царя Амасиса, а не при Микерине, т. е. много поколений позднее строителей этих пирамид. Родопис происходила из Фракии и была рабыней одного самосца, Иадмона, сына Гефестополя.

Вместе с ней рабом был и баснописец Эзоп. Ведь и он принадлежал Иадмону, что особенно ясно вот из чего: когда дельфийцы по повелению божества вызывали через глашатаев, кто желает получить выкуп за убийство Эзопа[146], то никто не явился, кроме внука Иадмона, которого также звали Иадмоном. Он и получил выкуп. Стало быть, Эзоп принадлежал тому Иадмону.

135. А Родопис прибыла в Египет; ее привез туда самосец Ксанф. Прибыв же туда для занятия своим "ремеслом", она была выкуплена за большие деньги митиленцем Хараксом, сыном Скамандронима, братом поэтессы Санфо. Так что Родопис получила свободу и осталась в Египте. Она была весьма прелестна собой и потому приобрела огромное состояние – для такой, как

Родопис, — но далеко не достаточное, чтобы на него построить такую пирамиду. Десятую часть ее добра каждый желающий может видеть еще и сегодня (поэтому можно думать, что оно было не слишком уж велико). Ведь Родопис пожелала оставить о себе память в Элладе и придумала послать в Дельфы такой посвятительный дар, какого еще никто не придумал посвятить ни в одном храме. На десятую долю своих денег она заказала (насколько хватило этой десятой части) множество железных вертелов[147], столь больших, чтобы жарить целых быков, и отослала их в Дельфы. Еще и поныне эти вертелы лежат в куче за алтарем, воздвигнутым хиосцами, как раз против храма[148]. Гетеры же в Навкратисе вообще отличались особенной прелестью. Эта, о которой здесь идет речь, так прославилась, что каждый эллин знает имя Родопис. После Родопис была еще некая Архидика, которую также воспевали по всей Элладе, хотя о ней было меньше толков, чем о Родопис. А когда Харакс, выкупив Родопис, возвратился в Митилену, то Сапфо зло осмеяла его в одной своей песне. Впрочем, о Родопис довольно.

136. После Микерина, как рассказывали жрецы, египетским царем стал Асихис[149]. Он построил расположенное по направлению к восходу солнца преддверие святилища Гефеста, далеко превосходящее красотой и

общирностью все другие. И все другие преддверия украшены также рельефами и тысячью других архитектурных орнаментов, но Асихисовы все же гораздо роскошнее. Когда в правление этого царя, как передавали жрецы, деньги почти совершенно исчезли из обращения, в Египте был издан закон, [по которому] разрешалось брать деньги в долг под залог мумии собственного отца. А к этому закону был прибавлен еще вот какой. Заимодавец, вступал во владение всей семейной усыпальницей должника, и в случае неуплаты долга должника ожидала вот какая кара: и сам он после кончины лишился погребения в семейном или в каком-либо другом склепе, равно как и его потомки. Чтобы превзойти прежних египетских царей, Асихис воздвиг в память о себе пирамиду из глиняных кирпичей с надписью, вырезанной на камне и глясящей: "Не ставь меня ниже каменных пирамид. Как Зевс над прочими богами, стою я над ними. Шест погружали в озеро и из грязи, которая приставала к шесту, изготавливали кирпичи. И таким образом меня воздвигли". Вот что совершил этот царь.

137. После него, рассказывали жрецы, царствовал слепец, из города Анисиса по имени также Анисис[150]. В его правление эфиопы с сильным войском вторглись в Египет под предводительством своего царя Сабака. Слепец Анисис бежал в прибрежные низменности, а эфиоп стал царем

Египта и царствовал 50 лет. За это время он совершил
вот что. Если египтянин совершал какое-нибудь
преступление, то царь его не казнил. Он осуждал каждого
преступника соотвественно тяжести его вины на
земляные работы в том городе, откуда тот происходил.
Таким-то образом города выросли еще выше [над своим
основанием]. Ведь сначала насыпи были сооружены
рабочими, которые прокопали каналы при царе Сесострисе,
а теперь при эфиопском царе их подняли еще выше. Хотя и
другие египетские города расположены высоко, однако, по-
моему, самые значительные насыпи находятся у города
Бубастиса. В этом городе стоит знаменитый храм
[богини] Бубастис. Есть, правда, и другие еще более
обширные и великолепные святилища, но ни одно из них так
не радует взор, как этот храм. Бубастис же по эллински
— Артемида.

138. Святилище же Бубастис вот какое. Оно целиком,
за исключением входа, лежит на острове. Ведь из Нила
ведут два канала, до входа в святилище идущие отдельно.
Они обтекают храм с обеих сторон. Каждый канал
шириной в 100 футов и осенен деревьями. Преддверие же
высотой в 10 оргий и украшено замечательными
статуями в 6 локтей высоты. А святилище расположено
посреди города, и вид на него открывается из всех частей
города. Так как город этот поднят насыпью, а святилище

осталось на своем прежнем месте, то поэтому оно и доступно обозрению [из города] со всех сторон. Оно ограждено стеной, украшенной рельефами, а внутри его — роща с могучими деревьями, которыми обсажено высокое храмовое здание со статуей богини. Длиной и шириной священный участок с каждой стороны в одну стадию. От входа ведет дорога, мощенная камнем, около 3 стадий длиной, через городскую рыночную площадь на восток. Ширина ее 4 илефра. По обеим сторонам дороги стоят высокие до небес деревья. А ведет она к святилищу Гермеса. Таков этот храм.

139. Избавился же Египет от владычества эфиопского царя, по рассказам жрецов, вот каким образом. Бежал эфиопский царь из страны вследствие сновидения. А привиделось ему, что предстал перед ним некий человек и дал совет собрать всех египетских жрецов и разрубить каждого пополам. Увидев этот сон, царь сказал, что боги, видимо, побуждают его таким советом осквернить святыни и навлечь на себя мщение богов и людей. Но он не последует совету, а, напротив, покинет страну, так как время его владычества [над Египтом], предреченное оракулом, уже истекло. Ведь еще в Эфиопии оракул, который спрашивают эфиопы, предрек ему пятидесятилетнее царствование в Египте. Так вот, по

истечении этого срока Сабак (к тому же встревоженный сновидением) добровольно удалился из Египта[151].

140. А лишь только эфиопский царь покинул Египет, слепец Анисис снова воцарился, возвратившись из [прибрежной] низменности. Там он пробыл 50 лет и насыпал остров из золы и земли. Ведь, кроме съестных припасов, которые он приказывал египтянам тайно от эфиопского царя доставлять себе, египтяне должны были приносить в дар слепому царю также золу. Остров же этот вплоть до времени царя Амиртея никому не удавалось отыскать. Более 700 лет цари, предшественники Амиртея, тщетно пытались найти его. Называется же этот остров Эльбо, а длина и ширина его 10 стадий.

141. После Анисиса царствовал жрец Гефеста по имени Семос[152]. Этот царь беэрассудно пренебрегал кастой египетских воинов[153], как будто все не нуждаясь в них. Он даже обижал их и отнял у них земли, пожалованные прежними царями[154] (каждому по 12 отборных участков). После этого пошел войной на Египет с сильным войском Санахарид, царь арабов и ассирийцев. И вот египетские воины отказались выступить в поход. А царь жрец, доведенный до отчаяния, вступил в святилище[155] и стал с рыданьями горько жаловаться на свою тяжкую участь перед кумиром божества. Когда царь так рыдал,

напал на него сон и во сне предстал ему бог и, ободряя его, сказал: “Пусть царь, ничего не боясь, идет на арабское войско; он, бог, сам пришлет ему помощь”. Ободренный этим сновидением, царь взял с собой египтян, готовых следовать за ним, и разбил стан в Пелусии (там ведь находятся “ворота” Египта). Впрочем, никто из воинов не пошел с царем, но только мелочные торговцы, ремесленники и разный сброд с рынка. Когда они прибыли в Пелусий, то ночью на вражеский стан напали стаи полевых мышей[156] и изгрязли их колчаны, луки и рукоятки щитов, так что на следующий день врагам пришлось безоружными бежать и множество врагов пало. И поныне еще в храме Гефеста стоит каменная статуя этого царя[157]. Он держит в руках мышь, и надпись на статуе гласит: “Взирай на меня и имей страх божий!”.

142. До сих пор египтяне и их жрецы передавали мне сказания о стародавних временах. Они объяснили мне, что со времени первого египетского царя и до этого последнего жреца Гефеста прошло 341 поколение людей и за это время было столько же верховных жрецов и царей. Но 300 поколений составляет 10000 лет, считая по три поколения в столетие. Да сверх 300 еще 41 поколение дает 1340 лет. Таким образом, по словам жрецов, за 11340 лет в Египте царствовали только смертные люди, а не боги в человеческом образе. Так же и среди царей,

правивших в Египте до или после этого времени, по их мнению, не было богов в человеческом образе. В это время, рассказывали жрецы, солнце четыре раза восходило не на своем обычном месте: именно, дважды восходило там, где теперь заходит, и дважды заходило там, где ныне восходит. И от этого не произошло в Египте никакой перемены в смысле плодородия почвы и растений, режима реки, болезней или людской смертности.

143. Когда однажды историк Гекатей[158] во время пребывания в Фивах перечислил жрецам свою родословную (его родоначальник, шестнадцатый предок, по его словам, был богом), тогда жрецы фиванского Зевса поступили с ним так же, как и со мной, хотя я и не рассказывал им своей родословной. Они привели меня в огромное святилище [Зевса] и показали ряд колоссальных деревянных статуй. Их было действительно столько, сколько я перечислил выше. Каждый верховный жрец ставил в храме еще при жизни себе статую. Так вот, жрецы перечисляли и показывали мне все статуи друг за другом: всегда сын жреца следовал за отцом. Так они проходили по порядку, начиная от статуи скончавшегося последним жреца, пока не показали все статуи. И вот, когда Гекатей сослался на свою родословную и в шестнадцатом колене возводил ее к богу, они противопоставили ему свои родословные расчеты и оспаривали происхождение человека от бога.

Противопоставляли же они свои расчеты, вот как. Каждая из этих вот колосальных статуй, говорили они, это – “пиromис”^[159] и сын пиromиса, пока не показали ему одну за другой 345 колосальных статуй (и всегда пиromис происходил от пиromиса), но не возводили их происхождения ни к богу, ни к герою. “Пиromис” же по-эллински означает “прекрасный и благородный человек”.

144. Так вот, такими и были все эти люди, статуи которых там стояли, а вовсе не богами. Правда, до этих людей в Египте царствовали боги, которые жили совместно с людьми, и один из них всегда был самым могущественным. Последним из этих царей был Ор, сын Осириса, которого эллины зовут Аполлоном. Низложив Тифона, он стал подлинным царем богом в Египте. А Осирис – по-эллински Дионис.

145. У эллинов самыми младшими из богов считаются Геракл, Дионис и Пан. У египтян же, напротив, Пан – самый древний бог, один из сонма так называемых восьми^[160] первых богов. А Геракл принадлежит к сонму двенадцати так называемых вторых богов, Дионис – к третьему сонму, который произошел от этих двенадцати богов. Сколько лет, по словам египтян, прошло от Геракла до царя Амасиса, я уже упомянул выше^[161]. От Пана, по их расчетам, прошло еще больше времени, от Диониса же гораздо меньше, хотя все-таки до царя

Амасиса – 15000 лет. И это, как утверждают египтяне, они знают точно, так как всегда вычисляют и записывают годы [царей и верховных жрецов]. Напротив, от Диониса, которого считают сыном Семелы, дочери Кадма, до нашего времени прошло самое большее 1600 лет, от Геракла, сына Алкмены, – около 900 лет, а от Пана, сына Пенелопы (эллины ведь считают Пана сыном Гермеса и Пенелопы), прошло до сегодняшнего дня еще меньше лет, чем от Троянской войны, – только 800 лет.

146. Итак [что касается Диониса и Пана], то из этих двух сказаний о них всякий волен принимать то, какое ему кажется более вероятным. Мое же собственное мнение о происхождении эллинских богов я уже высказал[162].
Действительно, если бы Дионис, сын Семелы, и Пан, сын Пенелопы, так же, как и Геракл, сын Амфитриона, стали знаменитыми героями и жили в Элладе, тогда и о них, также, как и о Геракле, можно было бы сказать, что они были простыми смертными людьми и носили лишь имена более древних богов. Однако эллины рассказывают, что Зевс тотчас же после рождения зашил Диониса в свое бедро и отнес на Нису, что в Эфиопии выше Египта; и о Пане они не могут вообще ничего сказать: куда он попал после рождения. Поэтому я убежден, что оба эти бога стали известны эллинам гораздо позднее других богов, а время,

когда эллины узнали этих богов, они приняли за время их рождения.

147. Все это мне сообщили сами египтяне. Теперь же я буду продолжать историю этой страны, как мне передавали (кроме египтян) другие ее жители и согласно с ними египтяне. Прибавлю к этому и виденное мною собственными глазами. После освобождения Египта [от эфиопов] и правления Гефестова жреца египтяне (они ведь не могли жить без царей) разделили весь Египет на двенадцать частей и поставили двенадцать царей[163]. Эти цари породнились между собою путем браков и заключили договор [в том, чтобы] не свергать друг друга и не отнимать земли, но жить всегда в дружбе. Причина же заключения этого договора, который они твердо соблюдали, была вот какая. Дано им было тотчас же по достижении власти предсказание оракула: кто из них совершил возлияние из медной чаши в святилище Гефеста, том станет царем над всем Египтом. Поэтому цари обыкновенно собирались во все святилища все вместе [для жертвоприношений].

148. И вот они решили оставить общий памятник, а, решив это, воздвигли лабиринт[164] немного выше Меридова озера близ так называемого Города Крокодилов. Я видел этот лабиринт: он выше всякого описания. Ведь если бы собрать все стены и великие сооружения, воздвигнутые

эллинами, то, в общем, оказалось бы, что на них затрачено меньше труда и денежных средств, чем на один этот лабиринт. А между тем храмы в Эфесе и на Самосе[165] – весьма замечательны. Конечно, пирамиды – это огромные сооружения, и каждая из них по величине стоит многих творений [эллинского строительного искусства], вместе взятых, хотя и они также велики. Однако лабиринт превосходит [размерами] и эти пирамиды. В нем двенадцать дворов с вратами, расположеными одни против других, причем шесть обращены на север, а шесть на юг, прилегая друг к другу. Снаружи вокруг них проходит одна единственная стена. Внутри этой стены расположены покой двух родов: одни подземные, другие над землею, числом 3000, именно по 1500 тех и других. По надземным покоям мне самому пришлось проходить и осматривать их, и я говорю о них как очевидец. О подземных же покоях знаю лишь по рассказам: смотрители египтяне ни за что не желали показать их, говоря, что там находятся гробницы царей, воздвигших этот лабиринт, а также гробницы священных крокодилов. Поэтому то я говорю о нижних покоях лишь понаслышке. Верхние же покой, которые мне пришлось видеть, превосходят [все] творения рук человеческих. Переходы через покой и извилистые проходы через дворы, будучи весьма запутанными, вызывают чувство бесконечного изумления: из дворов переходишь в покой, из

покоев в галереи с колоннадами, затем снова в покой и оттуда опять во дворы. Всюду каменные крыши, так же, как и стены, а эти стены покрыты множеством рельефных изображений. Каждый двор окружен колоннами из тщательно приложенных кусков белого камня. А на углу в конце лабиринта воздвигнута пирамида[166] высотой 40 оргий с высеченными на ней огромными фигурами. В пирамиду ведет подземный ход[167].

149. Как ни поразителен этот лабиринт своей грандиозностью, но еще большее удивление вызывает так называемое Меридово озеро, на берегу которого он стоит. Окружность этого Меридова озера составляет 3600 стадий, или 60 схенов, т.е. как раз равняется длине всей прибрежной полосы Египта. В длину озеро простирается с севера на юг, и в самом глубоком месте глубина его 50 оргий. А то, что оно – произведение рук человеческих и вырыто искусственно, это ясно видно. Почти что посередине озера стоят две пирамиды, возвышающиеся на 50 оргий над водой; такой же глубины и их подводная часть. Рядом с каждой пирамидой поставлена колоссальная каменная статуя, восседающая на троне[168]. Таким образом, высота этих пирамид 100 оргий, а 100 оргий равняется как раз 1 стадии и 6 илефрам, так как оргия имеет 6 футов, или 4 локтя; фут же равен 4 пядям, а локоть – 6 пядей. Вода же в озере не ключевая

(местность эта совершенно безводна), а проведена по каналу из Нила, и шесть месяцев она течет в озеро, шесть месяцев – обратно в Нил. Во время отлива воды рыбная ловля в озере доставляет доход царской казне каждый день по 1 таланту серебра, а за время прилива – только 20 мин.

150. Местные жители рассказывали, что озеро это имеет подземный выход в ливийском Сирте: оно течет под землей на запад внутрь страны вдоль горного хребта, что выше Мемфиса. Так как я нигде не видел [отвалов] земли, вынутой из водоема, то, заинтересовавшись этим, я спросил окрестных жителей, где же выкопанная земля. А те рассказали мне, куда ее отнесли, и их сообщения мне показались правдоподобными. Ведь я слышал, что в городе Нине в Ассирии с землей сделали то же самое, что и здесь. Там грабители задумали похитить великие сокровища царя Сарданапала, сына Нина, хранившиеся в подземных сокровищницах. Так вот, грабители принялись копать подземный ход от своего собственного дома к царскому дворцу. Землю же, вынимаемую из прокопа, ночью сбрасывали в реку Тигр, текущую у Нина, пока, наконец, не достигли своей цели. Подобным же образом, как я слышал, было выкопано озеро и в Египте, только работа велась не ночью, а днем: выкопанную землю египтяне относили в Нил, который, естественно, принимал ее и рассеивал

своим течением. Так то, по рассказам, было выкопано это озеро.

151. А двенадцать царей, верно соблюдали свой договор; но однажды, когда они приносили жертву в храме Гефеста и хотели в последний день праздника совершить возлияние, Верховный жрец, по ошибке подал им вместо двенадцати золотых жертвенных чаши, в которых обычно совершалось возлияние, только одиннадцать. Тогда последний царь Псамметих, так как у него не было чаши, снял с головы медный шлем и протянул его для возлияния. Все цари носили тогда медные шлемы, и они были в это время у них на головах. Псамметих, однако, протянул свой шлем без всякого коварного умысла, а другие заметили поступок Псамметиха и вспомнили предсказание оракула о том, что совершивший возлияние из медной чаши будет царствовать над всем Египтом. Так вот, вспомнив об этом, они все же решили не лишать жизни Псамметиха, так как после допроса нашли, что он совершил это неумышленно. Тем не менее они постановили лишить его большей части владений и изгнать в прибрежную [низменную] область страны, запретив общение с остальным Египтом.

152. А этому Псамметиху уже прежде однажды пришлось бежать от эфиопского царя Сабака, который убил его отца Неко. Сам он спасся тогда бегством в

Сирию. Когда затем эфиопский царь, побуждаемый сновидением, удалился [из Египта], египтяне, жители Саисской области, вернули Псамметиха назад. Теперь, уже будучи царем, Псамметиху вторично пришлось бежать в прибрежную низменность от одиннадцати царей из-за шлема. Почувствовав себя тяжко оскорбленным, Псамметих задумал отомстить своим гонителям. Он вопросил оракул Латоны в городе Буты, где находится самое правдивое прорицалище в Египте, и получил ответ: "Отмщение придет с моря, когда на помощь явятся медные люди". А Псамметих ни за что не хотел поверить, что спасение ему принесут медные люди. Через некоторое время, однако, ионян и карийцев, которые занимались морским разбоем, случайно занесло ветрами в Египет. Они высадились на берег в своих медных доспехах, и один египтянин, никогда прежде не видавший людей в медных доспехах, прибыл к Псамметиху в прибрежную низменность с вестью, что медные люди пришли с моря и разоряют поля. Царь же понял, что сбывается пророчество оракула, вступил в дружбу с ионянами и карийцами, и великими послами ему удалось склонить их поступить к нему на службу наемниками. А когда он склонил их, то со своими египетскими сторонниками и с помощью этих наемников свергнул других царей[169].

153. Став царем над всем Египтом, Псамметих воздвиг южные преддверия святилища Гефеста в Мемфисе, а для Аписа – двор против преддверий, где держат [это священное животное], когда оно появится. Двор этот окружен со всех сторон колоннадой с рельефными фигурами. Вместо столбов опорами двора служат колоссальные статуи 12 локтей высотой. Апис же по-эллински называется Энафом.

154. Ионянам же и карийцам, которые помогли ему [вступить на престол], Псамметих пожаловал участки земли для поселения друг против друга на обоих берегах Нила. Эти поселения назывались станами. Земли эти царь пожаловал им и, кроме того, все остальное по обещанию. Он передал им даже египетских юношей на обучение эллинскому языку. Эти египтяне – предки теперешних толмачей в Египте. А ионяне и карийцы долгое время жили в этой области. Она лежит по направлению к морю немного выше города Бубастиса, у так называемого Пелусийского устья Нила. Впоследствии царь Амасис повелел им оставить эту местность и переселил в Мемфис, сделав их телохранителями для защиты от своих же египтян. С этими поселенцами эллины, естественно, поддерживали сношения, и потому то мы так хорошо осведомлены обо всех событиях в Египте со временем Псамметиха и позднее. Они были первыми иноземцами,

поселившимися в Египте. В тех местах, откуда их переселил Амасис, еще до моего времени виднелись остатки корабельных верфей и жилищ. Так-то Псамметих стал царем Египта.

155. Я уже неоднократно упоминал о прорицалище [в Буто] в Египте и теперь хочу подробнее рассказать об этом достопамятном месте. Это египетское прорицалище находится в храме Латоны в большом городе у так называемого Себеннимского устья Нила, если плыть от моря внутрь страны. Имя этого города, где находится оракул, Буто, как я только что сказал. Кроме того, в этом Буто есть еще святилище Аполлона и Артемиды. Храм же Латоны, где именно и находится оракул, и сам очень велик, а его преддверия 10 оргий высотой. Я должен еще упомянуть о том, что меня больше всего поразило из виденного в этом святилище. На этом священном участке Латоны воздвигнуто храмовое здание, высеченное целиком из одного камня. Стены его одинаковой высоты и ширины, именно 40 локтей. Кровлю над ним образует другой камень с выступом в 4 локтя.

156. Это храмовое здание, таким образом, — самое удивительное из того, что можно видеть в этом святилище. Но почти столь же замечателен и остров под названием Хеммис. Лежит остров на большом и глубоком озере рядом со святилищем в Буто. Египтяне же

утверждают, будто это плавучий остров. Я-то сам, впрочем, не видел, чтобы он плавал или двигался, и был весьма удивлен, услышав, что в самом деле могут существовать плавучие острова. На нем стоит большой храм Аполлона и воздвигнуты три алтаря и, кроме того, растет много пальм и других плодоносных и неплодоносных деревьев. Египтяне передают вот какое сказание о плавучем острове, который раньше не был плавучим. Когда Латона, принадлежавшая к сонму восьми древних богов, жила в Бумо, где ныне находится ее прорицалище, Исида передала ей на попечение Аполлона. Латона сохранила Аполлона и спасла на так называемом ныне плавучем острове, когда всюду рыскавший Тифон пришел, чтобы захватить сына Осириса. По словам египтян, Аполлон и Артемида — дети Диониса и Исиды. Латона же была их кормилицей и спасительницей. У египтян Аполлон называется Ором, Деметра — Исидой, а Артемида — Бубастис. Из этого то сказания, и не из какого другого, Эсхил, сын Евфориона, заимствовал то, что я сейчас скажу и чего нет ни у кого из прежних поэтов. Именно в одной своей трагедии он изобразил Артемиду дочерью Деметры[170]. Вот почему остров этот стал плавучим, как по крайней мере рассказывают египтяне.

157. Псамметих же царствовал в Египте 54 года. 29 лет[171] он провел, осаждая большой сирийский город

Азот, и наконец, взял его. Ни один из известных нам других городов не выдержал столь долгой осады.

158. У Псамметиха был сын Неко, который после него стал царем Египта. Он первым начал строить канал, ведущий в Красное море, который потом продолжил персидский царь Дарий. Длиной этот канал в четыре дня пути и был выкопан такой ширины, что две триеры могли плыть рядом. Вода в него проведена из Нила немного выше города Бубастиса. Затем канал проходит мимо аравийского города Патума и впадает в Красное море. Сначала канал пересекает часть египетской равнины, примыкающую к Аравии. Южнее этой низменной полосы возвышается гора, которая тянется до Мемфиса, где находятся каменоломни. У подошвы этой горы канал долго идет в направлении с запада на восток, затем поворачивает на юг в ущелье, ведущее через город, и, наконец, впадает в Аравийский залив. Самый прямой и короткий путь идет из Северного моря к Южному, так называемому Красному морю, т.е. от горы Касия (на границе Египта и Сирии) до Аравийского залива, [и составляет] ровно 1000 стадий. Это кратчайший путь, канал же гораздо длиннее, потому что извилист. На строительстве канала при царе Неко погибло 120.000 египтян. Впрочем, Неко велел прекратить работы в силу неблагоприятного изречения оракула. Изречение это

гласило, что царь строит канал только на пользу варварам. Варварами же египтяне называют всех, кто не говорит на их языке.

159. Итак, Неко не закончил строительства канала и выступил в поход. Он велел построить триеры, как в Северном море, так и в Аравийском заливе для Красного моря. Их верфи можно видеть там еще и поныне. В случае нужды царь всегда пользовался этими кораблями. [С этим флотом] Неко напал на Сирию и одержал победу при Магдоле. А после битвы он взял большой сирийский город Кадитис. Свои доспехи, в которых совершил эти подвиги, он посвятил Аполлону, отослав их в святыни бранхидов в Милемской области. Затем после 16 летнего правления Неко скончался и оставил царство своему сыну Псаммису[172].

160. В царствование этого Псаммиса прибыли в Египет послы элейцев и стали похваляться тем, что устроили Олимпийские игры по самым справедливым и прекрасным законам на свете. Кроме того, по их словам, даже сами египтяне, мудрейший народ на свете, не могли бы придумать ничего лучшего [и справедливее]. Итак, когда элейцы прибыли в Египет и изложили царю дело, ради которого приехали, царь этот велел созвать египтян, славных своей великой мудростью. Мудрецы собрались и стали расспрашивать элейцев, какие у тех правила и

порядки на олимпийских состязаниях. Элейцы рассказали им все, прибавив в заключение, что прибыли сюда узнать, не могут ли египтяне придумать еще более беспристрастные правила и порядки на состязаниях. А мудрецы, посоветовавшись, спросили, принимают ли участие на состязаниях также элейские граждане. Те ответили, что и они также могут состязаться подобно всем другим грекам. Египтяне же на это возразили, что такими порядками они совершенно нарушают беспристрастие: ведь как судьи они не могут беспристрастно относиться к борцу из своих граждан и не обижать чужеземцев. Если же они желают проводить состязания действительно по справедливости и ради этого прибыли в Египет, то должны допускать к состязаниям только иностранных и исключить всех элейцев. Такой ответ дали египтяне элейцам.

161. Псаммис царствовал в Египте всего шесть лет. Он совершил поход в Эфиопию и вскоре затем скончался. Наследовал ему сын Априй. Это был самый счастливый царь из всех древних царей после своего прародителя Псамметиха. Царствовал он 25 лет. За это время он ходил войной на город Сидон и сражался на море с тирским царем. С Априем случилось несчастье по причине, о которой я упомяну здесь лишь вскользь, чтобы подробно рассказать потом при описании Ливии. Априй послал

войско против Кирены, но оно потерпело тяжкое поражение. За это египтяне распалились на царя и подняли восстание, так как полагали, что он, желая извести их, намеренно послал на явную погибель, чтобы самому более надежно править над остальными. Так вот, уцелевшие от гибели египтяне и их друзья, возмущенные этим, подняли открытый мятеж.

162. Получив весть о восстании, Априй послал к мятежникам Амасиса успокоить их послами. Когда же Амасис прибыл и стал уговаривать их, какой-то египтянин во время его речи сзади надел ему шлем на голову и объявил, что этим коронует его на царство. Это произошло отнюдь не против воли Амасиса, что он и не замедлил доказать. Когда мятежники провозгласили его царем, Амасис стал готовиться к борьбе с Априем. Априй же, узнав об этом, отправил к Амасису одного знатного египтянина из своей свиты, по имени Патардемис, с приказанием доставить Амасиса к нему живым. Когда этот Патардемис прибыл и стал звать Амасиса к царю, Амасис, приподнявшись в седле (он как раз в это время сидел на коне), испустил ветер и сказал Патардемису, чтобы тот отнес это Априю. Патардемис все же настаивал, чтобы Амасис явился к царю, если уж том послал за ним. Амасис же отвечал, что давно уже собирался это сделать и Априю не придется гневаться на

него: скоро он сам придет к царю и других еще приведет с собой к нему. Патарбемис же прекрасно понял смысл этих слов. Он видел приготовления к войне и поспешно уехал, чтобы немедленно сообщить царю о положении дел. Когда же Патарбемис явился к Априю, то царь, разгневавшись, не дал сказать ни слова и приказал отрезать ему уши и нос. Когда остальные египтяне, до сих пор еще верные царю, увидели такое отвратительное поругание знаменитого человека из своей среды, то немедленно перешли на сторону мятежников и предались Амасису.

163. При известии об этом Априй вооружил наемников и выступил против восставших египтян. А было у него 30.000 наемников – карийцев и ионян. В городе Саисе у царя был также большой и замечательный дворец. Итак, Априй шел войной на своих же египтян, а Амасис – против чужеземных наемников. В городе Момемфисе оба войска сошлись и начали сражение.

164. В Египте существует семь различных каст: жрецы, воины, коровьи пастухи, свинопасы, мелочные торговцы, толмачи и кормчие. Столько каст в Египте, а названия каст взяты по роду занятий [их членов]. Каста воинов делится на так называемых каласириев и гермотибиев, которые живут в следующих округах (весь Египет ведь разделен на округа).

165. Гермотибии живут в округах: Бусирис, Саис, Хеммис, Панремис, на острове по имени Пресопитида и в Нафо. Это – округа гермотибиев[173], численность которых, когда их было больше всего, доходила до 160.000 человек. Никто из них не занимается никаким ремеслом, но только военным делом.

166. Каласирии же обитают в следующих округах: Фивы, Бубастис, Афтиис, Танис, Мендес, Себенис, Атрибис, Фарбаис, Фмуис, Онуфрис, Аниссис, Миекфорис. Последний находится на острове против города Бубастиса. Это – округа каласириев[174], численность которых, когда их было больше всего, доходила до 250.000 человек. Им также не дозволено заниматься никаким ремеслом, но только военным, которому сын учится от отца.

167. Научились ли эллины от египтян также и этому, я не могу определенно решить. Я вижу только, что и у фракийцев, скифов, персов, лидийцев и почти всех других варварских народов меньше почитают ремесленников, чем остальных граждан. Люди же, не занимающиеся физическим трудом, считаются благородными, особенно же посвятившие себя военному делу. Так вот, этот обычай переняли все эллины, и, прежде всего, лакедемоняне. Менее же всего презирают ремесленников в Коринфе.

168. Кроме жрецов, только воины в Египте пользовались особыми преимуществами: каждому из них [с

семьей] жаловалось [в надел] по 12 аур у отборной земли, не облагаемой налогом. Аура же составляет 100 квадратных египетских локтей; египетский же локоть по величине равняется самосскому. Так вот, столько земли жаловалось каждому [воину] в собственность. Кроме того, от времени до времени и попеременно они получали еще следующие доходы: тысяча каласириев и столько же гермотибиев ежегодно служили царскими телохранителями. Последние, кроме доходов с земельных наделов, получали ежедневно по 5 мин хлеба, по 2 мины говядины и по 4 аристеры вина на каждого. Таково было постоянное жалование телохранителей.

169. Итак, после того как Априй во главе наемников и Амасис со всеми египтянами прибыли к городу Мемфису, началась битва. Хотя наемники храбро сражались, но все же потерпели поражение, так как значительно уступали врагам численностью. По рассказам, Априй воображал, что даже бог не может лишить его царства. Столь прочно, казалось ему, сидит он на престоле. Но все же тогда он был побежден в бою, захвачен в плен и уведен в город Саис в свой прежний дворец, теперь уже принадлежавший Амасису. Сначала Априя некоторое время содержали в царском дворце, и Амасис хорошо обходился с ним. В конце концов, когда египтяне стали роптать (они считали, что Амасис несправедливо

поступает, оставляя жизнь своему и их злейшему врагу), и Амасису пришлось выдать им Априя. Египтяне же задушили его и затем предали погребению в усыпальницах предков. Эти усыпальницы находятся в храме Афины очень близко от главного святилища, как войдешь, так по левую руку. А хоронили саисцы в этом святилище всех своих царей саисской династии. Так же и усыпальница Амасиса – во дворе храма, хотя и дальше от главного святилища, чем Априева и его предков. Она представляет собой обширную каменную галерею с колоннами в виде пальм и другими украшениями. В этой галерее находятся два [двухстворчатых] портала, а за ними [в нише] стоит саркофаг.

170. В том же саисском святилище Афины есть и гробница того, чье имя я не считаю позволительным здесь разглашать[175]. Она находится позади храмового здания вдоль всей стены храма Афины. Затем внутри этой священной ограды стоят высокие каменные обелиски и расположено озеро, обложенное по краям очень красиво камнем, по-моему, такой же величины, как так называемое Круглое озеро на Делосе[176].

171. На этом то озере во времяочных бдений египтяне представляют действия, [изображающие] страсти бога. Эти представления они называют мистериями. Впрочем, об этом я буду хранить молчание, хотя и мог бы

сообщить более подробно о том, что происходит на этих действиях. Так же хочу я умолчать и об обрядах на празднике Деметры[177], который эллины называют Фесмофориями, поскольку непосвященным сообщать об этом не дозволено. Дочери Даная принесли к нам из Египта этот праздник и обряды [Деметры] и научили им пеласгических женщин. Впоследствии же, когда дорийцы изгнали из Пелопоннеса всех прежних жителей, эти [мистические] празднества совершенно прекратились. Только аркадцы – единственное племя, которое не было изгнано и осталось от древнего населения Пелопоннеса, – сохранили их.

172. Так-то после свержения Априя воцарился Амасис родом из Саисского округа, из города по имени Сиуф. Сперва египтяне мало уважали и ни во что не ставили царя, так как прежде он был простым гражданином и даже незнатного рода. Потом, однако, Амасису удалось завоевать их расположение хитростью, но деликатным способом. Среди несметных сокровищ, был у него умывальный таз, из которого сам царь и все его гости всегда умывали ноги. Этот то таз Амасис велел расплавить, отлитъ из него статую бога и воздвигнуть в самом оживленном месте города. Египтяне же, проходя мимо статуи, благоговейно молились ей. Когда же Амасис услышал об этом, то повелел призвать к себе египтян и

объявил им, что статуя [бога] сделана из того таза для омовения ног, куда они раньше плевали, мочились и где умывали ноги, а теперь ее благоговейно почитают. Вот и с ним, прибавил царь, произошло примерно то же самое, что с этим тазом. Пусть когда-то прежде Амасис был только простым гражданином, а теперь – он их царь. Поэтому они должны почитать и уважать его. Так-то Амасис расположил к себе египтян, так что они добровольно согласились служить ему.

173. Порядок [ежедневных] занятий Амасис установил такой: ранним утром еще до времени, когда народ собирается на рынок, царь усердно разбирал дела, которые ему докладывали. Затем он пировал и легкомысленно и весело шумил со своими застольными друзьями. Друзей же царя удручало его поведение, и они упрекали его такими словами: “Царь! Ты умаляешь свое царское достоинство, предаваясь таким легкомысленным и пустяковым занятиям. Тебе следовало бы, восседая на пышном троне, целый день заниматься делами. Тогда египтяне поняли бы, что над ними властвует действительно великий муж, и о тебе пошла бы лучшая слава. А теперь ты ведешь жизнь вовсе не такую, как подобает царю”. А царь возразил им: “Стрелок натягивает свой лук, только когда он нужен, и спускает тетиву, когда нет нужды. Ведь если бы лук был постоянно натянут, он бы лопнул, и его нельзя было

бы пустить в дело в случае надобности. Такова же и человеческая природа: если бы человек вздумал всегда предаваться серьезным делам, не позволяя себе никаких развлечений и шуток, то либо неприметно впал бы в безумие, либо сразу был бы разбит параличом. Поэтому то я всему уделяю свое время". Так он отвечал своим друзьям.

174. Как говорят, Амасис, будучи еще простым гражданином, очень любил выпить и пошутить и вовсе не имел склонности к серьезным занятиям. А когда он пропил и прогулял свое добро, то начал будто бы воровать у соседей. А те обвиняли его в кражах, и когда он запирался, то водили в прорицалище и спрашивали, где украденные вещи. Иногда оракул его уличал, но часто и оправдывал. Когда же Амасис стал царем, то сделал вот что. О храмах тех богов, которые его оправдывали [в кражах], он вовсе не заботился и не жаловал денег на их украшение. Он и не посещал их и не приносил жертв: по его словам, ведь эти боги не заслуживают жертвоприношений и их прорицания лживы. Напротив, богов, уличавших его в воровстве, он глубоко чтил, как истинных богов, дающих правдивые прорицания.

175. Прежде всего, он воздвиг в Саисе удивительные преддверия Афине, которые далеко превосходят высотой и обширностью, а также величиной и красотой камней, из которых они сложены, все другие. Затем он повелел

поставить колоссальные статуи и огромные сфинксы с головами мужчины, а также доставить огромные глыбы камней для других работ. Некоторые глыбы были перевезены из каменоломен у Мемфиса, а другие, самые огромные, из города Элефантины, который отстоит от Саиса не менее чем на двадцать дней плавания вверх по реке. Но вот что меня в этом больше всего удивляет. Царь повелел доставить из Элефантины целое здание, высеченное из цельного камня. Перевозили же его три года, и для этого было назначено 2000 человек, которые все были кормчими. Длина этого храмового здания снаружи 21 локоть, ширина 14, высота 8 локтей. Это — наружные размеры этого монолитного здания. Изнутри же оно 18 локтей и 20 пядей длины, 12 локтей ширины и 5 локтей высоты. Здание стоит при входе в священный участок. Внутрь [священного участка], говорят, его не втащили вот почему. Зодчий, как рассказывают, при перетаскивании этого здания глубоко вздохнул, так как ему наскучила бесконечная работа. Амасис же принял это за недобрый знак и не позволил тащить здание дальше. Другие, впрочем, говорят, что один из рабочих, двигавших здание рычагами, был раздавлен и поэтому то здание и не втащили в святыни.

176. И во все другие знаменитые святыни Амасис также посвятил архитектурные сооружения,

удивительные своей величиной. Так, между прочим, в Мемфисе перед святилищем лежит на земле колoss длиной 75 футов. На том же цоколе стоят еще два других колосса из эфиопского камня в 20 футов высоты каждый, по обеим сторонам того большого колосса. Есть также и в Саисе такой же величины колoss, лежащий на земле, как и в Мемфисе. И Иисиде в Мемфисе воздвиг Амасис большой и достойный удивления храм.

177. При царе Амасисе, как рассказывают, Египет достиг величайшего процветания. Река дарила [блага] земле, а земля – людям, и населенных городов в Египте было тогда, говорят, 20.000. Амасис также издал вот какое постановление египтянам: каждый египтянин должен был ежегодно объявлять правителью округа свой доход. А кто этого не сделает и не сможет указать никаких законных доходов, тому грозила смертная казнь. Афинянин Солон перенял из Египта этот закон и ввел его в Афинах. Еще и поныне он там сохранился как самый превосходный закон.

178. Амасис был другом эллинов. Он не только выказывал благосклонность некоторым из них, но даже предоставил эллинским переселенцам город Навкрамис[178] для жительства. А тем, кто не желал селиться там, а приезжал только временно [для торговли], он отвел места, где они могли бы воздвигнуть

алтарь и храмы богов. Самое большое, знаменитое и наиболее часто посещаемое из этих святилищ, называется Эллений. Его основали сообща следующие города: из ионийских – Хиос, Теос, Фокея и Клазомены; из дорийских – Родос, Книд, Галикарнасс и Фаселида; из эолийских – одна Митилена. Эти же города сообща владеют святилищем, они же назначают начальников для надзора за торговлей в порту. Прочие города, которые посещают святилище, там только гости. Город Эгина воздвиг особое святилище Зевса, самосцы – Геры, а милемяне – Аполлона.

179. Первоначально Навкратис был единственным торговым портом [для чужеземцев] в Египте; другого не было. Если корабль заходил в какое-нибудь другое устье Нила, то нужно было принести клятву, что это случилось неумышленно. А после этого корабль должен был плыть назад в Канобское устье Нила. Или если нельзя было подниматься вверх против ветра, то приходилось везти товары на нильских барках вокруг Дельты до Навкратиса. Такие права и преимущества были у Навкратиса.

180. Когда амфиктионы за 300 талантов отдали подряд на строительство нового дельфийского храма (прежний храм случайно погиб в огне пожарища), то четвертую часть денег за подряд пришлось уплатить дельфийцам. Тогда дельфийцы стали ходить по городам и собирать пожертвования, причем возвратились из Египта

далеко не с пустыми руками. Так, Амасис пожертвовал им 1000 талантов квасцов[179], а эллины, жившие в Египте, — 20 мин серебра.

181. С киренцами же Амасис заключил оборонительный и наступательный союз и не задумался даже взять себе супругу оттуда потому ли, что желал иметь супружой эллинку, или, быть может, только ради союза с киренцами. Так вот, он взял себе в супруги девушку по имени Ладику, которая, как одни говорят, была дочерью Батта, по другим же, — Аркесилая или даже знатного гражданина Критобула. Однако, разделяя с супружой ложе, Амасис не мог сойтись с ней, хотя еще сходился с другими женщинами. И так как это повторялось не раз, то Амасис сказал Ладике: “Женичина! Ты меня совершенно околдовала! Ничто уже не спасет тебя от самой лютой казни, которую когда-либо испытала женщина!” . Хотя Ладика отрицала свою вину, Амасис не сменил свой гнев на милость. Тогда Ладика принесла обет Афродите посвятить в Кирену статую богине, если Амасис сойдется с ней в эту ночь (ведь в этом одном было ее спасение). И действительно, после этого обета Амасис тотчас же сошелся с ней и с тех пор, всякий раз как приходил, имел сношение с ней, и потом очень полюбил ее. Ладика же исполнила свой обет богине. Она велела изваять статую и отослала ее в Кирену. Когда я был там,

статуя была еще цела и стояла [в храме] за городом Киреной. Этую Ладику Камбис после завоевания Египта, узнав от нее самой, кто она, отоспал в Кирену, не причинив обиды.

182. Амасис же послал посвящительные дары также и в Элладу. В Кирену он пожертвовал позолоченную статую Афины и свое собственное изображение в красках; затем Афине в Линде – две каменные статуи и замечательный льняной панцирь; наконец, в храм Геры на Самосе – две свои портретные деревянные статуи, которые еще в мое время стояли в большом храме за порталом. Эти приношения на Самос царь сделал ради своей дружбы и гостеприимства с Поликратом, сыном Эака. Что же до даров Амасиса в Линд, то он принес их все не ради дружбы с кем-нибудь или гостеприимства, а потому что святилище Афины в Линде, по сказанию, воздвигли дочери Даная, остановившись там во время бегства от сыновей Египта. Эти посвящительные дары принес Амасис. Он завоевал также впервые остров Кипр и заставил остров платить ему дань.

Примечания

Г.А.Стратановский

[1] 158. . Во II книге
Геродотом без грубых ошибок
излагает связную историю
Египта, начиная с

середины VII в. (с начала царствования Псамметиха I). Для
Саисской эпохи (VII – VI вв. до н.э.) рассказы Геродота
имеют неоценимое значение (см.: С. Я. Лурье. Геродот, с.
122).

[2] 159. . Это действительно фригийское слово,
встречающееся во фригийских надписях.

[3] 160. . Т.е. Пта (бог – покровитель кузнецов), который
отождествлялся с Гефестом.

[4] 161. . Египетский гражданский год начинался 19 июля с
восходом Сириуса (егип. Соднен, Сотис), когда начинался
разлив Нила, и продолжался до следующего разлива. Год
делился на три времена года (разлив, посев, жатва).

[5] 162. . Греческий год делился на 12 лунных месяцев (6 месяцев по 30 дней и 6 – по 29 дней). Через каждые три, пять и восемь лет восьмилетнего цикла прибавлялся “вставной” месяц, (Посейдеон Второй).

[6] 163. . Плинфинский залив и озеро Сербонида являются восточной и западной границами Египта.

[7] 164. . Ширина Нильской долины от Каира до Сиены (Асуан) меняется от 20 до 1 км.

[8] 165. . Это – страна Пунт, т.е. сомалийское побережье.

[9] 166. . Гомеровское выражение (ср.: Одиссея 14, 136).

[10] 167. . См. выше, II 6.

[11] 168. . Как показывает упоминание Геродотом египетской меры схен (“хеннуб”), автор пользовался здесь египетскими источниками. Тем не менее цифры для расстояний неверны.

[12] 169. . Т.е. долина р. Скамандра.

[13] 170. . Местное египетское название Египта Кемем (чёрный).

[14] 171. . Речь идет о Голубом Ниле, который приносит ил с Абиссинских гор.

[15] 172. . Геродот пользуется записями жрецов, которые относятся к разливу Нила при царе Аменофисе IV (1377 – 1358 гг. до н.э.). Этот царь смешан здесь с Мериодом (Аменемхет III, ок. 1840 – 1792 гг. до н.э.).

[16] 173. . В области нильской Дельты землю не вспахивали плугом.

[17] 174. . Подобные заведения были также у Каноба (в устье западного рукава Нила).

[18] 175. . Греческое название Египта восходит к египетскому Хикунта (Ка – дом Пта). Хикунта – имя

главного святилища в Мемфисе. По этому храму был назван город Мемфис, а впоследствии и вся долина Нила.

[19] 176. . Здесь имеется в виду первый камаракт у Сиены.

[20] 177. . Этую гипотезу высказал Фалес Милетский (ок. 600 г. до н.э.).

[21] 178. . Это толкование принадлежит Евфимену из Массалии (конец VI в. до н.э.). Евфимен, плавая вдоль западного побережья Африки, достиг сопр. Сенегала и думал, что истоки Нила находятся в Океане.

[22] 179. . Геродот опровергает мнение философа Анаксагора (ок. 500 – 428 гг. до н.э.).

[23] 180. . Здесь Геродот, по-видимому, имеет в виду Гекатея Милетского.

[24] 181. . Писец храма богини Нейт (Афина), один из высших должностных лиц при храме, вероятно, главный осведомитель Геродота о Египте и его истории.

[25] 182. . Этот миф известен из египетских текстов пирамид.

[26] 183. . Здесь Геродот дает описание первого камаракта Нила ниже Сиены.

[27] 184. . Запруженный и разлившийся в этом месте Нил Геродот принимает за озеро.

[28] 185. . Прежняя столица эфиопов была Напата на р. Джебель Баркал, но после похода Камбиса перенесена дальше на юг в Мерое. Эфиопское царство со столицей в Мерое существовало до 355 г. н.э.

[29] 186. . Зевс у эфиопов – Амон Ра.

[30] 187. . Дионис – Осирис.

[31] 188. . Астмах (егип. "схм" – по левую руку) означает, вероятно, восточные племена, которые впоследствии переселились на юг.

[32] 189. . Т.е. Средиземное море.

[33] 190. . Насамоны пересекли Сахару в юго западном направлении от берегов Большого Сирта, вероятно, до Тимбукту на Нигере. "Маленькие люди", быть может, одно из племен пигмеев.

[34] 191. . Это, конечно, неверно.

[35] 192. . Это сообщение неправильно: в Египте было много женищин жрии.

[36] 193. . Здесь Геродот неточен. В его время у египтян было распространено древнейшее иероглифическое письмо (для надписей), иероглифическое упрощенное письмо, иератический курсив (для деловых бумаг и писем) и, наконец, демотическое письмо (для широкого употребления). Демотическим письмом писали главным образом справа налево.

[37] 194. . Во многих храмах Египта жреческие должности были наследственными. Все египетские правители несли огромные расходы на содержание храмов и жрецов. Даже персидские завоеватели при Дарии I должны были признать древние привилегии храмового жречества и оказывать жрецам денежную помощь.

[38] 195. . Быков в Египте с древнейших времен приносили в жертву богу Солнца.

[39] 196. . Имеется в виду праздник Исиды, спровоцированный в Бусирисе.

[40] 197. . Кульп Исиды был распространен среди ливийцев в области Дельты.

[41] 198. . Афродитой Геродот называет богиню Гатор, имя которой сохранилось в названии города Амардехис.

[42] 199. . Баран считался у египтян воплощением Хнума.

[43] 200. . Имеется в виду праздник солнечного бога Амона и принесение в жертву священного барана.

[44] 201. . Алкей – отец Амфитриона и Электрион – отец Алкмены, по мифу, происходили из Египта.

[45] 202. . Датировка по предпоследнему египетскому царю Амасису II указывает на то, что Геродот цитирует здесь Гекатея, который посетил Египет при этом царе.

[46] 203. . Египтяне знали только цикл девяти богов (эннеада).

[47] 204. . Описание Геродота подтверждается надписью на стеле, найденной в Тире.

[48] 205. . Фасос, по-видимому, имя финикийского божества, храм которого Геродот посетил в Тире.

[49] 206. . Богом города Мендеса был Хнум. Баран у египтян был символом производительной силы. Геродот

отождествляет бога Мендеса с греческим Паном потому, что тот изображался с козлиными рогами.

[50] 207. . Мендес, быть может, егип. Бен нб дд (баран).

[51] 208. . Геродот имеет в виду, вероятно, праздник Памилий.

[52] 209. . Мелампод исцелил от дionисического безумия дочерей тиринфского царя Прета и потребовал в награду за это себе и брату в жены его дочерей и часть царства.

[53] 210. . Некоторые формы культа Диониса греки, вероятно, заимствовали у фракийцев.

[54] 211. . См. выше, II 43.

[55] 212. . Геродот передает мнение жителей нильской Дельты.

[56] 213. . В Додоне почитали не определенных богов, а священный дуб. В этом историческое ядро рассказа Геродота.

[57] 214. . Геродот, следовательно, относит возникновение гомеровских поэм приблизительно к 850 г. до н.э.

[58] 215. . Имеются в виду Орфей, Мусей, Лин и Олимп.

[59] 216. . Здесь игра слов: голуби, по-гречески πελειάδες, а на эпирском диалекте θέλειος – старый, почтенный.

[60] 217. . Прорицалище в Фивах было, по-видимому, основано греческими наемниками.

[61] 218. . Геродот имеет в виду Панафинейские празднества с торжественной процессией, введенной при Писистрате.

[62] 219. . Отождествление египетских богов с греческими восходит к греческим колонистам в области Дельты.

Сведениями, полученными от них, пользовался уже Гекатей, посетивший Египет при царе Амасисе.

[63] 220. . См. выше, II 40.

[64] 221. . Они оплакивали Осириса.

[65] 222. . Так Геродот описывает здесь праздник Осириса в Саусе.

[66] 223. . Речь идет о ритуальной борьбе в воспоминание эпизода из мифа об Осирисе.

[67] 224. . Арес – здесь египетский бог Гор.

[68] 225. . Этот обычай соблюдался не во всем Египте, а лишь в некоторых областях.

[69] 226. . Пиявки сидят на деснах зубов крокодила.

[70] 227. . В городе Арсиное (егип. Шелем, совр. Мединет эль Файюм), который греки называли Крокодилополем, крокодилы были посвящены богу Сухос.

[71] 228. . Так Геродот передает егип. "схм" (крокодил).

[72] 229. . Гиппопотам считался священным животным Осириса.

[73] 230. . Здесь имеются в виду не выдры, а особый род ихневмонов ("фараонова мышь" – *Herpetes ichneumon*).

[74] 231. . Лепидом – чешуйчатая рыба, вымерший вид рыб.

[75] 232. . По Лидделу Скотту, s. v. *Chenalopex ascyrtiaca*; по В. Х. Дворецкому, *Anas tadorna* – утка пеганка, живущая в норах.

[76] 233. . Феникс (егип. "бану") – воплощение бога Амон Ра. В христианскую эпоху феникс стал символом смерти и Воскресения Христа.

[77] 234. . Рогатая гадюка (*Vipera cerastes*) – весьма опасная ядовитая змея. “Пагубные” – гомеризм (см.: Одиссея XVIII, 85).

[78] 235. . Т.е. Амон Ра. Мумии этих священных змей найдены в Египте.

[79] 236. . По-видимому, род саранчи.

[80] 237. . Какие кости видел Геродот, неясно (у саранчи нет костей).

[81] 238. . Белый ибис (птица из семейства бекасовых) был посвящен богу мудрости Тому, который поэтому часто изображался с головой ибиса.

[82] 239. . Черный ибис – это чапрак, вальдран.

[83] 240. . В подлиннике стоит глагол συρμαῖζοντι от егип. “срмт” – средство от глистов.

[84] 241. . Егип. “клиш”, греч. χλυστήρ.

[85] 242. . Геродот, следовательно, не посетил виноградную область Египта в западной части Дельты на оз. Мариут.

[86] 243. . Имеется в виду саркофаг, на котором изображался покойник.

[87] 244. . Скорбная песнь о бессмертной кончине Лина, которую пели на празднике в честь Лина в Греции, а в Финикии – на празднике Адониса, оплакивая его смерть.

[88] 245. . Здесь, по-видимому, идет речь об Осирисе, смерть которого под именем Манероса, оплакивали на празднике.

[89] 246. . Орфизм – религиозное движение в Греции, возникшее в VIII в. до н.э. Некоторые взгляды последователей орфизма (орфиков), например, вера в переселение душ, напоминают египетские представления. Пифагорейцы – сторонники религиозно философской секти Пифагора, как и орфики, были участниками вакхических мистерий (тайств), связанных с культом Диониса.

[90] 247. . Астрология в позднем Египте была очень распространена.

[91] 248. . В Египте было много врачей по разным специальностям. Сохранились гинекологические и хирургические папирусы и сборники рецептов.

[92] 249. . Имеются в виду деревянные доски с изображением процесса бальзамирования.

[93] 250. . Вероятно, Осириса.

[94] 251. . Внутренности покойника погребали в особых сосудах, но не в гробах.

[95] 252. . Смирна (мирра) – ароматическая камедь (смола) аравийского мирта.

[96] 253. . Касия (*Cinnamomum iners*) – ароматическое и целебное растение (дикая корица).

[97] 254. . Камедь (егип. "коми") – смола растения *Acacia arabica* L.

[98] 255. . Кедровое масло при бальзамировании предохраняло внутренности от гниения до введения щелочи.

[99] 256. . Редьковое масло заменяет кедровое масло.

[100] 257. . Нильский лотос (*Nymphaea lotos*) – род лилии (*Nymphaeaceae*).

[101] 258. . Этот вид лилий теперь в Египте не встречается.

[102] 259. . Именно, жители области Дельты.

[103] 260. . Силликиприй (егип. "кики") – разновидность клещевины.

[104] 261. . Не из-за комаров, а из за скорпионов и змей еще и теперь египтяне снят на крышах.

[105] 262. . Acacia Nilotica.

[106] 263. . Егип. “бар им” (корабль).

[107] 264. . Или: “из Фтиотиды”, откуда ахейцы переселились в Пелопоннес.

[108] 265. . Сведения Геродота о египетских фараонах до эпохи эфиопских царей (715 – 663 гг. до н.э.) восходят к двум различным преданиям. Из первого предания взяты рассказы о Нитокрис (VI династия), о царях XII династии Сесострисе III и Мерисе (Аменемхет III). Второе предание является источником народных сказок о Рамисините (Рамсес III) и царях IV династии Хеонсе, Хефрена и Микерина. Геродотова хронология египетских царей не соответствует царской хронологии во фрагментах царских списков Манефона.

[109] 266. . Храм бога Пта в Мемфисе.

[110] 267. . Красное море – здесь Индийский океан, которого достиг египетский царь в походе в страну благовоний Пунт (сомалийское побережье).

[111] 268. . Надписи принадлежат не Сесострису III, а Рамсесу II.

[112] 269. . Геродот путает царя Сесостриса с царем Псамметихом I, который воевал со斯基фами и фракийцами в Палестине, но никогда не вторгся в Скифию.

[113] 270. . На р. Фермодонте греки, по преданию, разбили амазонок и затем привезли их в скифские степи (совр. Дон).

[114] 271. . Имеется в виду наскальный рельеф в Сипиле и Кара Бель в области Смирны (сов. Измир) с изображением бога в виде воина. Он принадлежит, однако, не египтянам, а хеттам.

[115] 272. . Хеттский рельеф в Сипиле изображал царя с супругой и сыновьями, попирающими распростертого на земле врага. Осведомитель Геродота сочинил, быть может, на этом основании рассказ, переданный Геродотом.

[116] 273. . Это неверно: лошади и боевые колесницы впервые ввели вожди семитских племен гиксосы, которые властновали над частью Египта в 1670 – 1570 гг. до н.э.

[117] 274. . Каналы служили в Египте для орошения полей, а не для снабжения питьевой водой.

[118] 275. . Во времена Геродота в Египте существовал земельный кадастр. Налоги собирались с каждого участка соотвественно его урожайности натурой, так как денег не было в обращении. После завоевания Египта персидские сатрапы (особенно Арианд) стали чеканить огромное количество серебряной монеты и, пользуясь высоким курсом серебра, скупали все продукты, добываемые в стране.

[119] 276. . Гномон (солнечные часы) – вертикальный штифт, отбрасывающий тень на вогнутую поверхность (πόλος – модель небесного свода). Гномон и полос, по преданию, были вывезены в Грецию из Вавилона Анаксимандром Милетским (около 547 г. до н.э.). Двенадцать делений дня – часы дневные.

[120] 277. . Имеются в виду две 13 метровые статуи, лежащие у Мит Рахине. Одна из них в 1954 г. перевезена в Каир.

[121] 278. . Финикияне имели в Мемфисе свое поселение с храмом богини Иитар.

[122] 279. . Храмовые рабы носили особые знаки и считались неприкасаемыми.

[123] 280. . Илиада VI. 289 (перев. Н. И. Гнедича).

[124] 281. . Одиссея IV. 228 (перев. В. А. Жуковского).

[125] 282. . Одиссея IV, 351 (перев. В. А. Жуковского).

[126] 283. . В "Киприях" рассказывалось о предыстории Троянской войны (эти поэмы до нас не дошли).

[127] 284. . Здесь Геродот объясняет исторические события карой, ниспосланной богами, или в пределах человеческих отношений цепью обид Tdiwrai и возмездии

trseir. В конечном счете руководят событиями боги, которые пользуются людьми как орудиями, но могут обойтись и без них (ср.: А. И. Доватур. Стиль, с. 111).

[128] 285. . Имеются в виду сооружения Рамсеса II в храме Пта в Мемфисе. Там находились две колоссальные статуи царя, которые во времена Геродота еще стояли.

[129] 286. . В Египте обычно трупы казненных выставляли на столбах на стене.

[130] 287. . Очевидно, сторожа были чужеземцы наемники; египтяне брали себе головы и бороды.

[131] 288. . Египетская сказка о происхождении в царство мертвых.

[132] 289. . Деметра (в Дельте – Исида) – здесь, вероятно, Гатор, почитавшаяся в Фивах как владычица мертвых. Царство мертвых по-египетски называлось “аменитем” (западная страна), так как египтяне погребали покойников к западу от Нила.

[133] 290. . По верованию египтян, умерший царь соединялся с Осирисом, смерти и воскресению которого был посвящен особый праздник в Египте.

[134] 291. . Очевидно, бог мертвых Анубис (егип. Ануп), изображавшийся с песьей головой, который провожал покойника в царство мертвых.

[135] 292. . Исида и Осирис.

[136] 293. . Геродот путает хронологию Египта: Рамисинум (Рамсес II) – царь XIX династии (1345 – 1200 гг. до н.э.), а Хеопс – IV династии (2600 – 2480 гг. до н.э.).

[137] 294. . По-видимому, этот царь сократил доходы жрецов, и поэтому жреческое предание считало его тираном нечестивцем.

[138] 295. . Геродот, вероятно, неправильно понял своего осведомителя. Имеется, видимо, в виду канал, по которому доставлялись стройматериалы к месту сооружения пирамиды. Три месяца работ, указанные Геродотом, – время разлива Нила, когда

сельскохозяйственные рабочие привлекались на строительство государственных сооружений (каналов и пирамид).

[139] 296. . Это, конечно, очень заниженная цифра расходов, которая даже отдаленно не соответствует стоимости этого грандиозного сооружения.

[140] 297. . Хеопс (Хуфу) царствовал только 24 года. Ему наследовал брат Дедефра, после которого вступил на престол сын Хеопса Хефрен.

[141] 298. . Имеется в виду статуя богини неба Гатор, которую изображали в виде коровы. Геродот путает ее со статуей Исиды (в саисском храме).

[142] 299. . Не обнаженные, а в тесно прилегающих одеждах.

[143] 300. . На празднике Осириса.

[144] 301. . Позднейшая легенда анахронистически связывает Микерина с оракулом в Буто.

[145] 302. . Размеры, приводимые Геродотом, не соответствуют действительности. Эфиопский камень – гранит.

[146] 303. . Эсоп был обвинен в краже из храма в Дельфах и низвергнут со скалы. За его убийство дельфийцы должны были заплатить денежную пеню.

[147] 304. . В такой форме отливались тогда металлические бруски (до введения чеканной монеты, заимствованной из Лидии, ими пользовались как деньгами).

[148] 305. . Храма Аполлона.

[149] 306. . Асихис (егип. Шепсес каф, ок. 2480 г. до н.э.) оставил гробницу в виде кирпичной масштабы (четырехугольной формы гробница).

[150] 307. . Геродот делает здесь скачок от конца IV династии (ок. 2480 г. до н.э.) к началу эфиопского владычества в Египте (ок. 715 г. до н.э.).

[151] 308. . Эфиопские цари официально правили в Египте с 715 по 655 г. до н.э. После мирного соглашения они передали должность верховной жрицы Амуна в Фивах, последнюю опору их власти в Верхнем Египте, дочери Псамметиха, властителя области Дельты, и удалились из Египта.

[152] 309. . Геродот рассказывает здесь сказку, отражающую исторические события: войны эфиопских царей Египта с ассирийцами (671 – 653 гг. до н.э.).

[153] 310. . Имеются в виду ливийские наемники.

[154] 311. . Это были свободные от налогов земельные участки, которые египетские (эфиопские) цари отдали ливийским наемникам в награду за службу.

[155] 312. . Именно, в храм бога Пта.

[156] 313. . Мыши были у семитов символом чумы.

[157] 314. . Геродот неправильно относит здесь к этому царю статую бога Гора с его священным животным – мышью.

[158] 315. . Гекатей Милетский посетил Египет в царствование Амасиса II (569 – 526 гг. до н.э.).

[159] 316. . Егип. “ни роми” – человек, т.е. доблестный человек (греч. χαλὸς χάρακθός). Египтяне считали только себя ни роми, другие народы, по их мнению, не заслуживали этого названия.

[160] 317. . У египтян существовал цикл не из 8, а из 9 богов.

[161] 318. . См. Выше, II 43.

[162] 319. . См. Выше, II 43 – 49

[163] 320. . Имеются в виду местные царьки области Дельты. Число 12 – неверно.

[164] 321. . Геродот принимает маленькие пристройки времен саисских царей (663 – 525 гг. до н.э.) за главное здание – заупокойный храм царя Аменемхета III (1840 – 792 гг. до н.э.).

[165] 322. . Храмы Артемиды в Эфесе и Герды на Самосе.

[166] 323. . Кирпичная пирамида в Хаваре с заупокойным храмом, который Геродот называет лабиринтом.

[167] 324. . Крытый проход, ведущий из храма в пирамиду.

[168] 325. . Статуя Аменемхета III.

[169] 326. . Т.е. он устранил областных царьков.

[170] 327. . Это драма Эсхила не сохранилась.

[171] 328. . Эта цифра неверна.

[172] 329. . Псамметих II.

[173] 330. . Области в западной части Дельты.

[174] 331. . Области в восточной части Дельты.

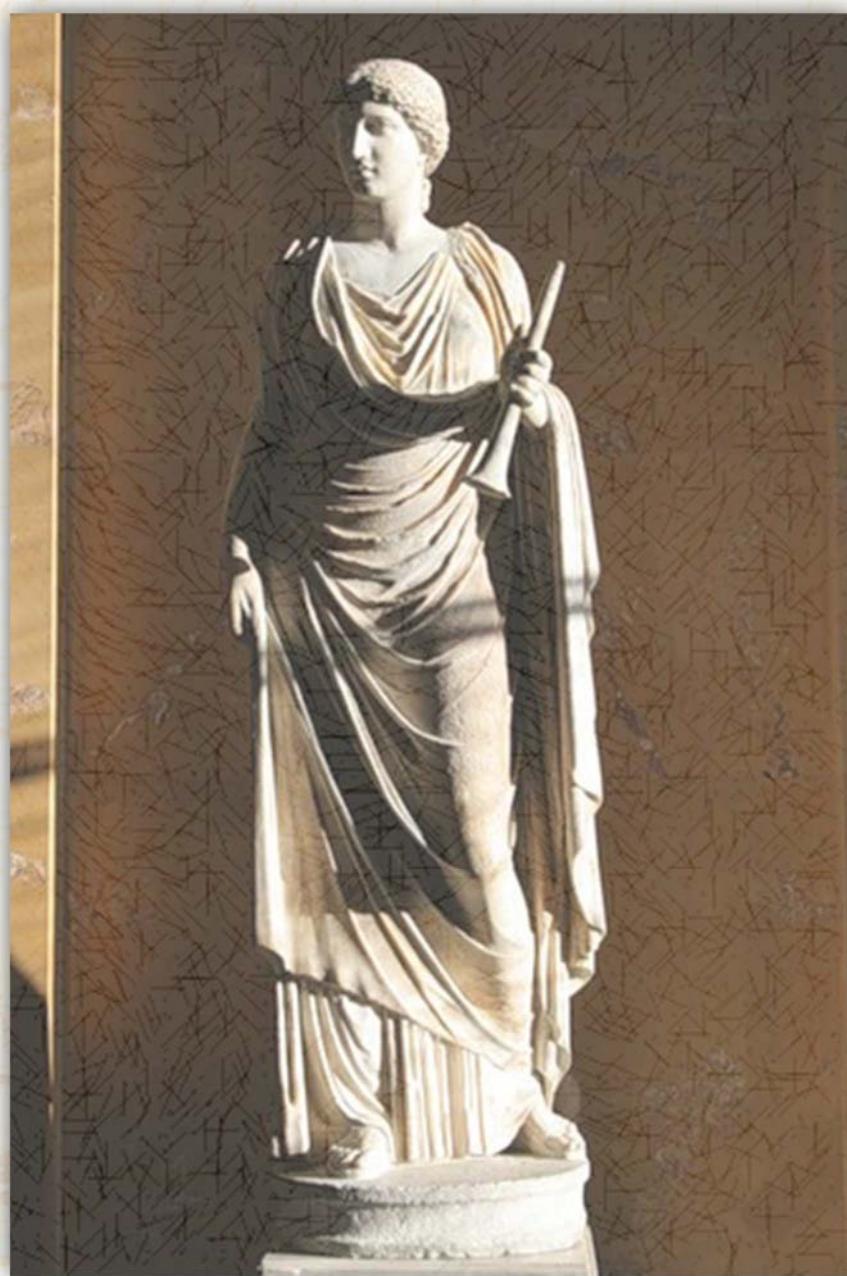
[175] 332. . Гробница Осириса в храме богини Нейт.

[176] 333. . Священное озеро, на берегу которого стояла священная пальма.

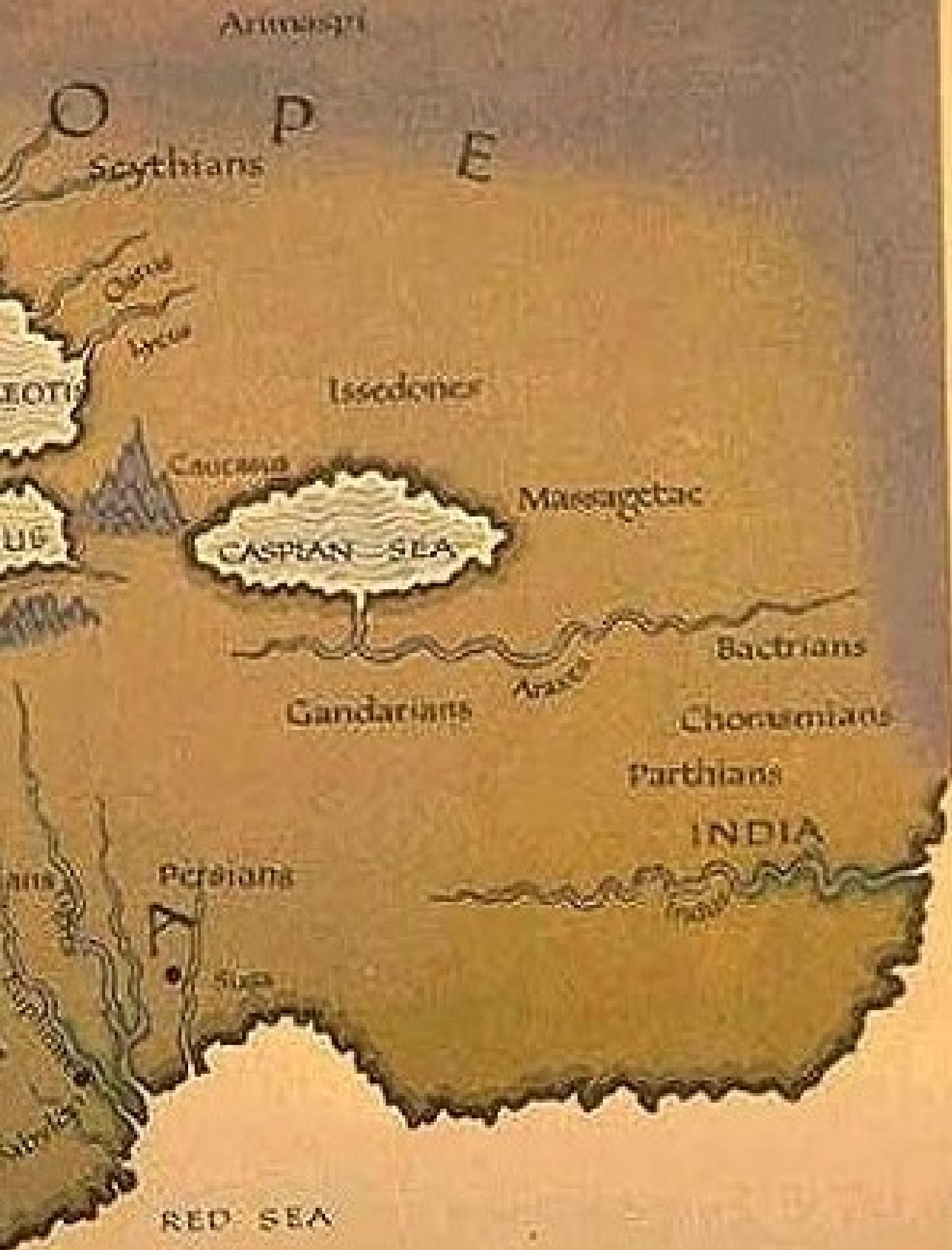
[177] 334. . Сюжетом мистериальных представлений в честь Осириса было убийство Осириса Сетом и воскресение бога.

[178] 335. . Навкратис был основан, вероятно, при Неко или Псамметихе. При Амасисе город достиг уже расцвета.

[179] 336. Египет был главным экспортёром квасцов, которыми пропитывались деревянные доски при постройке храмов.

В. Г. Борухович

НАУЧНОЕ И ЛИТЕРАТУРНОЕ ЗНАЧЕНИЕ ТРУДА ГЕРОДОТА

Среди многочисленных и разнообразных наук, завещанных нам античным миром, история с особой наглядностью хранит следы этой преемственности: уже к концу V в. до н. э. исторический жанр достигает высочайшего развития в произведении афинского историка Фукидида. Однако в начале своего развития история была прежде всего жанром художественной прозы, соединяя в себе две, казалось бы, столь разнородные стороны человеческой деятельности, как науку и искусство. Благодаря последнему обстоятельству сочинения греческих и римских историков тем более привлекают внимание читателей. Особое место в истории европейской

науки занимает творение Геродота: оно является первым памятником исторической мысли и одновременно первым памятником художественной прозы. Цицерон метко определил значение творческого подвига гениального греческого писателя, назвав его «отцом истории» (*Cic. De leg. I, 1*): с той поры этот почетный титул прочно закрепился за Геродотом.

Однако, когда Геродот начал писать свой труд, рождение исторической науки было уже совершившимся фактом(1). Она возникла в первой половине VI в. до н. э. в Ионии, и в частности в Милете, выдающемся центре греческой культуры архаической эпохи. Один из самых образованных авторов древности, греческий географ Страбон замечает: «Ранее всех появились поэтические жанры и достигли высокого развития и славы. Затем, подражая им, но освободившись от метра, сохраняя, однако, все остальные отличия поэзии, написали свои произведения писатели круга Кадма, Ферекида, Гекатея» (I, 2, 6). Называя милетян Кадма и Гекатея наиболее выдающимися прозаиками раннего периода, Страбон обращает внимание на то, что греческая проза появилась намного позже поэзии (на этом основании грамматики стиической школы считали прозу выродившейся поэзией).

Главная причина позднего развития жанра исторического повествования заключалась в том, что условия для его развития появились только на рубеже VII—VI вв. до н. э., когда в Элладе происходят глубинные социальные преобразования, явившиеся результатом ожесточенной классовой борьбы в греческих полисах. Эти процессы с особой силой проявились в

Ионии. В своем социальном и экономическом развитии ионийские города вырываются далеко вперед по сравнению с государствами материка(2).

Новое общество ощущает потребность в более детальной ориентации в окружающем мире, продиктованную практическими задачами. Оно интересуется как своим прошлым, так и тем, как живут иные далекие страны, и этой ясно выраженной потребности удовлетворяет возникающая проза. Так как литературный процесс в это время перестает быть формой коллективного самовыражения общины, в зарождающейся греческой прозе перед нами выступают авторы в своем индивидуальном облике.

Древнейшие произведения греческой прозы носили название λόγος, что значит «слово», «рассказ». Геродот употребляет этот термин, обозначая им обладающие тематическим единством части своего труда, а также весь труд (VII 152). Позднее этот термин приобрел много значений, но вначале он употреблялся для противопоставления прозаического слова поэтическому и вообще поэзии, например, в одах Пиндара (Руth. I, 94; Нем. VI, 39). В качестве литературного жанра логос отличался от басни, сказки и мифа (Платон в «Федоне» проводит четкое различие между λόγος и μῦθος)(3). Для логоса была характерна тенденция рассказывать о действительно встречающемся, но эта действительность на практике оказывалась смешанной с мифическими и просто фантастическими подробностями, представлявшими интерес для слушателей. Возможно, что прозаический логос в какой-то

мере отражал демократическую реакцию на аристократизм эпоса, возвеличивавшего басилевсов.

Образцы древнейшей ионийской прозы были историческими, мифологическими, этнографическими, географическими, морализирующими и естественнонаучными сочинениями, а также сборниками различного рода анекдотов и рассказов из жизни выдающихся людей. Естественно-географические сюжеты интересовали купцов и мореходов, исторические были важны при решении политических и территориальных споров. Немалую роль играла занимательность рассказа: величайший историк древности Фукидид противопоставлял свой труд сочинениям подобного рода как «лишенный басен» и «не столь приятный для слуха». Критикуя сочинения своих предшественников и современников, Фукидид называет их «логографами» (I, 21). По-видимому, это слово не было термином, означающим определенный литературный жанр. В Аттике IV в. до н. э. логографами чаще называли лиц, избравших своей профессией составление речей для выступающих в качестве истца или ответчика в судебном процессе. Отсюда можно сделать вывод, что в аттическом диалекте классической эпохи еще не было терминов, обозначающих различные жанры прозы, и историков просто причисляли к прозаикам. Аристотель в «Риторике» (II, 11, 7) отчетливо противопоставляет логографов поэтам, когда говорит о литературных произведениях, ставящих своей целью прославление чьих-то заслуг. Несмотря на то что термин «логограф» нельзя признать удачным, наука все же не

располагает другим сколько-нибудь удовлетворительным обозначением группы ранних греческих историков, писавших до Геродота и Фукидida или бывших их современниками(4).

Необходимо сразу же оговориться, что сочинение Геродота принципиально ничем особым не отличалось от сочинений его предшественников и современников: различие состояло лишь в уровне литературной одаренности и широте замысла.

ЛОГОГРАФЫ – ПЕРВЫЕ ИСТОРИКИ ЭЛЛАДЫ

Произведения логографов до нас не дошли, и сохранившиеся в составе сочинений более поздних авторов цитаты (за точность которых поручиться нельзя) не могут дать нам вполне ясного представления о характере греческой исторической прозы до Геродота(5). Практически греческая историография начинается для нас с Геродота, как поэзия — с Гомера. Но если в отношении предшественников Гомера мы вынуждены ограничиться общим утверждением *fuerunt ante Homerum poetae*, то, говоря о предшественниках Геродота, мы переходим от более или менее вероятных гипотез к реальным историческим данным. Подразумевая под логографами, как уже говорилось выше, конкретных греческих историков, писавших до него, Фукидид подчеркивает, что они стремились в своих сочинениях скорее к тому, чтобы вызвать интерес у слушателей, чем к истине (I, 21). Отсюда, между прочим, вытекает, что во времена Фукидida произведения историков чаще читались вслух при большом стечении слушателей, как это было с поэмами Гомера. Обращает на себя внимание и тот факт, что, говоря о творчестве логографов, Фукидид

употребляет термин *ξυντίθέναι* («составлять», «складывать») вместо термина *ξυγγράφειν* и делает это, вероятно, для того, чтобы подчеркнуть развлекательный характер сочинений. Знакомство с фрагментами сочинений логографов все же позволяет сделать заключение, что жанр исторического повествования ко времени Геродота получил значительное развитие. Еще во времена Дионисия Галикарнасского (конец I в. до н. э. — начало I в. н. э.) произведения логографов изучались и имели успех у читающей публики. В сочинении упомянутого автора, посвященном Фукидиду, мы находим развернутую характеристику их творчества: «Собираясь начать свое сочинение, посвященное Фукидиду, я хочу сказать несколько слов и о других историках, как принадлежавших к старшему поколению, так и о тех, которые жили в его время. На их фоне станет особенно ясным и направление его творчества, и сила, в нем заключенная. Большое количество историков жили в разных частях Эллады до Пелопоннессской войны. К их числу относятся Эвгеон с Самоса, Денох с Проконнеса, Эвдем с Пароса, Дамокл фигелеец, Гекатей милемянин, Акусилай из Аргоса, Харон из Лампсака, Мелесагор из Халкедона. Несколько ранее Пелопоннессской войны и до времени Фукидода жили Гелланик с Лесбоса, Дамаст сигеец, Ксеномед хиосец, Ксанф лидиец, и большое количество других. Направление их творчества было сходным в выборе и построении сюжета, и в отношении качества сочинений они также немногим отличались друг от друга. Одни из них описывали греческие дела, другие — варварские. Эти факты и события излагались ими не в тесной связи друг с другом, но

отдельно для каждого народа или государства. Они преследовали всегда одну цель: собрать воедино все предания отдельно для каждого народа или государства, которые сохранялись у местных жителей или были записаны в религиозных и светских книгах, ничего не добавляя к ним или убавляя от них. В этих сочинениях встречались мифы, дошедшие от древнейших времен, и некоторые сценического характера перипетии, кажущиеся весьма наивными нынешним людям. Стиль изложения был в основном одинаков у всех, кто избирал один и тот же диалект. Важнейшими особенностями их стиля были ясность, чистота, сжатость, выбор выражений в соответствии с темой, отсутствие всякой искусственности. Их произведения — одни в большей, другие в меньшей степени — носят на себе отпечаток какой-то свежести и прелести, являющейся причиной того, что они не исчезли и продолжают сохраняться» (Dion. Halic. Thuc. 5).

Перечисляя предшественников Фукидida, Дионисий Геродота не упоминает, но почти все из того, что сказано им о логографах, свойственно и самому «отцу истории».

Логографов принято делить на старших и младших. К первым принадлежит Гекатей, наиболее замечательный, по-видимому, из всех предшественников Геродота: стиль его считался образцом литературного ионийского диалекта ранней эпохи(6). Он был современником греко-персидских войн, в которых его родине, городу Милету, принадлежала на первых порах ведущая роль. О позиции, которую занимал Гекатей в разгорающемся восстании ионийских греков, ясно говорят следующие слова

Геродота: «Историк Гекатей вначале не советовал начинать войну против персидского царя, перечисляя все народы, над которыми властвовал Дарий, и указывая на его военную мощь. После того как он не сумел их убедить, он стал советовать грекам добиваться господства на море, указывая при этом, что добиться этого можно, если сделать следующее. Известно ведь, говорил он, что военные силы мильтян ничтожны. Но если взять сокровища из храма в Бранхидах, которые туда посвятил Крез Лидийский, то можно будет с полным основанием рассчитывать на установление господства греков на море» (V 36).

Из этого сообщения Геродота видно прежде всего, что Гекатей был человеком, обладавшим большими познаниями в географии. Действительно, из другого места сочинения Геродота мы узнаем, что он побывал в Египте, в Фивах, где выяснял свою генеалогию у тамошних жрецов (II 143). Сообщив об этом, Геродот, возможно не без иронии, добавляет, что Гекатей выводил свое происхождение от богов в шестнадцатом колене. Побывал Гекатей и в других странах, за что его еще в древности назвали ἀνὴρ πολυπλάκης — многостранствовавший муж (Agathemer. I, 1). По-видимому, он особенно интересовался Востоком, как можно заключить из сообщения Агатархида (*De rubro mari*, p. 48). Греки в те времена охотно совершали путешествия на Восток, в частности в Египет. Там побывали Солон, Фалес, Пифагор, позднее Демокрит, Эвдокс с Книда и многие другие.

Цитированный выше рассказ Геродота позволяет нам также сделать вывод, что Гекатей был человеком передовых взглядов, не побоявшимся посягнуть на сокровища, принадлежавшие божеству. Далее Геродот сообщает, что греки все же не приняли совета Гекатея из страха перед божеством.

Написанное Гекатеем сочинение, бывшее результатом его странствий, носило название «Обозрение земли» (Περίοδος γῆς). Сочинение это состояло из двух книг (в одной описывалась Европа, в другой — Азия), и к нему была приложена географическая карта, одна из первых(7). Другое его произведение называлось «Генеалогии», и в нем описывались родословные древа людей, восходящие к богам. Интерес к генеалогическим исследованиям был тогда очень живым — до нас дошли надписи с возводимой к богам генеалогией отдельных лиц.

По собственным словам Гекатея, он описывал все, что казалось ему истинным и правдивым, так как рассказы греков слишком разнообразны и смешны, по крайней мере кажутся ему такими. Здесь мы ясно различаем элементы критического отношения Гекатея к мифам. Следствием этого были его попытки рационалистически осмыслить старинные сказания. Так, Кербер — мифическое чудовище, стерегущее Аид, — превращается у него в огромную змею, поселившуюся на мысе Тенар (т. е. там, где, по представлениям греков, находился вход в Аид). Этот же рационалистический подход заметен у Гекатея в его попытках этимологического истолкования имен, например: «Оресфей, сын Девкалиона, пришел в Этолию, чтобы захватить там царскую власть, и его собака родила

ствол, и он приказал закопать его, и из него выросла виноградная лоза со многими гроздьями. Поэтому и сына своего он назвал Фитием. А от него родился Ойней, получивший это имя от виноградной лозы, так как древние эллины называли виноградные лозы ойнами...»(8).

Отрывок, приведенный выше, является характерным образом стиля Гекатея, с его нанизывающей системой предложений — это стиль еще устного рассказа, простого и безыскусственного, что говорит о тесной связи творчества Гекатея с фольклором. «Милетские рассказы» (а Милет был родиной Гекатея) славились на протяжении всей античности. Все же Гекатей недостаточно владел литературной техникой. Он не умел, например, выделить прямую речь, как видно из следующего отрывка: «Кеик, считая это опасным, приказал Гераклидам немедленно удалиться из его страны. Ведь я не в силах вам помочь: идите к другому народу, чтобы и сами вы не погибли, и мне не было вреда...»(9).

Наиболее заметной фигурой среди младших логографов является Гелланик с острова Лесбоса, живший приблизительно в одно время с Геродотом, писавший также на ионийском диалекте, хотя его родным был эолийский. Он написал ряд исторических сочинений, в том числе хронику «Жрицы Геры Аргосской», где имя каждой жрицы связывалось с определенными событиями. Гелланик был первым, кто решил изложить историю Аттики — так называемую «Аттиду». Это было результатом возросшей роли Афинского государства в жизни

Эллады: его история стала темой, привлекавшей всеобщее внимание.

Некоторые из составленных Геллаником местных историй назывались именами героев-покровителей, эпонимов данной местности или государства. Сочинение «Девкалиония» излагало историю Фессалии и было названо по имени Девкалиона, потомком которого был Фессал, эпонимный герой Фессалии.

Другое сочинение Гелланика называлось «Троика» и рассказывало о мифах Троянского цикла. Основой повествования послужила здесь история рода Дарданидов, мифических царей Трои. Такая организация материала является вполне естественной для представителя общества, в котором родовые институты еще очень сильны.

Гелланик необычайно широко — больше, чем другие логографы, — использовал мифологический материал и писал не только в прозе, но и в стихах под влиянием скорее всего эпической поэзии.

Замечания Дионисия Галикарнасского и то, что сохранилось до нашего времени от творчества логографов, позволяют сделать следующие заключения об их творчестве:

1. Большинство первых прозаических писателей Эллады происходило из греческих городов Малой Азии или прилегающих островов, что объясняется высоким уровнем социального развития греческих полисов указанного района.
2. Сочинения их излагали историю отдельных городов или местностей Эллады, за немногими исключениями.

3. Произведения логографов содержали в себе множество отступлений от основной темы, представлявших собой экскурсы на мифологические, географические, этнографические темы.

4. Характерной особенностью творчества логографов было рационалистическое истолкование мифов и легенд, свидетельствовавшее о зачатках научной критики.

5. Источниками для их сочинений служили прежде всего эпические поэмы, затем различного рода предания, сохранявшиеся в народе, религиозные и светские книги, хроники, материалы надписей. Но особенно большую роль играло собственное наблюдение и осмысление фактов, расспросы и исследование, что вначале и выражалось термином «история».

6. Установление строго соответствующей фактам исторической истины не было главной задачей логографов, стремившихся не столько к достоверности, сколько к красочности и литературности изложения. Их сочинения были в большей мере художественными, чем научными сочинениями.

Собрания отрывков сочинений логографов, из которых лучшими являются издание Якоби (F. Jacoby. Die Fragmente der griechischen Historiker. Berlin—Leiden, 1923) и не потерявшее своего научного значения собрание Мюллера в пяти томах (C. Müller. Fragmenta historicorum graecorum. Р., 1868—1883), ценные не только тем, что они сами по себе содержат, но важны и потому, что позволяют судить о литературном

движении, наиболее ярким представителем которого явился Геродот.

ЖИЗНЬ И СТРАНСТВИЯ ГЕРОДОТА

Уже в древности труд Геродота относили к самым замечательным произведениям историографии. Аристотель в «Поэтике» (IX), устанавливая принципиальное отличие истории от поэзии, приводит в пример Геродота, считая его, очевидно, наиболее выдающимся историком. Причиной были не только его научные заслуги, но и блестящий талант рассказчика, мастера художественной прозы, сумевшего из самых разнообразных материалов — собственных наблюдений и изысканий, легенд, мифов, исторических анекдотов, устных рассказов, документальных данных, трудов своих предшественников и т. п. создать яркое и цельное по своему характеру произведение. Оно было делом всей его жизни, и в нем он рассказал о событиях величайшего мирового значения — греко-персидских войнах, предопределивших весь ход исторического процесса в Элладе. В то же время труд Геродота удивительно верно и полно отражает черты греческого национального характера той далекой поры.

Прожитая им жизнь, а особенно обширные и длительные путешествия наложили свой отпечаток на его произведение. К сожалению, биографические данные о нем являются крайне скучными: по существу мы располагаем только краткими, малосодержательными и не очень точными справками в статьях словаря *Суды Ἡρόδοτος, Ταχύασις, Ἐλλάνικος*). Некоторое представление о его путешествиях можно

получить из его труда. Время его рождения обычно устанавливается на основании цитаты из сочинения писательницы Памфилы, жившей при императоре Нероне (Aul. Gell. N. A. XV, 23). Она сообщает, что к началу Пелопоннесской войны Геродоту было 53 года. Так как эта война началась в 431 г. до н. э., мы получаем 484 г. до н. э. как дату рождения историка(10).

То, что Пелопоннесская война началась еще при жизни Геродота, видно из рассказа о вторжении спартанцев в Аттику в начале войны и опустошениях, которые они там учинили (IX 73). Так как Геродот знает о выселении жителей Эгинь в 431 г. до н. э. (VI 91), но ни словом не упоминает об их истреблении в 424 г., становится ясно, как островумно заключил Якоби, что к этому времени историка уже не было в живых(11).

Он не упоминает и о персидском царе Дарии II, правившем с 425 г. до н. э., что при живом интересе «отца истории» к Востоку, и особенно к Персии, вряд ли могло бы иметь место, если бы этот царь вступил на престол при его жизни.

Следовательно, Геродот умер между 431—425 гг. до н. э. Указанные даты его жизни подтверждаются и общими соображениями, вытекающими из содержания его труда. Описывая события греко-персидских войн, он часто ссылается на устные рассказы участников и очевидцев, людей старшего поколения.

Родина Геродота, малоазиатский город Галикарнасс, был основан греками дорического племени, но там жили и многие

представители местного племени карийцев, смешавшиеся с греками. Карийское имя носил отец Геродота Ликс и дядя его (или двоюродный брат) Паниасид. Последнего предание причисляет к выдающимся эпическим поэтам, и это дает основание предполагать, что занятие литературным творчеством было традиционным в семье историка(12). В Галикарнассе он с детского возраста наблюдал, как прибываю в гавань корабли из самых отдаленных стран Востока и Запада, и это могло заронить в его душу желание познать далекие и неведомые страны.

В молодом возрасте он принял участие в политической борьбе, выступив против Лигдамида, тирана Галикарнасса. В этой борьбе погиб его дядя Паниасид, сам же Геродот оказался вынужденным покинуть родину.

Он прибыл на остров Самос, который был одним из самых богатых и развитых ионийских государств. Мощный флот Самоса в недавнем прошлом контролировал морские пути в Западном Средиземноморье. Живя там, любознательный и общительный галикарнассец, быстро освоился с интересами тамошней жизни. В своем труде он обнаруживает прекрасную осведомленность в местной истории. Наиболее ярко это проявляется в его рассказе о гибели самосского тирана Поликрата, в связи с которой он приводит различные варианты традиции. Он знает даже, где Поликрат принимал прибывшего к нему вестника от персидского наместника Оройта, как протекала беседа (III 120)(13). К этому гостеприимному острову, приютившему его в трудную минуту жизни, он

относился с особой любовью, поэтому он назвал его «наиболее выдающимся (πρώτη) из греческих и варварских государств» (III 139).

Вскоре предприимчивый галикарнассец покинул Самос и отправился в дальнейшие путешествия. Для него началась жизнь, полная странствий: он путешествовал по суше и плыл на корабле (желая точнее узнать об египетском божестве Геракле, он отплыл в финикийский город Тир) (II 44). Когда, в каком порядке и на какие средства он совершал свои путешествия, при данном состоянии источников установить нельзя(14). Они длились, по-видимому, не менее 10 лет, если учитывать дальность его путешествия и тогдашние транспортные средства. Поскольку около 445 г. он уже читал в Афинах части своего труда и получил за это награду(15), можно допустить, что время путешествий Геродота падает на 455—445 гг.(16).

Более всего Геродота привлекал Восток, культурные достижения которого вызывали у него нескрываемое восхищение. Он объездил огромное пространство от Ливии до Вавилона, Ассирии и Акбатан (I 98; V 89 — наибольшую из крепостных стен Акбатан он сравнивает с обводной стеной в Афинах). Особенно его поразило виденное в Египте, где он пробыл три месяца, поднявшись вверх по Нилу до острова Элефантины. Отсюда он отправился в дальнейшие путешествия. Обширную информацию в Египте он собирал как от местных греков и смешанного греко-туземного населения, так и от жрецов (пользуясь, разумеется, услугами переводчиков: в Египте их

оказалось так много, что он принял их за особое сословие — II 164).

Второй район путешествий Геродота обнимает собой Малую Азию, Геллеспонт и Северное Причерноморье до милемской колонии Ольвии, расположенной в устье Днепро-Бугского лимана. Труд его обнаруживает хорошее знакомство автора с Эфесом, долиной Меандра, Сардами, Тевтранией, Илионом, Лесбосом, Геллеспонтом. Об Ольвии он рассказывает как очевидец, называя имена людей, с которыми он там беседовал.

Третьим районом путешествий Геродота были греческие государства Балканского полуострова и островов Эгейского моря. Он прекрасно ориентируется в районах Аттики и в самих Афинах (ср., например, V 77, где он как очевидец описывает посвящения на афинском акрополе), был в Фивах (V 59: «Кадмейские письмена я сам видел в храме Аполлона Именского в беотийских Фивах») и Дельфах. Ему хорошо известны посвящения Креза в Дельфы, их местоположение: среди них он называет золотую кропильницу с надписью, сделанной спартанцами, в которой они называют себя жертвователями. «На самом деле и эта чаша — дар Креза, а надпись начертал один из дельфийцев в угоду лакедемонянам: имя его я знаю, но не назову» (I 51). Как справедливо отмечает С. Я. Лурье, такую информацию мог иметь писатель, ставший в Дельфах своим человеком (17). По-видимому, Геродот объездил и Пелопоннес, побывав на Истме, где он видел захваченную греками в бою финикийскую трирему, посвященную богам (VIII 121), в Сикионе, где он посетил

святынище Адраста (V 67), в Тегее (ср. IX 70, где говорится о посвящениях в храме Афины Алеи). Он побывал и на островах — Делосе (II 170), Фасосе, Закинфе и многих других.

Не оставил он без внимания и север Балканского полуострова. Характер описаний, относящихся к Македонии и Фракии, таков, что они могли быть сделаны только очевидцем (ср. V 17). К правящей династии Македонии автор проявляет особую симпатию, всячески стараясь завуалировать персофильскую позицию царей Македонии в греко-персидских войнах. Как человек, охотно и много странствовавший, а также близкий к правящим политическим кругам в Афинах(18), Геродот принял участие в основании общеэллинской колонии Фурии. Стремясь упрочить влияние Афинского морского союза на юге Италии и одновременно сплотить всех эллинов вокруг Афин, Перикл в середине 40-х годов V в. до н. э. задумал основать на месте разрушенного кротонцами города Сибариса колонию афинян и их союзников. К участию в этом предприятии приглашались все желающие. За деятельное участие в руководстве основанием Фурий Геродот был прозван фурийцем, и это имя сохранилось за ним у ряда античных авторов(19). Вместе с Геродотом участие в основании колонии приняли философ Промагор, афинский политический деятель Ксенократ, милемский архитектор Гипподам. Вероятно, уже живя в Фуриях, историк совершил путешествия по западной части Средиземноморья и побывал в Сицилии (Сиракузах — VII 153).

В Фуриях, однако, вскоре началась борьба между проафинскими и проспартанскими элементами(20). Геродот нигде не

упоминает этой колонии, но хорошо знает местность, где она была основана. Он называет Сибарис (V 44—45; VI 21), Метапонт (IV 15), знаком с местными сюжетами Кротона (история Демокеда — III 129—138), Тарента (Арион — I 24). Мы находим у него сравнение Скифии с югом Италии (IV 99).

Обстоятельства смерти Геродота точно неизвестны. Не исключено, что из Фурий он вернулся в Афины, где и умер, как предполагает Майрс(21).

ТЕМА И КОМПОЗИЦИЯ ТРУДА ГЕРОДОТА

В античности произведение Геродота обычно цитировали как «Истории» (так оно названо в Линдосской хронике)(22).

Предполагают, что свой труд он выпустил в свет в Фуриях, но точных данных на этот счет традиция не сохранила.

Аристотель в «Риторике» (III, 9, 2) следующим образом цитирует начало труда Геродота: Ἕροδότου Θουρίου ἥδ' ιστορίης ἀπόδεξις (Геродот фуриец, представляет нижеследующее изыскание). У Аристотеля Геродот называет себя фурийцем, но за точность цитирования здесь поручиться нельзя. Во всех дошедших до нас рукописях это же начало сохранилось в следующей редакции: Ἕροδότου Ἀλικαρνασσέος ιστορίης ἀπόδεξις ἦσε (Это есть изложение исследования Геродота галикарнасса). Так как Аристотель даже переставил слова, можно допустить, что он цитировал это начало по памяти. Плутарх в своем трактате «О злонравии Геродота» (35) пишет: «Человеку, который считает себя галикарнассыем, хотя другие и называют его фурийцем...» (см. также: De exil. 13). Отсюда видно, что Плутарх был склонен

цитировать начало труда Геродота в том виде, как оно сохранилось до нашего времени. Так как Плутарх был выдающимся ученым и библиофилом (он обладал одной из лучших библиотек в Греции), следует считать, что у него был проверенный экземпляр труда Геродота, восходящий к авторскому оригиналу и редакции(23).

с.469 В этом знаменитом введении Геродот говорит о теме своего труда: «Это есть изложение исследования Геродота галикарнассца, [представленное] для того, чтобы от времени не изгладилось в памяти все, что совершено людьми, а также чтобы не заглохла слава о великих и достойных удивления действиях, совершенных частью элинами, частью варварами, что касается как всего остального, так и причины, по которой между ними возникла война»(24).

Смысл этого знаменитого введения Майрс интерпретирует следующим образом:

1. То, что совершено людьми, обладает ценностью для человечества и достойно того, чтобы спасти его от забвения.
2. Великие подвиги не являются монополией какого-либо одного народа, и это относится также к греко-персидским войнам, которые имеют здесь в виду Геродот.
3. Эти подвиги не являются случайностью, но имеют свои причины, которым должно быть дано объяснение. Настоящее обусловлено прошлым, а прошлое имеет ценность для настоящего, как опыт, могущий быть использованным в будущем(25).

Ставя перед собой задачу описать «совершенное людьми», Геродот следовал эпической поэзии, воспевавшей κλέα ἀνδρῶν — славу мужей (ср.: Ном. Од. VIII, 73)(26). Но главная цель труда Геродота, подчеркнутая в конце цитированного введения, заключалась в описании войны между эллинами и варварами, т. е. греко-персидских войн(27). Замысел этот обладал особой привлекательностью и новизной. Пришел ли он к этой идеи до того, как приступить к созданию своего труда, или же он подходил к ней постепенно, по мере накопления материала? Иными словами, какова история труда Геродота?

Якоби (которому в данном вопросе следует и С. Я. Лурье) убедительно доказывал, что труд Геродота не был составлен по заранее продуманному плану, но постепенно вырастал и оформлялся по мере накопления материала(28). Основанием для такого предположения служит то обстоятельство, что сам Геродот придавал значение самостоятельных произведений тем частям своего труда, которые обладают тематическим единством. Он постоянно ссылается на отдельные логосы — египетский, скифский и т. п., которые, как предполагают некоторые исследователи, были написаны им до создания своего универсального труда(29). Среди них мы встречаем две ссылки на ассирийский логос (I 106,184), которого труд Геродота не содержит. Возможно, что Геродот закончил его, но не включил в окончательную редакцию своего труда, так как он выпадал из общей схемы: Ассирия не успела стать объектом персидских завоеваний, будучи задолго до образования персидской державы разгромлена войсками мидян (а Геродот поочередно описывает

те страны, которые захватили Ахемениды начиная с основателя династии Кира до похода Ксеркса на Элладу). Иногда Геродот отсылает читателя к определенным частям своего труда, основываясь на своем авторском делении (V 36: «Как было показано мною в первом логосе»; ср. также I 175; II 38; VI 39), но выяснить, каким оно было, не представляется возможным(30). По-видимому, Геродот готовил части своего труда таким образом, что они обладали известной самостоятельностью. Но поручиться за то, что он с самого начала работы имел уже готовый план всего произведения, как оно сохранилось до нашего времени, нельзя.

Сейчас уже трудно себе представить, как технически осуществлялась работа «отца истории» над своим произведением. Вряд ли все, что мы находим в его труде, было написано автором по памяти. Скорее всего, бывая в разных странах и городах, Геродот составлял для себя краткие заметки. Позднее они подвергались литературной обработке, и так возникали логосы. Первоначально собранный материал дополнялся на основании других источников (литературных, документальных, устных рассказов и т. п.). В составе египетского логоса мы можем выделить сюжеты, развернутые до размера новеллы (как, например, рассказ о сокровищнице Рамисинита — II 121) и оставшиеся краткими заметками (как рассказ о царице Нитокрисе — II 100). Али назвал его «кратким рефератом»(31). Овett предполагал, что Геродот взял с собой в Фурии эти записки и только там стал писать свой труд(32). Однако это предположение противоречит

античной традиции, согласно которой он в 445 г. до н. э. уже читал в Афинах часть своего труда.

Композиционно все произведение Геродота делится на две части(33). Первая, заканчивающаяся главой 27 пятой книги, излагает историю Лидии в связи с походами Кира, подробно рассказывает о Египте, ставшем объектом завоевательного похода сына Кира Камбиса, повествует о внутренней истории Персии в связи с воцарением Дария; далее описывается поход Дария против скифов (и поэтому детально рассказывается о Скифии). К этой же части труда примыкают ливийский (персы собирались завоевать Ливию) и фракийский логосы. Вся первая часть представляет собой как бы разросшееся введение, в котором преобладают этнографические и географические экскурсы. Разделы ее в значительной мере самостоятельны: мы ясно выделяем здесь лидийский, египетский, скифский, киренский, ливийский и фракийский логосы.

Вторая часть, которую следует считать главной, посвящена истории греко-персидских войн. Она распадается на три раздела. Первый излагает события ионийского восстания (V 28 – VI 32), второй рассказывает о походе Дария, «мстившего» материковым грекам за помощь, оказанную восставшим ионийцам («афиняне и эретрийцы оказали им помощь кораблями, и эти корабли положили начало бедам, выпавшим на долю эллинам и варварам» – VI 97), третий содержит историю похода Ксеркса. Описанием сражения при Сесме труд Геродота заканчивается, вернее, обрывается. Является ли это результатом несовершенства литературной техники или же

Геродот просто не успел его закончить — решить этот вопрос со всей определенностью нельзя, но есть основания предполагать, что Геродот собирался продолжать свой труд. В VII 213 он обещает рассказать о смерти предателя Эфиальта в «последующих логосах», но сделать этого, по-видимому, не успел.

Таким образом, в композиции труда Геродота сочетается традиционный περίοδος γῆς с носящим новаторский характер замыслом — описанием греко-персидских войн. Возможно, что к этому замыслу он пришел во время своего пребывания в Афинах.

В эту схему, саму по себе довольно сложную и разветвленную, включены многочисленные отступления и экскурсы, которые Геродот сам называет «дополнениями» (προσθήκαι) и говорит о них, как о характерном признаке своего труда с самого его начала (IV 30). Благодаря этим отступлениям его труд содержит колоссальное богатство материала. Перед читателем открывается обширный мир древних цивилизаций Востока и Запада, в который автор проникает с наивным и жадным любопытством ионийского грека, пытающегося осмысливать со своей эллинской точки зрения все то, что он видит и слышит. Удивительные происшествия, случаи из жизни великих людей и правителей (или даже обыкновенных смертных), странные с точки зрения грека обычай варварских народов, колоссальные сооружения, поразительные явления природы, невиданные животные и растения — обо всем

старается автор рассказывать, не упуская из виду главную сюжетную линию, образующую обрамление.

СТИЛИСТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ «ИСТОРИИ» ГЕРОДОТА

С художественной точки зрения стиль Геродота принято называть новеллистическим. Принять форму новеллы мог исторический факт, предание, легенда, сказка и даже басня. К характерным чертам новеллы у Геродота относятся ее историческое обрамление, сжатость формы, отточенная, меткая и часто афористическая речь, логическая и художественная полнозначность деталей. Мы сталкиваемся здесь с рельефно очерченными характерами, перед нами выступают иногда типические фигуры в типических обстоятельствах (например, придворные, предостерегающие своих властителей, — Санданис у Креза — I 71, Артабан у Ксеркса — VII 8, Артабаз у Мардония — IX 41). С народными устными рассказами Геродота связывает помимо синтаксических особенностей языка и пристрастие к вещим с нам, чудесным предзнаменованиям, излюбленным числам. Кроме устного народного творчества, влияние которого на Геродота было очень сильным, он испытал на себе и влияние ионийской литературной традиции, в частности того жанра, который в древности назывался «милетскими рассказами»(34).

Сюжетной законченностью и высокими художественными достоинствами обладают новеллы о сокровищнице Рамисинита (II 121), о Солоне и Крезе (I 29), о жене перса Интаферна (III 118), о Периандре и его сыне Ликофроне (III 50), о Поликрате

(III 125), о Кипселе и Периандре с.473 (V 92), о происхождении спартанского царя Демарата (VI 61), проникнутая тонким юмором новелла о сватовстве к Агаристе (VI 126), новелла о Ксерксе, его брате Масисте и Артаинте (IX 108), которую С. Я. Лурье (ук. соч., стр. 203) назвал «жутким романом».

Одним из наиболее ярких образцов новеллистического искусства Геродота может служить новелла о лидийском царе Кандавле, его жене и хитром оруженосце Гигесе (I 7—13). Она особенно интересна тем, что мы можем указать на ее источник — народную лидийскую легенду-сказку, объяснявшую происхождение сказочных богатств лидийского царя Гигеса(35). В варианте, близком, по-видимому, к фольклорному, она приведена в «Государстве» Платона (II, 359 D). Там рассказывается, как пастух Гигес приобрел волшебное кольцо, которое делало его невидимым. Сумев обольстить жену лидийского царя, он вместе с ней убил последнего и захватил власть в государстве.

Геродот отбросил сказочный элемент, и действие его новеллы носит реалистический характер. Лидийский царь Кандавл решил похвальтись красотой своей жены, показав ее обнаженной своему телохранителю Гигесу, и оскорбленная женщина заставила Гигеса убить ее супруга и жениться на ней. Сжатость формы не помешала вылепить яркие и полнокровные образы: перед нами как живые высступают глупый и хвастливый царь Кандавл, его хитрый оруженосец, пылкая, решительная и гордая жена Кандавла — настоящая лидийская Клитемнестра.

Не менее замечателен тонкий юмор, разлитый по всей новелле, проникнутой поистине антической солью: он придает ей особую привлекательность. Растерявшийся вначале, но затем быстро оценивший обстановку Гигес забавен, еще более смешон Кандавл, с настойчивостью глупца добивавшийся осуществления своего замысла, приведшего его к столь печальному концу. Юмор подчеркнут авторскими ремарками («суждено, видно, было Кандавлу попасть в беду»), трижды повторяется своеобразная альтернатива, предложенная женой Кандавла Гигесу («или, убив Кандавла, получить и меня и лидийское царство, или самому сейчас же умереть»).

Заметно ироническое отношение грека к некоторым Восточным обычаям(36). Стыд, который вызывало у варваров обнаженное тело, мог показаться греку, проводившему большую часть дня обнаженным на палестре, нелепым и смешным предрассудком.

Вся новелла носит ясный отпечаток драматизации. Мы находим в ней пролог, действие, развязку(37). Историческое обрамление ее напоминает логографов: исследуется генеалогия лидийских царей, возводимая к Гераклу. Характерна и интонация новеллы, рассчитанная на устное произношение, нанизывающее построение фраз, свойственное народным сказкам («...воцарился Кандавл, сын Мирса... Этот вот Кандавл был страстно влюблен в свою жену... любя ее, он считал...»).

Черты народной сказки в еще большей степени свойственны новелле о сокровищнице Рамисинита. Для оживления рассказа «Геродот чередует веселые сцены с мрачными, жестокими

происшествиями — например, ужасное вынужденное братоубийство со сценой спаивания сторожей» (38). Он стремится рассказать об удивительном (39), поражающем воображение, и с наивным простодушием готов удивляться всему: и победам олимпиоников (VI 36, 103; VIII 47), и победам полководцев (IX 64), открытию искусства дифирамба наравне с пайкой металлов (I 23, 25).

Манера исторического повествования Геродота неотделима от его новеллистического стиля. Античная историография до самого конца своего существования чаще всего ставила перед собой иные задачи, чем современная: ее больше занимала художественная сторона, чем достоверность сообщаемых фактов и научность их интерпретации. Лишь в редких случаях она поднимается до истинного понимания причин событий, научного анализа или широких обобщений. Труд Геродота не составляет исключения из этого правила. Исторические деятели, выведенные в нем, выступают перед нами произносящими речи, спорящими, советующимися с богами. Характерным примером такой драматизации может служить рассказ о подготовке похода Ксеркса. Он открывается сценой совещания при царе, на котором выступают самые знаменные персы (VII 8). Мы встречаем среди них сторонников похода (Мардоний) и его противников (Артабан). Речи царя и лиц, выступающих в совете, построены с большим искусством, содержат обильную аргументацию и украшены сравнениями, делающими доводы выступающих особенно убедительными. Ксеркс гневно отчитывает Артабана, не советующего

выступать в поход. Однако ночью Ксерксу снится вещий сон, побуждающий его не отменять похода. Сон этот повторяется. Тогда Ксеркс призывает Артабана и приказывает ему надеть его, Ксеркса, плащ, усесться на трон и затем улечься спать на царское ложе — не приснится ли и ему такой же сон. Артабан вынужден исполнить царский приказ, ему снится все том же губительный сон (οὐλός ὄνειρος Гомера — Илиада II, 6). Под влиянием этого сна Артабан меняет свое мнение. Наконец, Ксерксу снится еще один вещий сон, который маги толкуют в том смысле, что Ксеркс поработит весь мир. Так богиня безумия Ама заставляет Ксеркса совершить тот дерзостный поступок (поход на Элладу), за который он будет наказан богами.

Необходимо, однако, отметить, что изложение истории похода Ксеркса, сохраняя черты новеллистического стиля, стоит уже ближе к научно-повествовательному рассказу в том его виде, как он представлен в античной историографии.

ГЕРОДОТ — ИСТОРИК СОВРЕМЕННОСТИ

Поход Ксеркса стоит в центре всего повествования Геродота. Пытливый ум «отца истории» поднимается здесь до проникновенных обобщений, и перед нами чаще выступает уже не художник, а ученый, трезвым и острым умом исследующий факты и устанавливющий их значение, оригинально и глубоко мыслящий. Критическое суждение автора достигает, может быть, наибольшей остроты при оценке роли Афин в победном исходе сражений 480/479 г. до н. э.: «Здесь я оказываюсь вынужденным высказать мнение, которое вызовет недовольство

большинства людей. Тем не менее я не хочу его скрывать, ибо оно представляется мне соответствующим истине. Если бы афиняне из страха перед надвигающейся опасностью покинули свою родину или даже если бы они ее не покинули, а остались бы и добровольно подчинились Ксерксу, никто не осмелился бы выступить на море против персидского царя. А если бы никто не противостоял Ксерксу на море, то и на сушу произошло бы то же самое. Пусть пелопоннесцы воздвигли бы несколько крепостных стен в качестве линий обороны на Истме, союзники все равно оставили бы лакедемонян, сделав это не по своей доброй воле, а в силу необходимости, так как их города захватывали бы поодиночке эскадры врага...» (VII 139) (40).

Если первые четыре книги и начало пятой (до гл. 27) можно назвать повествованием о прошлом Эллады и цивилизаций Востока, связанных с ней, то последующая часть «Истории» может быть определена как история современности. Она посвящена событиям, память о которых была свежа в умах старших современников Геродота, — истории греко-персидских войн.

Чем ближе к современности, тем более уверенным чувствовал себя автор (история греко-персидских войн является наиболее достоверной частью его труда). Но и здесь у него много различных вещих предзнаменований, сбывающихся оракулов, чудесных событий и совпадений. Дает себя знать и отсутствие надлежащей точности в цифровых данных — чего стоит, например, его сообщение о пяти миллионах воинов в армии Ксеркса! Современные ученые уменьшают эту цифру в

50 раз. Справедливость, однако, требует отметить, что он стремился к точному описанию сражений и посетил поля сражений при Марафоне, Платеях и др. Новейшие историко-топографические исследования поля Марафонского сражения подтверждают рассказ Геродота. В. К. Притчетт в своей монографии «Марафон» показывает, что данные Геродота о том, что расстояние между враждующими армиями перед началом атаки афинских голливотов равнялось 8 стадиям (VI 112), соответствуют истине(41). Это тем более важно, что Геродот описывал сражение через несколько десятков лет после того, как оно произошло, и источники, которыми он пользовался, были далеко не совершенными. Картина морской битвы при Саламине, нарисованная им, подтверждается другими источниками — например, трагедией Эсхила «Персы»(42).

Освободительная война, которую греки вели против огромной персидской державы, описана им без всякого намека на то, чтобы как-то очернить врага или намеренно исказить факты в угоду предвзятой концепции (то же можно сказать о «Персах» Эсхила). Заметна превосходная ориентированность автора не только в событиях внутренней истории Элады, но и в персидских делах (сказывалось его происхождение из Галикарнаса, входившего в состав персидской державы).

Правители Галикарнаса стояли в особо близких отношениях к персидскому двору: это видно из рассказа о той роли, которую играла Артемисия, правительница Галикарнаса, при дворе Ксеркса.

В основу изложения истории конфликта положена наивная концепция, согласно которой отношения между враждующими сторонами определялись древним первобытным принципом «око за око, зуб за зуб». Эти счеты начались еще в мифические времена, причем агрессором тогда оказались не варвары, а греки (I 4); но далее (I 6) агрессором выступает лидийский царь Крез, первым начавший «несправедливые дела» против эллинов. Взаимная вражда обострилась во время восстания ионийских греков. Им оказали помощь Эретрия и Афины, приславшие 25 кораблей. Так как поход Мардония потерпел неудачу, «Дарий назначил для войны с Эретрией и Афинами других полководцев» (V 94). Отсюда видно, что Геродот искренне считал, будто Дарий собирался вести войну именно с этими двумя греческими государствами. Историк мог мотивировать это тем, что персы вначале высадились в Эретрии (VI 98) и уже после того, как они овладели этим городом, они направились в Аммику (VI 102).

Защищая свою свободу и независимость, греки совершили величайшие подвиги. Но Геродот далек от того, чтобы исказить историческую истину и умолчать о тех греческих государствах, которые изъявили готовность подчиниться персам (став, таким образом, уже в глазах греков того времени предателями общегосударственного дела). Порицая действия одних и отдавая должное мужеству и героизму других, Геродот строго дифференцированно обрисовывает позицию различных полисов Эллады в ходе войны. Свет и тени в своем огромном историческом полотне он распределил под сильным

влиянием политической ситуации, сложившейся к тому времени, когда он писал свой труд. Это было время назревания Пелопоннесской войны, когда политические противоречия между двумя сильнейшими политическими объединениями Эллады — Афинским и Пелопоннесским союзами — достигли крайнего обострения и перешли в открытые военные действия. Можно с уверенностью утверждать, что «отец истории» был сторонником Афин и выражал в своем труде главным образом афинскую точку зрения на все то, что происходило тогда в Элладе.

Причина заключалась в том, что Афины стали второй родиной Геродота. Историк не только подолгу жил в этом городе, но входил в кружок наиболее выдающихся деятелей культуры и науки, который группировался вокруг Перикла. Туда входили художник Фидий, поэт Софокл, философ Анаксагор. Возможно, что именно эти обстоятельства сыграли решающую роль в выборе им темы своего сочинения. Афины были ведущей политической силой Эллады во время греко-персидских войн, организатором борьбы против персов (Геродот прямо называет афинян спасителями Эллады — VII 139).

Партия Перикла всячески подчеркивала эти заслуги Афин. Это отразилось в памятниках эпохи. Весь архитектурный ансамбль акрополя был задуман как величественный памятник борьбы и победы Афин и всех греков над огромной персидской державой. Ансамбль представлял собой чудо архитектуры и должен был привлекать в Афины греков со всех частей тогдашнего цивилизованного мира, оказывая на них определенное

идеологическое воздействие. Труд Геродота, посвященный этой же теме, должен был особенно импонировать вождям демократических Афин и прежде всего Периклу, мечтавшему об объединении Эллады вокруг Афин и поэтому оказывавшему всяческое содействие тому, что способствовало прославлению Афин и их подвига в греко-персидских войнах. Геродот в своем труде восхваляет род Перикла, называя его деда Клисфена человеком, который учредил афинские филы и установил демократию (VI 131). В этом же месте он описывает, как матери Перикла Агаристе (названной так по имени) знаменитой Агаристы, дочери сикионского тирана Клисфена) приснился сон, будто она родила льва. Через несколько дней она родила сына Перикла. Можно выразить сомнение, действительно ли приснился подобный сон Агаристе (С. Я. Лурье квалифицировал это сообщение как попытку канонизировать Перикла в духе древнего популярного в Афинах предсказания)(43), но нельзя отказать Геродоту в том, что он нашел эффективную форму для прославления вождя афинской демократии.

В свете этих обстоятельств станет ясным, почему те государства, которые к началу Пелопоннесской войны занимали враждебную Афинам позицию, изображены в отрицательном свете, если они в ходе греко-персидских войн выступали с персофильских позиций или хотя бы стремились сохранить нейтралитет.

Главными врагами Афин к началу Пелопоннесской войны были Фивы, Спарта, Коринф. Геродот сообщает, что именно

фиванцы дали послам персидского царя «землю и воду», т. е. признали себя подданными Персии, и всячески подчеркивает их персофильство (ср. IX 28, 40, 41, 86—88). Рассказывая о том, что фиванцы оказались ревностными сторонниками персов и даже воевали на их стороне, он старается их унизить, изобличая в трусости: «Каждый раз они шли вперед до схватки, но потом их место заступали персы и мидяне, которые преимущественно перед всеми совершали чудеса храбрости» (IX 40). Но нельзя не отметить (и это характерно для «отца истории», стремившегося к объективной истине), что чувство справедливости не позволило ему умолчать о 400 фиванцах, защищавших от персов Фермопилы в отряде спартанского царя Леонида (VII 202). Леонид призывал их принять участие в войне с целью испытать фиванцев, и, по словам Геродота, фиванцы послали ему людей, хотя были настроены иначе (VII 205). Возможно, что информацию Геродот получил из кругов, враждебных фиванцам. Одним из информаторов, имя которого он называет, был житель беотийского города Орхомена Терсандр, «один из первых граждан» (IX 16). В этом месте историк рассказывает о пиришестве, которое фиванец Аиттагин, связанный с персами, устроил в честь Мардония и знатнейших персов. Рассказавший об этом пиришестве Терсандр старался подчеркнуть, будто персы предчувствовали свое поражение.

Главной силой в Пелопоннесском союзе, столкнувшемся с Афинским морским союзом во время Пелопоннесской войны, была не столько Спарта, сколько Коринф, обладавший большим

экономическим потенциалом и соперничавший с Афинами в их торговой экспансии на Запад. Коринфяне были заклятыми врагами Афин, и Геродот усердно передает все слухи, порочившие поведение коринфян в греко-персидских войнах. По единодушному мнению греков, самым замечательным героем Саламинского сражения был коринфский адмирал Адимант, но Геродот рисует его трусом и изменником, пытавшимся бежать с поля боя. Совершенно ясно, что Геродот получал здесь информацию из враждебного Коринфу источника.

Напротив, Аргос, который также занимал откровенно персофильскую позицию в греко-персидских войнах, историк пытается всячески обелить. Аргос был главным союзником Афин в Пелопоннессе, его соединяли с Афинами традиционные узы дружбы. Для того чтобы не брать полностью на себя ответственность, Геродот старательно передает все то, чем аргосцы впоследствии пытались оправдать свое поведение. Прежде всего они ссылались на дельфийский оракул, запретивший им принимать участие в войне против персов (VII 148). Если учитывать персофильскую позицию дельфийского жречества, в этом нет ничего невероятного. Кроме того, сами персидские послы, прибывшие в Аргос, объявили аргосцам, что персидские цари состоят в теснейших родственных связях с ними, ибо их предок Персей был аргосским героем (VII 50). Этот аргумент был скорее всего выдуман позднее самими аргосцами. Надуманный характер его был ясен самому автору, тут же поспешившему заявить, что «есть и другой распространенный в Элладе рассказ, что именно они

(аргосцы, — В. Б.) пригласили царя пойти на Элладу, после того как война их с лакедемонянами оказалась несчастной, ибо они готовы были все предпочтеть своему тогдашнему несчастному положению» (VII 52). Но даже и в этих словах мы можем уловить оттенок сочувствия аргосцам(44).

Та часть «Истории», в которой излагаются события, близкие к современности, может дать нам представление и о политических взглядах автора. Он не был демократом в том смысле, как понимали этот термин в Афинах времени Пелопоннессской войны сторонники партии Клеона, но считал более приемлемой для себя демократию, чем тиранию, как показывает, например, влагаемое в уста Гистиея заявление, что каждый город в Малой Азии предпочтет господству тирана власть демократии (IV 137). Многое при этом определяла близость Геродота к партии Перикла. Последний происходил из рода Алкмеонидов, и Геродот делает все для того, чтобы представить членов этого рода в самом выгодном свете. По-видимому, в Афинах ходили слухи о связях этого рода с персами, и Геродот передает легенду, будто Алкмеониды подали персам сигнал щитом, когда те после Марафонской битвы направились к Афинам (VI 115). Но далее Геродот называет эти слухи клеветой (VI 123) на том основании, что Алкмеониды ненавидели тиранов и были освободителями Афин в гораздо большей степени, чем Гармодий и Аристогитон(45). Заявление это исходило из кругов, близких к Периклу. Ход рассуждения Геродота здесь ясен: в персидском войске находился тиран Гиппий, изгнанный из Афин, и персы намеревались

поставить его у власти в Афинах, как видно из речи Мильтиада («если они будут покорены персами, то часть их решена — они будут отданы во власть Гиппию» — VI 109).

Приписывая Алкмеонидам освобождение Афин от тирании, Геродот доказывает, что это и было причиной усиления Афин, послужив решающим условием их победы над врагом: «Будучи порабощены тиранами, они были нерадивы, как бы работая на господина. Напротив, по достижении ими свободы каждый из них стал усердно трудиться ради собственного благополучия» (V 78). Итак, политическая свобода является фактором общественного прогресса — эту мысль мы впервые встречаем у Геродота.

Проблема наилучшего образа правления поставлена автором в сцене знаменитого спора трех знатных персов — Дария, Отана и Мегабиза (III 80—82). В этом споре Дарий защищает, естественно, принципы монархии, Мегабиз — олигархии, Отан — демократии. Нет сомнения, что спор этот измышлен от начала до конца — подобные софистические споры можно представить себе только в Афинах(46).

Поражение Отана в этом споре говорит о многом. Если Геродот прославляет Клисфена как основателя афинской демократии (VI 131), то имеет в виду лишь выдвинуть роль Клисфена как выдающегося государственного деятеля. Вместе с тем из всей «Истории» совершенно ясно, что Геродот политическую свободу считал благом для общества.

Спартанский царь Демарат, перебежавший к Ксерксу, в беседе с ним настойчиво проводит ту мысль, что спартанцы никогда

не примут предложений, ведущих к порабощению Эллады (VII 102). Точно так же два других спартанца, Булис и Сперхий, заявили персидскому полководцу Гидарну, что он не имеет представления о значении свободы, иначе он советовал бы спартанцам сражаться за нее не только копьями, но и топорами (VII 135).

В итоге мы могли бы сказать, что политические идеалы Геродота немногим отличались от взглядов на этот вопрос, свойственных обеспеченному гражданству Эллады того времени: они близки к умеренной демократии, и многое здесь определялось его связями с соответствующими политическими кругами Афин.

ИСТОЧНИКИ «ИСТОРИИ» И ПРОБЛЕМА ЕЕ ДОСТОВЕРНОСТИ

Со времени выхода в свет труда Якоби, посвященного Геродоту, можно считать окончательно оставленной эту точку зрения, согласно которой главный труд по сбору материалов и созданию универсальной истории был сделан еще до того, как «отец истории» приступил к написанию своего труда. Информация, почерпнутая им из письменных источников, имела второстепенное значение, особенно в тех разделах, где излагается история греко-персидских войн, как справедливо отмечает Якоби(47). Но нельзя отрицать и того, что автор использовал труд Гекатея (на него он ссылается четыре раза: II 153; V 36, 125; VI 137). Он был знаком и с многочисленными литературными произведениями своего времени(48).

Помимо памятников литературы, в том числе и произведений логографов (но, кроме Гекатея, мы не можем с уверенностью говорить о других, хотя их использование не исключается), Геродот обращался и к другим источникам, в том числе документальным — надписям на посвящениях и стелах (V 59), храмовым хроникам, сборникам оракулов (особенно к так называемым «Гипомнемата» дельфийского оракула, где содержались изречения божества, сопровождавшиеся указаниями, по какому поводу они были даны)(49) и многим другим. Особенno важны ссылки самого автора на источники, которыми он пользовался, и они заслуживают детального рассмотрения.

Поясняя, какие источники он положил в основу своего египетского логоса, автор сообщает: «Нынешними рассказами египтян пусть пользуются те, кому они кажутся правдоподобными: у меня же на протяжении всего моего рассказа предполагается, что я записываю со слуха то, что рассказывают все» (II 123).

А. И. Доватур раскрывает смысл этого заявления следующим образом: «1) Автор добросовестно записывает все то, что ему рассказывают; 2) Внесение рассказа в историю вовсе не означает признания за ним исторической достоверности; 3) эти правила соблюдаются на протяжении всего труда Геродота»(50).

Сообщения о древних царях Египта сопровождаются у Геродота ссылками на египетских жрецов и переводчиков. Но, передавая их рассказы, он проявляет здравый критицизм, отвергая такие

детали, как помещение царской дочери в публичный дом (II 121) или рассказ о происхождении Рамисинита в подземное царство.

Многое из сообщаемого Геродотом об истории и организации персидской державы содержит подробности, которые заставляют предполагать, что информация поступала к автору от влиятельной персидской знати. Он обнаруживает достаточно хорошую осведомленность в персидском образе жизни, военной тактике и стратегии, провинциальной администрации, истории возведения Дария, в интригах при дворе Дария и Ксеркса. Вместе с тем он не знал персидского языка, о чем свидетельствуют его фантастические объяснения персидских собственных имен (VI 98). Исследователи обычно выделяют следующие источники информации Геродота о персидских делах(51). Прежде всего это могли быть знатные персы, связанные с греческим миром. Одним из них, по-видимому, был Зопир, сын персидского полководца Мегабиза, сражавшегося против афинского экспедиционного корпуса в Египте в 456—454 гг. до н. э. В 40-х годах V в. до н. э. Зопир перебежал в Афины (III 160), и Геродот мог встречаться с ним до того, как покинуть Афины и отправиться в Фурии(52). Другим таким информатором был, как предполагают, потомок Артабаза, поставленного персидским царем во главе сатрапии Фригии в районе Геллеспонта. Во всяком случае автор прекрасно осведен о действиях этого персидского полководца (VIII 126; IX 41, 49). Возможно также, что информаторами Геродота о персидских делах были эллины, настурбализовавшиеся в Персии (потомки Фемистокла или

Мемиоха, сына Мильтиада, попавшего в плен к персам и с почетом принятого Дарием — VI 11). Наконец, Геродот мог использовать документальные данные — официальные документы канцелярии Ахеменидов, переводившиеся на греческий язык и распространявшиеся в греческих городах Малой Азии. М. А. Дандамаев показал, что «хотя Геродот нигде не упоминает Бехистунской надписи и, по-видимому, даже не знал ее, но некоторые места его изложения являются буквальными переводами соответствующих выражений этой надписи»(53).

Геродот цитирует письмо Дария Гистиету (V 24), начинающееся словами: «Гистией, царь Дарий говорит тебе...» Выражение «говорит царь Дарий» встречается в Бехистунской надписи 72 раза.

Многие сообщения Геродота о персидских делах (например, данные о воцарении Дария, сына Гистаспа, о семимесячном правлении Бардии — III 67) подтверждаются персидскими источниками(54). Опубликованная в 1932 г. так называемая «гаремная надпись» Ксеркса из Персеполя оказалась полностью соответствующей по содержанию рассказу Геродота о борьбе между сыновьями Дария за престол (VII 2—3)(55).

Таким образом, в основе изложенной Геродотом истории Персии и походов персидских царей на Элладу лежат как персидские, так и греческие (как мы увидим ниже) устные рассказы и другие источники. Гипотезы некоторых исследователей, согласно которым рассказ Геродота о походе Ксеркса перелагает мемуары Дикея (упомянутого в VIII 65), ни на чем не основаны(56), так же как и предположения, будто автор

широко использовал поэму Херила Самосского «Персика»(57). Сопоставление ссылок автора на устные и письменные источники наглядно показывает подавляющий перевес первых над вторыми. Во всяком случае об одном можно говорить с уверенностью: при изложении истории похода Ксеркса автор использовал лучшие из доступных тогда источников информации(58).

Одним из наиболее важных замечаний автора о его работе с источниками является следующее место из египетского логоса: «До сих пор мое повествование опиралось на личные наблюдения и умозаключения, а также на результаты расспросов: далее я стану излагать рассказы египтян так, как я их слышал, добавляя кое-что и из собственных наблюдений» (II 99).

Указанный здесь метод сбора и использования информации характерен для всего труда Геродота. Отсюда можно заключить, что главными источниками для его труда было: 1) то, что он наблюдал собственными глазами (öψις); 2) то, о чем он узнавал со слов других (ἀκοῇ); 3) то, что становилось ему известным в результате собственного исследования и умозаключений (ἱστορίῃ и γνώμῃ).

Исследование может быть не только его собственным — весь труд целиком является собственным исследованием автора, как об этом сказано во Введении (I 1), — но может принадлежать и другим (II 118—119). Изредка автор называет имена информаторов. Это Архий (III 55), Тимн (IV 76), Ферсандр (IX 16), жрицы оракула в Додоне — Промения, Тимарета, Никандра (II 55). Он ссылается иногда на имена

информаторов — Дикея (VIII 65), Эпизела (VI 117). Но очень часто автор ограничивается ссылкой на анонимные источники типа «говорят коринфяне», «говорят афиняне», «рассказ этом передают аркадяне», и т. п. В основе таких указаний могут лежать: а) устная информация жителей города или местности, где побывал автор; б) информация, полученная из вторых рук, но со ссылкой на первоисточник; в) нельзя считать исключенной возможность какого-то письменного источника, происходящего из указанного города. В каком случае мы должны отдать предпочтение одной из этих возможностей, будет зависеть от конкретных обстоятельств, и решение вопроса в значительной мере может оказаться субъективным. Но, учитывая сильнейшее влияние устного рассказа на весь стиль произведения Геродота, его любовь к острому словцу, наконец, несовершенство литературной техники того времени, есть основания в большинстве случаев полагать, что термин «говорят» употреблен автором в прямом смысле этого слова(59).

Методы исторической критики источника еще очень несовершенны и иногда наивны, хотя в основном они выше, чем у его предшественников и современников (если исключить Фукидиду, в произведении которого эти методы подняты на недосягаемую в масштабах того времени высоту). Мы сталкиваемся у Геродота с сопоставлением противоречивых источников, выбором наиболее правдоподобной версии, иногда отказом от суждения о том, насколько то или иное сообщение

соответствует истине («Действительно ли это так, я не знаю, но передаю то, что говорят» — IV 195).

В своих описаниях он отличает то, что увидел сам, от того, о чем узнавал по слухам: «До города Элефантины я все видел своими глазами, а о том, что находится за ним, знаю уже только по слухам и расспросам» (II 29). В том, что описано им по личным впечатлениям, ошибок очень мало.

Но его неутомимая любознательность приводит к тому, что из-за чрезмерного обилия материала читатель не сразу способен отделить главное от второстепенного или даже чисто случайного.

В качестве примера выбора наиболее достоверной версии можно привести рассказ автора об обстоятельствах смерти Кира (I 214). Здесь указано, что автору известен ряд версий о кончине этого царя, но он приводит ту, которая кажется ему наиболее достоверной. То же мы видим в I 95, где историк, рассказав о возвышении Кира, добавляет, что он знает еще три другие версии этого сюжета. Иногда автор поясняет, почему он не может выбрать тот или иной вариант информации (как, например, в рассказе о битве при Ладе): «С того момента как флоты сблизились и вошли в бой, я не могу в точности описать, кто из ионийцев в этом сражении оказался храбрецом, а кто трусом. Они ведь взаимно обвиняют друг друга» (VI 14).

Все же критика источников, как уже отмечалось, находилась тогда в начальном состоянии (60), и только этим можно объяснить появление в труде Геродота описаний, подобных

тому, какое мы находим в III 102. Здесь сообщается, что в пустынях Индии водятся муравьи величиной с собаку, роющие себе норы под землей и выносящие оттуда золотой песок. За песком прибывают индийцы, каждый с тремя верблюдами, нагружают песок в мешки и сразу убегают, чтобы муравьи их не растерзали. Но справедливость требует отметить, что у «отца истории» было здравое чувство естественного недоверия к баснословному и он категорически отвергает рассказы о людях с козьими ногами или об одноглазых арийцах (IV 25, 27; III 116), о превращении людей в волков у племени невров (IV 105), о происхождении скифов от Зевса и дочери Борисфена (IV 5) и т. п.

Степень достоверности труда Геродота целиком зависит от источников его информации(61). Рассказы о Древнем Египте в египетском логосе иногда просто фантастичны, но вина здесь лежит на информаторах — местных переводчиках и гидах, людях малосведущих и не заботящихся о достоверности того, что они рассказывали, стремясь поразить воображение любопытного чужестранца. Зато для Сапской эпохи, близкой по времени к Геродоту, труд его является первостепенной важности источником, без которого наше знание этой эпохи в истории Египта было бы намного беднее.

Описание Скифии, содержащееся в четвертой книге (так называемый скифский логос), является нашим основным источником для древнейшей истории народов, обитавших в бассейне Северного Причерноморья. Как замечает Сартон, один из новейших авторов истории наук в древности, оно так же

Важно, как «Германия» Тацита для истории древних германцев(62). Картина расселения скифских племен, их обычаи и общественный строй, одежда и способы передвижения — все, рассказанное Геродотом, в основном подтверждается археологическими исследованиями указанного района, содержимым скифских курганов, памятниками изобразительного искусства. Геродот описывает обряд подхватиства у скифов, при котором братавшиеся подмешивали в чашу с вином свою кровь и выпивали, вместе касаясь краев чаши губами. Эта сцена изображена на скифских золотых бляшках, найденных при раскопках(63).

Главным источником информации о Скифии для автора были его личные наблюдения, сделанные им при посещении Ольвии, а также рассказы местных жителей — как скифов, так и греков. Но чем дальше от Ольвии, тем сведения, им сообщаемые, становятся менее определенными(64).

Последние археологические раскопки в Ольвии показали, что описание города, сделанное «отцом истории», в основных чертах соответствует действительности(65).

Наибольшей достоверностью отличаются три последние книги произведения Геродота, где речь идет о походе Ксеркса, и это единогласно отмечается всеми исследователями(66). Сведения, сообщаемые автором о движениях войск, их составе (за исключением вопроса о численности их), очень часто обоснованы, и неопытность автора в вопросах военного искусства обычно преувеличивается. «Если Геродот говорит, что армия движется из пункта А в пункт Б, эти сведения

заслуживают доверия, но он легко может ошибиться, объясняя причину этого перемещения»(67).

Совершенно естественным следует признать то обстоятельство, что рассказы, почерпнутые «отцом истории» из сокровищницы фольклора греков или народов тех стран, которые он посещал, обладают малой степенью достоверности. Ф. Мищенко цитирует Масперо, любившего говорить, что «памятники некогда поведают нам о делах Хеопса, Рамсеса, Тутмоса, от Геродота же мы узнаем то, что говорили о них на улицах главного города»(68).

Упрекать автора за искажение исторических фактов в тех частях его труда, которые основаны на народных легендах и произведениях фольклора, — это все равно что укорять сказителей былин о Добрыне Никитиче или Алеше Поповиче за неточную информацию об истории Киевской Руси.

Историк сознавал, что не все в его труде безупречно как с точки зрения соотвествия действительности, так и с точки зрения здравого смысла, и это заставило его сделать заявление, свидетельствующее о величайшей авторской добросовестности: «Я обязан передавать все то, что мне рассказывают, но верить всему не обязан, и это пусть относится ко всему моему труду» (VII 152).

МИРОВОЗЗРЕНИЕ ГЕРОДОТА

Несмотря на значительный прогресс, который знаменовал собой труд «отца истории» в развитии науки, многое в его восприятии мира, отношении к настоящему и прошлому

(действительному или минимому) сближало его с логографами. Эта близость проявляется в наивном рационализме, с позиций которого он стремится объяснять греческие мифы. Нимфа Ио, героиня греческих мифов, оказывается соблазненной не Зевсом, а капитаном финикийского корабля. Задеременев, она сама от стыда сбежала из Аргоса на финикийском корабле (I 5). Страна Европа не могла быть названа так по мифической тирской царевне, ибо эта царевна была финикиянкой и никогда не жила в Европе («вначале она прибыла из Финикии на Крит, а с Крита переправилась в Ликию...» — IV 45). Как и логографам, ему свойственны этимологические объяснения. В начале новеллы о Кандавле и Гигесе объясняется происхождение народа лидийцев: он происходит от Лида. Подобные мифические генеалогии были общепринятыми, и греки таким же образом объясняли себе возникновение греческих и иноземных племенных названий. Они были убеждены, что ионийцы ведут свое начало от Иона, дорийцы — от Дора, а персы — от героя греческих мифов Персея.

Наивный рационализм автора особенно заметен в его истолковании легенды об основании додонского оракула, которую он услышал от тамошних жриц, (II 54—58). Они сообщили ему, что некогда из египетских Фив вылетели две черные голубки, из которых одна направилась в Ливию и основала там оракул Зевса Аммонского, другая же прилетела в Додону и, сев на дуб, повелела местным жителям основать тут оракул Зевса. Историк прежде всего задается вопросом, как могли голубки говорить человеческим голосом, и отвечает

следующим образом (II 57): «...это были, конечно, не голубки, а женщины, но, так как они прибыли из Египта и говорили на непонятном языке, показалось, будто они говорят по-птичьи. Что же касается черного цвета голубок, то это следует объяснять смуглым цветом кожи египетских женщин».

Подобные рационалистические толкования могли приходить в голову ему самому, но он мог их найти и в труде Гекатея: во всяком случае он относится к ним с полным доверием.

Доверчивость вообще свойственна Геродоту, несмотря на замечаемые у него элементы критицизма, духа ионийского скепсиса, породившего некогда философию Ксенофана(69). Она проявляется особенно заметно в его отношении к греческим и иноземным культурам. Хотя зрелость историка совпадает со временем начала движения софистов, посеявших семена недоверия к ставленным религиозным представлениям (в Афинах, где подолгу жил Геродот, софисты пользовались особой популярностью), сам он сохранил ортодоксальные взгляды, усвоенные им еще в юности. Когда в своих исследованиях он намекивает на объяснение событий путем вмешательства посторонних сил, он безоговорочно принимает эти объяснения — идет ли речь о самопроизвольном исчезновении священного оружия, чудесной силой вынесенного за порог храма (VIII 37), или о грозных предзнаменованиях богов, обративших варваров в бегство (VIII 37): узнав об этом бегстве, дельфийцы спустились с гор и перебили немалое их число. Совершенно очевидно дельфийское происхождение этой легенды. Жрецы Дельф занимали персофильскую позицию во время греко-

персидских войн, но, чтобы оправдаться перед потомством, они сочиняли подобные басни.

Якоби заметил, что Геродот никогда не прилагает усилий к тому, чтобы отыскать подлинные причины событий, если у него есть теологическое их обоснование(70). Он отлично знает причины, побудившие Ксеркса начать свой поход против греков: стремление к мировому господству, роль военной партии при дворе Ксеркса, усилия афинского тирана Гиппия, надеявшегося при помощи персов вернуть себе власть в Афинах, но предпочитает остановиться на той, которая представляется ему главной, рассказав о видении, явившемся во сне Ксерксу (VII 12–14). Во всем этом он был истинным сыном своей эпохи.

Как и подавляющее большинство его современников, Геродот — добродоязенный человек(71). Боги для него существуют реально и постоянно вторгаются в жизнь людей, определяя их судьбу. Все в мире подвержено тлению, лишь одни боги неизменны и вечны. Выше всех стоит рок — Мойра (Пифия, жрица оракула Аполлона Дельфийского, говорит пришедшем к ней лидийцам: «Судьбы не могут избежать даже боги» — I 91). При помощи оракулов и предзнаменований, видений, являющихся людям во сне, и устами прорицателей боги открывают свою волю людям, то, что готовит им Мойра (I 209; VI 27). За преступлением обязательно должно следовать возмездие, пусть даже через многие поколения (за преступление Гигеса расплачиваются его далекий потомок Крез). Божество зависимо и вспыльчиво, любит смуту (I 32). Попытка человека превысить отведенную ему меру счастья вызывает

зависимость божества и как следствие кару: чрезмерное счастье чревато бедой, и это испытал на себе тиран Самоса Поликрат. Перс Артабан говорит Ксерксу (VII 10): «Ты видишь, что бог поражает молнией выдающиеся величиной и силой живые существа, стараясь их уничтожить, малых же он не замечает. Ты видишь, как он поражает своими молниями всегда самые высокие сооружения и деревья: любит ведь бог все выдающееся смирять». Непрекаемость слепого рока, наказывающего всех, кто захватывает себе большие счастья, чем ему отведено, является основным законом истории, и вся его книга представляет собой ряд иллюстраций этого общего положения(72).

Боги эллинов — те же, что боги всех других народов. «Все люди имеют одинаковые представления об именах богов», — заявляет он, убедившись в этом после беседы с жрецами Мемфиса, Фив и Гелиополя (II 3). Имена олимпийских богов эллины заимствовали от египтян. Только Посейдон и Диоскуры, а также Гера, Гестия, Фемида, Хариты и Нереиды являются эллинскими богами (II 50). Даже Геракл — и том египетского происхождения, но миф, который рассказывают о нем эллины (будто египтяне пытались принести его в жертву, а он порвал пучты и перебил их всех), — нелеп по существу. «Можно ли допустить, чтобы Геракл один, к тому же будучи человеком, перебил, как говорят великое множество народа? Впрочем, да простят нам боги и герои за то, что мы столько наговорили о них» (II 45). Для Геродота достаточно малейшего сходства, чтобы установить тождество египетского и эллинского

бога(73). Ко всем тайнам культа богов он относится с необыкновенным интересом и всячески дает понять, что знает многое, но благоговейно умалчивает обо всем этом, за исключением таких деталей, о которых не грешно говорить (II 171). Но многое в его воззрениях на религию отличало его от Гомера, и, отыскивая причины некоторых событий во вмешательстве богов, он склонен иногда допустить, что оно могло и не иметь места (как в описании бури у Сепиады — VII 191). Эти элементы скепсиса были следствием влияния эпохи и среды, скорее всего афинской.

Происхождение современных ему людей и исторических деятелей он без колебаний возводит к мифическим героям и даже богам, отдавая таким образом дань стаинным аристократическим представлениям, согласно которым басилевсы называли себяδιογενεῖς (зевсорожденными). «Теряющиеся в баснословной древности начатки истории эллинов и страны их излагаются в том же тоне, что и ближайшие по времени события»(74).

Движущей силой исторического процесса у Геродота является человек: отношения между людьми, их страсти и пороки, привязанности или вражда. От человеческих отношений, характеров, достоинств и недостатков зависит наступление тех или иных событий. В отличие от Фукидида Геродот не мыслит политическими понятиями, и его изложение течет в русле категорий справедливости и несправедливости, преступления и возмездия за него, мужества и трусости, бескорыстия и корыстолюбия, зависти и великодушия.

Человеческие пороки выступают в самых разнообразных проявлениях и оттенках.

Часто единственным объяснением великих исторических событий выступают у него обида или месть за нее.

Многочисленные примеры собраны А. И. Доватуром: Киаксар и мидяне наказывают скифов за их бесчинства в Азии (I 106); массагетская царица мстит Киру за своего сына (I 214); египетский врач, высланный в Персию Амасисом, содействует походу Камбиса на Египет (III 1); скифский поход Дария предпринят этим царем с целью отомстить скифам за вторжение в Мидию (IV 1)(75).

Важнейшей религиозно-философской идеей автора в его осмыслиении мира, человеческого общества и места, которое в нем занимает человек, является идея о превратности судьбы. Никто не может быть уверен в своем счастье, как бы высоко он ни вознесся. Художественное воплощение эта идея получила в новелле о Солоне и Крезе (I 30—32).

Как человеческие достоинства, так и недостатки не являются привилегией какого-нибудь одного народа, но свойственны всем людям. «Полагаю... что если бы все люди собрались и принесли с собой все пороки, чтобы обменяться ими со своими соседями, то каждый, увидя пороки соседей, испугался бы и поскорее унес с собой назад то бремя пороков, с которым пришел сам» (VII 152). Слова эти сказаны в том месте, где автор всячески пытается оправдать аргосцев за содействие, которое они оказывали персам.

Мир, каким его видел Геродот, был миром обычных людей, его современников, эллинов и варваров. Аристократы и простолюдины, жрецы Дельф и жрицы Додоны, ремесленники и торговцы, ветераны греко-персидских войн и переводчики на Востоке, греки и варвары, самые разнообразные категории людей сталкивались с ним на родине и на чужбине во время его продолжительных путешествий, делились с ним воспоминаниями и впечатлениями, всем, что они знали и что он хотел от них услышать, чтобы записать и запомнить. И сам он был похож на них, любознательный и общительный — истинный сын своей эпохи и своего народа.

ГЕРОДОТ — ОТЕЦ ГЕОГРАФИИ И ЭТНОГРАФИИ

Исследователи труда Геродота очень рано отметили характерную особенность его путешествий. Пути, по которым он странствовал, пролегали в подавляющем большинстве случаев по уже освоенным греками землям. Это был почти весь тогдашний цивилизованный мир, ойкумена. Дороги в нем были хорошо изучены, потому что этого требовали настоящие нужды мореплавания и торговли. Географические знания этой эпохи нашли впервые в античной литературе более или менее систематизированное изложение в труде Геродота.

«Отцу истории» принадлежал, по-видимому, и ряд открытых в этой науке. Поднявшись вверх по Нилу, он впервые познакомил греков с городом Мероэ (II 29). Так же впервые им было очерчено расположение Каспийского моря — он открыл, что оно было замкнутым бассейном (I 202—203). Эта точка зрения

утвердилась только во II в. н. э. у географа Клавдия Птолемея (жившие после Геродота Эратосфен и Страбон считали Каспийское море заливом Северного океана).

Тем не менее его географические представления о некоторых районах были еще очень приблизительными. Скифию он представлял себе в виде четырехугольника, западную сторону которого образует Истру (Дунай), восточную — Меотида (Азовское море), северную — земли пограничных со скифами народов. Южная сторона Скифии тянется вдоль Понта. Каждая сторона этого четырехугольника имеет в длину 4000 стадий: таким образом, общая площадь Скифии равняется 300 000 км². Суровость климата Скифии Геродот, вероятно, преувеличил, но его сообщение о том, что Меотида и Боспор Киммерийский (Керченский пролив) зимой замерзают (IV 28), соответствует действительности.

Географические описания в книге «отца истории» занимают столь большое место, что Якоби предположил, будто Геродот начинал свою деятельность как географ и этнограф. Такое суждение является результатом критического отношения к его труду с позиций современной исторической науки, но характерно, что Сартон, автор двухтомной истории науки в древности, поместил очерк о Геродоте в том раздел своей книги, где прослеживается развитие географических знаний (76). Вклад Геродота в географию действительно велик, хотя, может быть, если бы сочинение Гекатея дошло до нашего времени, он не показался бы уж таким обширным.

Но вместе с тем исследование геродотовской географии убеждает нас в том, что в своих основных чертах она совпадает со взглядами на этот предмет, которые были общепринятыми в его времена. В четвертой книге «Истории» Геродот, критически отзававшись об авторах «Обозрений земли», утверждавших, будто земля имеет форму круга, омываемого со всех сторон океаном, считает необходимым изложить свои взгляды на карту мира. Строит ее он следующим образом. Четыре народа — колхидаe, саспирсы, мидяне и персы — живут от Северного моря до Эритрейского (под которым Геродот понимает Индийский океан со всеми его заливами). От этого «меридиана» высступают к западу два «мыса». Первый из них с северной стороны начинается от Фасиса (Рион) и достигает, протянувшись вдоль Понта и Геллеспонта, троянского Сигея. С южной стороны этот мыс тянется от Мириандрийского залива (между Сирией и Киликией) до Триопского мыса. Это та самая территория, которая теперь называется Малой Азией (IV 38).

Другой «мыс» простирается вдоль Эритрейского моря. На нем расположены Персия, Ассирия и Аравия. Кончается этот мыс у Аравийского залива, там, где Дарий проложил канал от Нила к этому заливу. Таково очень приблизительное описание Аравийского полуострова и прилегающей к нему территории, которую Геродот вместе с описанной выше Малой Азией называет Азией (IV 40).

Вторая часть света, Ливия, помещается на втором из мысов, следя непосредственно за Египтом (IV 41).

Вместе с Европой эти три части света составляют единый континент. Так утверждали ионийцы, но Геродот уверен, что они не правы, так как к этим трем частям света надо добавить еще четвертую, а именно дельту Нила (II 16): «...она не относится ни к Азии, ни к Аравии, а расположена в промежутке между Азией и Ливией» (II 16).

Азия заселена до Индии, и территория дальше к Востоку представляет собой пустыню, никому не известную.

Что касается величины этих частей света, то Геродот протестует против утверждения авторов «Обозрений земли», будто Азия одинакова по величине с Европой (IV 36). В действительности Европа равняется по длине Азии и Ливии, вместе взятым, а по ширине ее даже нельзя сравнивать с Азией и Ливией (IV 42).

Относительно Европы никто достоверно не знает, омывается ли она водой на Востоке и на Севере (IV 45). Сообщив такую деталь, Геродот добавляет, что придерживается по этому поводу общепринятых мнений.

Тот наивный рационализм, с позиций которого «отец истории» толковал освещенные древностью мифологические сюжеты, проявляется и в тех местах его труда, где он пытается объяснить загадочные явления природы или уточнить географическое описание мира и отдельных стран. В II 28 он передает рассказ хранителя сокровищ, богини Нейт (он называет ее Афиной) о Верховьях Нила. Этот жрец заявил, будто истоки Нила находятся между двумя горами — Крофи и

Мофи. Царь Псамметих пытался измерить глубину этих истоков, но опущенная в них веревка длиной в несколько тысяч саженей не достигла дна. Рассказ этот показался явно нелепым здравомыслящему греку, и он объяснил этот факт следующим образом. По-видимому, в верховьях Нила существуют мощные водовороты, и бурное течение отнесло веревку таким образом, что она не достала дна.

Ливия омывается водой со всех сторон, и первый доказал это фараон Нехо, отправивший финикийцев с приказанием плыть из Эритрейского моря на юг и, обогнув Геракловы Столпы (Гибралтарский пролив), вернуться в Египет. Два года плыли финикийцы и только на третий вернулись в Египет через Геракловы Столпы. Сообщив об этом, Геродот добавляет: «Рассказывали также, чему я не очень верю (другой кто-нибудь, возможно, этому и поверит), что во время этого плавания вокруг Ливии финикийцы видели солнце с правой стороны». По этому поводу Ф. Мищенко замечает: «Добросовестность Геродота как наблюдателя и записывателя доказывается более всего такими случаями, когда он заносит в свой труд показания, которые подтверждаются впоследствии географическими, историческими и этнографическими изысканиями. Геродот не верит тому, будто финикияне во время плавания вокруг Африки имели солнце с правой стороны, так как наш автор не имел еще никакого понятия об эклиптике и экваторе»(77).

Одной из самых, может быть, серьезных ошибок Геродота было высказанное предположение, будто Нил течет в том же

направлении, что и Истр (Дунай): Дунай пересекает Европу с запада на восток, Нил течет параллельно Истру (II 33: «Я предполагаю, что Нил имеет такое же течение, как и Истр»). Но ошибка эта не покажется нам такой большой, если мы вспомним, что эта точка зрения продержалась в Европе до конца XVIII в.(78).

Все части света и страны мира, о которых повествует Геродот, привлекали его не сами по себе, а лишь постольку, поскольку их населяли народы, вызывавшие особый интерес автора. Он уделяет величайшее внимание описанию варварских народов, их быта и обычаяв, существующих у них форм брака и семьи, жилищ, и одежды, религии и даже языку, хотя о последнем он очень редко сообщает полезные сведения: лингвистом он не был. Этнографические описания Геродота занимают значительное место в его труде, и в них содержится сравнительно мало неточностей, потому что они являются результатом его личных наблюдений — а смотрел он достаточно внимательно и зорко.

Лучшим образцом этнографического очерка у Геродота является описание Скифии. Оно начинается с обзора географических условий, затем он рассказывает о богах, называя их имена по-скифски, обычаях, жертвоприношениях и гаданиях, военном деле, врачевании, наказании преступников, погребальных обрядах. Как уже указывалось выше, многие из сообщений Геродота подтверждаются археологическими исследованиями(79).

Некоторые из этнографических описаний автору не принадлежат. Таковы сведения о пигмеях в Ливии, полученные даже не из вторых, а из третьих рук. О пигмеях рассказали насамоны аммонскому царю Этеарху, том поведал это киренцам, а от киренцев уже услышал этот рассказ Геродот (II 32).

Жизнь народов, с которыми Геродот знакомился во время своего путешествия, поражала его прежде всего тем, чем она отличалась от жизни эллинов. Она казалась удивительной, а рассказ об удивительном (θωμαστά — 11) был одной из основных целей его труда, как видно из цитированного введения. Автор сам говорит об этом в описании египетских обычаем: «Как небо над египтянами отличается от неба других стран и река их имеет иную природу, чем все прочие реки, так подобно этому многие нравы и обычаи их противоположны нравам и обычаям остальных людей. Женщины у них ходят на рынок и торгуют, а мужчины сидят дома и ткут. У всех остальных людей толкают уток вверх, а у египтян вниз. Мужчины у них носят тяжести на головах, женщины на плечах. Женщины мочатся стоя, мужчины сидя. Испражняются египтяне дома, а едят на улице, говоря, что все непристойное, хотя и необходимое, следует делать скрытно, а пристойное публично. Ни одна женщина не выполняет жреческих обязанностей ни при мужском, ни при женском божестве, и жреческие должности исполняют только мужчины как при богах, так и при богинях. Сыновья вовсе не обязаны, если они того не хотят, содержать

родителей, дочери же, наоборот, обязаны это делать непременно, хотя бы они того и не желали» (II 35).

В некоторых своих описаниях Геродот обратил внимание на такие особенности жизни народов, которыми европейская наука заинтересовалась только в середине XIX в. Он описал жизнь озерных жителей, обитавших в жилищах, построенных на сваях, на основании впечатлений от пребывания в Македонии (V 16). Первые труды о свайных постройках появились в европейской науке только во второй половине XIX в.

Этнография Геродота заслуживает внимательного исследования, но даже беглое знакомство с его трудом позволяет без преувеличения заявить, что «отец истории» является для нас практически первым этнографом Европы (80).

ТРУД ГЕРОДОТА В СВЕТЕ ИСТОРИЧЕСКОЙ КРИТИКИ

Необыкновенное разнообразие сведений, относящихся к самым различным областям жизни человеческого общества, художественность изложения, обилие рассказов (*Cic. De leg. I, 1*), фантастические детали, почерпнутые автором из фольклора самых различных народов древности, — все это очень рано навлекло на Геродота обвинение в искажении истины. Особенно ожесточенным противником «отца истории» был Ктесий, бывший при персидском дворе с 415 по 398 г. врачом. В своей «Персидской истории» он изо всех сил старался изобличить Геродота в лживости. Интересно при этом отметить, что труд самого Ктесия, по словам Плутарха (*Artax. I*), содержал

множество ошибок и преднамеренных извращений фактов. О геродотовском описании Египта, как переполненном выдумками и баснями, критически отзывался Диодор (I, 69), отменок недоброжелательности заметен и у Страбона (XI, 6, 3). Но самые резкие выпады против Геродота, обвинения в том, что он был несправедливым и низким человеком, стремившимся увидеть в людях только подлое и злое, что он умышленно умалчивал о благородном и прекрасном в угоду предвзятой точке зрения, мы находим в специально написанном для этой цели трактате Плутарха «О злонравии Геродота»(81). Надо иметь в виду, что он был написан, когда Греция была малозначительной провинцией Ахеей в составе огромной Римской империи. Тяжело переживавшие униженное положение, в которое вверг Элладу могущественный Рим, представители греческих образованных кругов с особой гордостью хранили память о героическом прошлом своей родины. Одной из самых ярких странниц истории этого прошлого были греко-персидские Войны. Но сочинение Геродота менее всего соответствовало устремлениям греческих патриотов, так как в нем откровенно рассказывалось о случаях предательства общенационального греческого дела со стороны ряда греческих государств, о разногласиях в лагере греков. Плутарх обвинил Геродота в недоброжелательности по отношению к беотийцам, полагая при этом, что он выполняет свой долг, становясь «на защиту своих предков и истины» (Плутарх был беотийцем). Сам Плутарх в своих произведениях стремился нарисовать картину тесного единства греков, героически

отстаивавших свободу и независимость своей родины от нашествия варваров.

В эпоху Возрождения латинский перевод труда Геродота, выполненный знаменитым гуманистом Лоренцо Валла (Венеция, 1479), и издание греческого текста не менее знаменитым Альдом Мануцием привлекли интерес читателей нового времени к «отцу истории». Крупнейший французский филолог Этьен (Стефанус) опубликовал в 1566 г. в Женеве свою «Апологию Геродота», но критическое и часто враждебное отношение к первому историку Европы довольно часто давало себя знать вплоть до конца XIX в.

Открытия в области древней истории, сделанные в начале и первой половине XIX в., заставили европейских ученых взглянуть на сочинения Геродота под новым углом зрения. В результате дешифровки египетских иероглифов и вавилонской клинописи исследователям стали доступны первоисточники по истории Древнего Востока, и это позволило выделить историю Древнего Востока в самостоятельную научную дисциплину. Прогресс знаний в этой области вызвал двойственную реакцию в отношении к Геродоту. С одной стороны, обнаружилось, что все рассказанное Геродотом по личным впечатлениям в достаточной мере достоверно и, чем ближе описанные им события к современной ему эпохе, тем его изложение точнее. Как уже давно показали египтологи, сочинение Геродота для Египта Саисской эпохи является единственным источником, позволяющим представить связную историю страны, в основном подтвержденную туземными источниками(82). То же

можно отметить и для истории Персии. Геродот был знаком с официальной документацией канцелярии персидских царей — во всяком случае с теми документами, которые распространялись в греческом переводе.

С другой стороны, многие исследователи, стремившиеся проникнуть в дух и смысл этого удивительного произведения, обратили внимание на большое количество неточностей и ошибок в труде Геродота: древнейшая история Египта в изложении Геродота содержит очень мало достоверного, хотя и здесь нельзя отрицать ценности сведений, сообщаемых им, например, о строительстве пирамид. От Геродота требовали того, что он заведомо дать не мог в силу объективных причин. Источники, которыми он пользовался (в основном устные рассказы часто случайных людей; если он и общался с египетскими жрецами, то только самого низкого ранга, менее всего информированными), были крайне несовершенными. При тогдашнем уровне источниковедения и критики универсальная энциклопедического характера история, созданная Геродотом, могла только впитывать наряду с действительными фактами множество фольклорных сюжетов. Кроме того, сочинение его представляло определенный уже сложившийся жанр, более всего доступный и понятный тому кругу читателей, на который оно было рассчитано с самого начала. Подходя к Геродоту с позиций современной европейской науки, придирчивые критики превращали его то в старательного, но мало разборчивого комилятора, то просто в недобросовестного автора,

намеренно вводящего в заблуждение читателя рассказами о своих мнимых путешествиях(83).

В конце XIX в. в европейской науке наступил перелом в отношении к Геродоту и достоверности его сочинения. Наиболее характерным примером может служить работа Овемта(84). В своем труде Овемт отдал должное энергии, проницательности и доброй воле Геродота, восстановив доверие к его произведению. Майрс подчеркивает, что после придиличной и часто несправедливой критики XIX в. геродотовское описание Египта получило высокую оценку специалистов(85).

Сравнительно-литературоведческие исследования в начале XX в. способствовали оценке Геродота как писателя-новеллиста типа Боккаччо, мастера художественного рассказа. Идею эту усиленно развивал Говальд(86). Она была подвергнута резкой критике Поленцом, подчеркнувшим в своем исследовании, что Геродот прежде всего историк греко-персидских войн(87).

Анализ текста и источников «Истории», проделанный Якоби в его фундаментальном исследовании, подвел итог критическому отношению к «отцу истории». Якоби дал критическую оценку всем теориям, выдвинутым в науке для объяснения происхождения и значения труда Геродота.

Серьезным нападкам подвергался Геродот в качестве военного историка, но его неопытность в военном деле была весьма преувеличена критиками(88). Разумеется, он не может ни в коей мере сравниться с Фукидидом, который был военным по

профессии, но нельзя утверждать, что он не знал совершенно ни тактики, ни стратегии. Работы Гранди, Кромайера и других исследователей, сумевших учесть чисто технические трудности, стоявшие перед Геродотом как военным историком, а также несовершенство источников, которыми он пользовался, восстановили к нему доверие и в этом отношении(89). Особенno важен труд Хигнетта, защищившего Геродота от ряда обвинений в недобросовестности.

Итоги критики труда Геродота на Западе подводит Майрс: «Два поколения тому назад ученые утверждали, исходя из упущений и ошибок Геродота, что в основе его информации лежат сплетни и слухи, а также сочинения других путешественников. Его обычное умолчание об источниках, откуда он черпал информацию, объяснялось как умышленный плагиат. Было сделано заключение на основании все тех же ошибок, что он не посетил тех мест, которые он описывает, и не видел тех объектов, о которых он упоминает. Это было, может быть, неизбежной стадией критического изучения, не зависевшей от позиции отдельных ученых. За этим последовало более тщательное изучение самого текста сочинения Геродота, обстоятельств его возникновения, личности автора; как ее можно представить на основании его труда. Итогом было полное восстановление доброго имени Геродота как правдивого и добросовестного автора и исследователя, признание тех трудностей, которые перед ним стояли. Был принят методически верный принцип различия материалов источников Геродота в зависимости от их качества — дурных

и хороших, предвзятых и непредвзятых, исследована манера использования их автором с целью выяснения особенностей исследовательского метода Геродота. Информация, им представляемая, рассматривается теперь в качестве такой, какую мыслящий и наблюдательный человек его эпохи и воспитания мог по зрелом размышлении на основании собственных наблюдений и по полученным от других сведениям счесть правдивой. Организация всего этого материала, изложение и интерпретация событий большого значения была его собственной»(90).

Выше уже указывалось, что отношение русской исторической критики к труду Геродота было всегда благожелательным. Наиболее ярким примером этому могут служить статьи Ф. Г. Мищенко, помещенные в качестве приложений к его переводу труда Геродота на русский язык. Статья «Геродот и его место в древнеэллинской образованности» является монографическим исследованием, не потерявшим своего научного значения до настоящего времени. Она отличается четкими и строго взвешенными суждениями, свободна от мало обоснованных гипотез, которые, к сожалению, довольно часто встречаются в посвященных Геродоту статьях и книгах(91). Как указывает С. Я. Лурье, в работе Ф. Г. Мищенко мы находим «единственный в мировой литературе связный очерк религиозно-нравственных воззрений Геродота»(92). Эти же высокие качества в полной мере свойственны и второй неоднократно цитированной здесь статье того же автора «Не в меру строгий суд над Геродотом»; см. также статью

«К Вопросу об источниках и добросовестности Геродота»
(ЖМНП, 1888, июль).

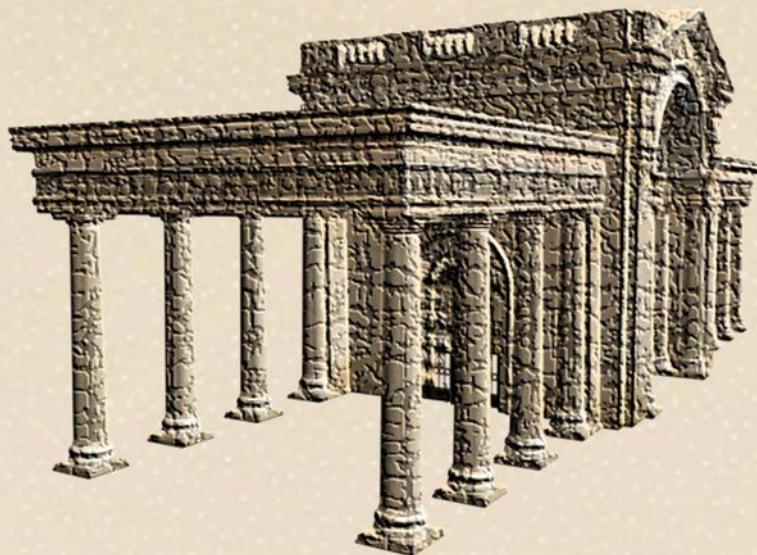
Эти традиции были продолжены в книге С. Я. Лурье «Геродот», ставившей своей целью «представить воззрения человека, которому мы обязаны наиболее достоверным рассказом о греко-персидских войнах и одновременно — первой книгой по истории» (стр. 5). Заслугой С. Я. Лурье является оригинальная и остroумная трактовка мировоззрения Геродота, вскрывающая истинные причины той тенденции его труда, которую более поздние греческие историки и писатели (например, Плутарх) воспринимали как предательство общегреческого дела и нескрываемое сочувствие к варварам (μηδιγός). Хорошо документированной работой является книга А. И. Доватура «Повествовательный и научный стиль Геродота», посвященная проблеме истоков научного стиля прозы Геродота и взаимоотношению между ним и фольклорным стилем в истории Геродота.

Значение Геродота в истории мировой культуры огромно. Он приблизился к подлинному историзму в восприятии событий и фактов, представив человеческую историю как развертывающийся во времени и пространстве процесс, в ходе которого меняются судьбы людей и государств(93).

Ему мы обязаны тем, что события огромного мирового значения, какими были греко-персидские войны, остались навсегда для человечества поучительным примером героизма народа, сражающегося за свою свободу и независимость.

В нем не было и тени расового высокомерия или нетерпимости, что дало повод Плутарху назвать его «филоварваром» в упоминавшемся выше трактате «О злонравии Геродота»(94).

Не было в нем и стремления подчеркнуть свое превосходство над своими предшественниками и современниками, труды которых он критикует в очень сдержанной и безыскусственной манере, искренне смеясь над тем, что казалось ему нелепым (IV 36), или тонко иронизируя по поводу того, что представлялось ему претенциозным или смешным. Читая его труд, мы следим за первыми шагами еще во многом наивной и несовершенной науки. Перед нами свидетельство ее детства, обладающее, однако, неповторимой прелестью, неувядашей свежестью и привлекательностью благодаря всепокоряющему искусству Геродота — пытливого исследователя-историка и увлекательного рассказчика-новеллиста.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Термин «история» (*ἱστορία*) был ионийским по происхождению и означал «исследование». Лишь позднее он приобрел значение «исторического исследования», «повествования».
2. Языком ранней греческой прозы становится ионийский диалект в его литературной стилизованной форме. На нем писали и те, для которых он не был родным, как например Гелланик с Лесбоса. Галикарнасс же, родина Геродота, хотя и был дорийской колонией, к V в. до н. э. испытал сильное ионийское влияние: до нас дошли надписи из Галикарнасса на ионийском диалекте.
3. См.: E. Hoffmann. *Qua ratione ἔπος μῦθος αἶνος λόγος et vocabula ab eisdem stirpibus derivata in antiquo graecorum sermone adhibita sunt*. Göttingen, 1922.

4. Термин «логографы» был введен в широкий научный обиход в середине XIX в. (L.Creuzer. *Die historische Kunst der Griechen in ihrer Entstehung und Fortbildung*. Leipzig, 1845) и удержался, несмотря на то что были высказаны веские соображения, заставившие такого крупного исследователя, как Якоби, отказаться от него (см.: RE, s. v. Logographen).

5. Эти цитаты носят случайный характер и далеко не всегда могут служить основанием для суждения о плане всего сочинения, источниках, стиле и т. п. Представим себе, что от прелестной новеллы Геродота о Кандавле и Гигесе (I 8), о которой речь пойдет ниже, сохранилось только ее введение, где дана сухая и сжатая справка о лидийских царях до Кандавла. Каким монотонным и скучным автором предстал бы для нас Геродот, если бы из всего его сочинения сохранилось только это место!

6. См.: RE, s. v. Logographen.

7. Об одной такой карте сообщает Геродот (V 49). Она была вырезана на медной доске, и на ней было «изображение всей земли, море все и реки все...»

8. F 328 В Jacoby (F. Jacoby. *Die Fragmente der griechischen Historiker*. Berlin, 1923).

9. F 30 Jacoby. В отрывке идет речь о судьбе потомков Геракла — Гераклидах, прибывших к Кеику, чтобы спастись от преследований Еврисфея.

10. Свидетельство Памфилы не вполне надежно, так как оно опирается, по-видимому, на хронологические комбинации

александрийских грамматиков, приурочивших самый значительный факт биографии историка — участие в заселении общегреческой колонии Фурии (444 г. до н. э.) — к его «акмэ», т. е. сорокалетнему возрасту. См.: F. Jacoby. Herodotus. RE, Suppl. H. II. S. 229; W. Howa, J. Wells. A commentary on Herodotus, vol. I. Oxford, 1957. См. также: Ф. Мищенко. Геродот и его место в древнегреческой образованности, стр. LXIII (Геродот. История. М., 1888); С. Я. Лурье. Геродот. М.—Л., 1947, стр. 10.

11. F. Jacoby. Herodotus. S. 232: «Здесь в ряде экскурсов он оправдывает поведение афинян по отношению к Эгине, объясняя изгнание эгинян в 431 г. как следствие продолжающегося гнева богов. Если бы ему была известна их судьба, которую афиняне готовили им в 424 г. (Thuc. IV, 57), он непременно упомянул бы об этом».

12. Эпическая поэзия оказала сильнейшее влияние на труд Геродота: не случайно анонимный критик (Псевдо-Лонгин) называет его «самым гомерическим» писателем (De sublim. 12).

13. Ср. также IV 43, 88, 152; все эти места говорят о прекрасном знании Самоса. Баррон (J. P. Barron. The sixth-century Tyranny at Samos. Classical Quarterly. LVIII. 1964, p. 212) показывает в своей статье, что в основном Геродот опирался на устную местную традицию.

14. Хотя Майрс (J. Myres. Herodotus, Father of History. Oxford, 1953, p. 5) допускает возможность того, что Геродот был

торговцем, он вынужден признать, что в его труде нет и намека на профессию автора.

15. По поводу традиции о чтении Геродотом своего труда в Афинах см.: С. Я. Лурье, ук. соч., стр. 18 слл.

16. Геродот был в Египте после битвы при Панремисе (ок. 462—459 гг.), что видно из его описания поля битвы и черепов, там обнаруженных. Но он не мог приехать туда во время восстания 463—456 гг., ибо из его описания ясно вытекает, что весь Египет находился в это время под властью персов. К 445 г. относит это путешествие Браун (T. S. Brown. Herodotus speculates about Egypt. Amer. Journ. Philol. Vol. LXXXVI, 1, 1965, p. 61).

17. С. Я. Лурье, ук. соч., стр. 14.

18. Штрасбургер (H. Strasburger. Herodot und das perikleische Athen. Historia. IV, 1955, SS. 1—25) пытался доказывать, будто Геродот выехал в Фурии не потому, что был близок к партии Перикла, а для осуществления своих панэллинских идеалов, но идея эта не встретила поддержки. См.: F. Harvey. The political sympathies of Herodotus. Historia, XV, 1966, p. 254 sqq.

19. Именно это имеет в виду Страбон (XIV, 2, 16), когда говорит о том, что Геродота прозвали фурийцем, а вовсе не рукописную традицию, как ошибочно полагает Якоби (Herodotos, S. 205).

20. Мейер (E. Meyer. Forschungen zur alten Geschichte. Herodots Geschichtswerk, II, Halle, 1899, SS. 197, 222) предполагал, что

Геродот покинул Фурии после того, как там победила партия, враждебная Афинам. См. так же: C. Hignett. *Xerxes' Invasion of Greece*. Oxford, 1963, p. 26.

21. J. Myres, op. cit., p. 16. Хигнетт (ук. соч., стр. 26) считает более вероятным, что Геродот умер в Фуриях.

22. Хроника Афины Линдосской представляет собой эпиграфический памятник 99 г. до н. э., открытый датчанами в г. Линде на Родосе. Она была впервые издана Блинкенбергом (Ch. Blinkenberg. *La chronique du temple Lindien. Oversigt over det kgl. danske videnskabernes selskabs forhandlinger*, 1912, № 5—6, p. 318 sqq.).

23. Хотя Страбон (XVI, 2, 16), Павсаний (IV, 7, 4) и составитель Линдосской хроники называют Геродота фурийцем, отсюда еще никак не следует, что так именовал себя сам Геродот. Вряд ли можно предполагать, что Геродот нашел для себя в Фуриях, где вскоре после основания началась ожесточенная борьба и влияние Афин упало, свою вторую родину. Может быть, его отношение к этой колонии проявилось в том, что он нигде о ней не упомянул, хотя, как мы видели выше, обнаруживает хорошее знакомство с местностью, где она была основана.

Во времена Геродота жители колоний очень часто продолжали называть себя гражданами того города, откуда они происходили. Так, жители Ольвии еще в V в. до н. э., много лет спустя после основания этой колонии, упорно считали себя милемянами, как сообщает Геродот (IV 78). Дионисий

Галикарнасский, глубоко изучавший труды историков прошлого, называет Геродота галикарнассцем (Thuc. 5). Легран (Ph. Legrand. *Hérodote*. Paris, 1932, p. 13; REA, XXXVI, 1934, p. 407), Полени (M. Pohlenz. *Herodot der erste Geschichtsschreiber des Abendlandes*. Berlin—Leipzig, 1937, S. 44) и С. Я. Лурье (ук. соч., стр. 26) склоняются в пользу чтения Ἡρόδοτου Θουρίου, следуя Якоби (*Herodotos*, S. 205). Напротив, Майрс (ук. соч., стр. 3) придерживается традиционного чтения рукописей.

24. В понимании этого места имеются известные трудности. Слово ἔργα, которое переведено здесь как «действия», некоторые понимают как «сооружения». Так, С. Я. Лурье (ук. соч., стр. 124) допускает возможность обоих толкований. Полени (ук. соч., стр. 3) решительно отвергает возможность второго из указанных переводов: «Неудачная идея Дильса, интерпретировавшего термин ἔργα как «сооружения», более не нуждается в опровержении... Для грека Дионисия Галикарнасского было само собой разумеющимся толкование ἔργα Геродота как πράξεις (Ad Romp. 3, 3; Thuc. 5)». Слово ἔργον в значении «подвиг, действие» можно обнаружить в ряде контекстов (ср., например: Хен. Сугор. I, 1, 5; I, 4, 25).

Литературу вопроса см.: А. И. Доватур. Повествовательный и научный стиль Геродота. Л., 1957, стр. 185, прим. 2.

25. J. Myres, op. cit., p. 66.

26. K. Marot. *Die Anfänge der griechischen Literatur*. Budapest, 1960, S. 323.

27. Для древности Геродот был прежде всего историком греко-персидских войн, как видно из сочинения Лукиана (*Herod.* 2). См. также: А. И. Доватур, ук. соч., стр. 65.

28. F. Jacoby. *Herodotos*, S. 281. Якоби, следя в основном идеям Бауэра (A. Bauer. *Die Entstehung des herodotischen Geschichtswerks*. Wien, 1878), предположил, что вначале целью Геродота было создание «Обозрения земли», подобного сочинению Гекатея, и лишь позднее он пришел к идеи написать историю греко-персидских войн. Имел ли Геродот в виду эту цель с самого начала работы — это совершенно неразрешимый вопрос ставит также Де Санктис (G. De Sanctis. *La composizione della storia di Erodoto*. Rivista di filologia, 4, 1926, p. 290). По мнению Де Санктиса, логосы Геродота создавались не как независимые сочинения, но как части органически единого труда, посвященного истории Персии. Против мнения Якоби, что Геродот начинал свою деятельность как географ и этнограф, возражает Хигнет (ук. соч., стр. 27).

29. Внутреннее единство, присущее, например, египетскому логосу, отмечает Фогт (J. Vogt. *Herodot in Ägypten. Genethliakon* W. Schmid. Tübing. *Beiträge z. Altertumswissenschaft*. N. V, 1929, S. 130) и Де Санктис (ук. соч., стр. 290), подчеркивающий «органичность» и «артистическое единство» этого логоса.

30. Деление на девять книг, названных именами Муз, принадлежитalexандрийским грамматикам.

31. W. Aly. *Volksmärchen, Sage und Novelle bei Herodot und seinen Zeitgenossen*. Göttingen, 1921, S. 58.

32. A. Hauvette. *Hérodote historien des guerres médiques*. Paris, 1894, p. 47.

33. J. Myres, op. cit., p. 60.

34. Стиль «милемского рассказа» оказывал влияние на античную прозу до самых поздних времен. «Вот я сплему на милемский манер разные басни...» — начинает свои «Метаморфозы» Апулей.

35. О богатствах Гигеса вспоминает Архилох: Οὕ μοι τὰ Γύγεω τοῦ πολυχρύσου μέλει (Что мне заботы до богатства Гигеса).

36. Та же ирония сквозит в истории перса Отана (V 25): «Отец Отана Сисамн был царским судьей. Царь Камбис за то, что Сисамн, решая судебные дела, брал взятки, казнил его, повелев при этом содрать с него кожу, нарезать из нее ремней и обтянуть ими тот самый трон, сидя на котором Сисамн вершил суд. Затем Камбис назначил судьей вместо Сисамна, с которого он содрал кожу, сына Сисамна, посоветовав ему помнить, на каком троне он будет сидеть, когда будет вершить суд. Вот этот-то Отан, посаженный на такой-то трон, стал тогда преемником Мегабаза...». По поводу иронии у Геродота см.: A. Piatkowski. *Le sourire ironique d' Hérodote*. Studi clasice, X, 1968, p. 51 sqq.

37. Драматическому характеру этой новеллы Геродота посвятил свою статью Шталь (H. R. Stahl. *Herodots Gyges-Tragodie*. *Hermes*, XLVI, 1968, S. 385 ff.). Как полагает Уотерс

(K. H. Waters. *The Purpose of dramatisation in Herodotus*. *Historia*, XV, 1966, p. 157 sqq.), указанная особенность стиля Геродота обусловлена тем, что он адресовался к публике, приученной следить за развитием драматического сюжета на сцене.

38. С. Я. Лурье, ук. соч., стр. 136.

39. Проблеме «удивительного» у Геродота посвятил свою работу Барт (H. Barth. *Zur Bewertung und Auswahl des Stoffes durch Herodot*. *Klio*, 50, 1968, S. 93).

40. Якоби (*Herodotos*, S. 355) считает эти слова ключом ко всему произведению Геродота. См. также: K. Wüst. *Politisches Denken bei Herodot*. Würzburg, 1935, S. 39.

41. W. K. Pritchett. *Marathon*. Univ. of Calif. public., in class. archaeology, vol. 4, Berkeley a. Los Angeles, 1960, p. 143. См.: A. Gomme. *Herodotus and Marathon. More Essays in Greek History and Literature*. Oxford, 1962.

42. Н. Ф. Дератани. Эсхил и греко-персидская война. ВДИ, 1946, № 1, стр. 18 слл.

43. С. Я. Лурье, ук. соч., стр. 17.

44. Хойбек (A. Heubeck. *Das Nationalbewusstsein des Herodot*. Neustadt, 1936, S. 43) подчеркивает, что Геродот, повествуя в слегка ироническом тоне о нерешительности и безответственности спартанцев, одновременно всячески старается извинить аргивян.

45. См.: Ch. W. Fornara. *The cult of Harmodius and Aristogeiton*. *Philologus*, 114, 1970, p. 156: «Поэтому нет сомнения, что

мнение Геродота, будто Алкмеониды были истинными
освободителями Афин... имеет в своей основе информацию,
предоставленную ему заинтересованной стороной...»

46. По поводу источников Геродота в этом месте его труда
см.: А. И. Доватур. Повествовательный и научный стиль
Геродота, стр. 195, прим. 37.

47. F. Jacoby. Herodotos, S. 394.

48. В древности некоторые авторы пытались даже обвинить
Геродота в плагиате, утверждая, что он дословно списывал с
Гекатея (Porph. apud Euseb. Praep. Evang. X, 3, p. 466 B), но, как
замечает Легран (Ph. Legrand. Hérodote, t. I. Paris, 1932, p.
157), Геродот был просто начитанным человеком.

49. С. Я. Лурье, ук. соч., стр. 116.

50. А. И. Доватур, ук. соч., стр. 98.

51. J. Myres, op. cit., p. 159; C. Hignett, op. cit., p. 32.

52. См.: В. В. Струве. Геродот и политические течения в
Персии эпохи Дария I. ВДИ, 1948, № 3, стр. 13. В этом был
уверен такой крупный знаток истории Древнего Востока,
каким был Б. А. Тураев, писавший по этому поводу: «Зопир,
поселившись в Афинах, делился с Геродотом сведениями из
преданий своего рода, принадлежавшего к числу наиболее
знатных и близких ко двору...» (История Древнего Востока. т.
II. М.—Л., 1935, стр. 127).

53. М. А. Дандамаев. Иран при первых Ахеменидах. М., 1963,
стр. 140.

54. Там же, стр. 145. Геродот иногда довольно точно передает имена персидских вельмож, помогавших Дарию расправиться с магом Гауматой (см.: В. В. Струве, ук. соч., стр. 13).
55. В. В. Струве (ук. соч., стр. 13) со ссылкой на Герифельда (E. Herzfeld. Altpersische Inschriften. Berlin, 1938).
56. См.: F. Jacoby. Herodotos, S. 404; А. И. Доватур, ук. соч., стр. 186, прим. 3.
57. См.: А. И. Доватур, ук. соч., стр. 186—187, прим. 4.
58. C. Hignett, op. cit., p. 30.
59. F. Jacoby. Herodotos, S. 402: «В большинстве случаев у нас нет никаких оснований сомневаться в том, что Геродот действитель но опрашивал представителей каждого народа...»
60. F. Jacoby. Herodotos, S. 478.
61. Как отмечает Якоби (Herodotos, S. 473), Геродот никогда не изменяет традиции по своему усмотрению.
62. G. Sarton. A History of Science. Cambridge, 1960, p. 312.
63. Б. Н. Греков. Скифы. М., 1971, стр. 33. Автор подчеркивает, что геродотовский рассказ, особенно в этнографической части, постоянно подтверждается археологическими данными (стр. 18).
64. А. П. Смирнов. Скифы. М., 1966, стр. 49.
65. К. Э. Гриневич. О достоверности сведений Геродота об Ольвии. ВДИ, 1964, № 1, стр. 105 слл.

66. С. Hignett, op. cit., p. 33: «Его последние три книги, описывающие нашествие Ксеркса и его поражение, являются наиболее удачными с исторической точки зрения, и все последующие рассказы основывались только на них».

67. Там же, стр. 38.

68. Ф. Мищенко. Геродот и его место в древнеэллинской образованности, стр. СХХV.

69. См.: С. Я. Лурье, ук. соч., стр. 44.

70. F. Jacoby. Herodotus, S. 482.

71. «Делос, как сообщали жители этого острова, постигло землетрясение... Я полагаю, что божество явило людям это чудо как знамение грядущих бед» (VI 98).

72. С. Я. Лурье, ук. соч., стр. 41.

73. J. M. Linforth. Greek gods and foreign gods in Herodotus. Univ. of Calif. public., in class. philology, 9, 1, 1926, p. 13.

74. Ф. Мищенко. Геродот и его место в древнеэллинской образованности, стр. СIII.

75. А. И. Доватур, ук. соч., стр. 113.

76. G. Sarton, op. cit., pp. 303—314.

77. Ф. Мищенко. Не в меру строгий суд над Геродотом, стр. LIX (Геродот. История. Т. II, М., 1888).

78. G. Sarton, op. cit., p. 311.

79. «Описания Геродота, проверенные этнографами и археологами, оказались подтверждеными во всех деталях», —

пишет Сартон (указ. соч., стр. 312). Сартон сильно преувеличивает заслуги Геродота, допустившего ряд неточностей. Но, как справедливо подчеркивает Ф. Мищенко (*Геродот и его место в древнеэллинской образованности*, стр. СХХVIII), причиной этих неточностей было несовершенство тогдашних методов исследования, не говоря уже о чрезмерной доверчивости «отца истории». В другой своей статье (*Не в меру строгий суд над Геродотом*, стр. XLVI) Мищенко показывает, как многие обычаи скифов, как например доение кобылиц, при помощи костяных трубок (IV 2), поклонение мечу, подтверждаются соответствующими обычаями и культурами калмыков, аланов, квадов и т. п.

80. «Можно не называть его отцом истории, но уже без всякого сомнения он является отцом этнографии», — замечает Сартон (ук. соч., стр. 312).

81. Перевод см. у С. Я. Лурье (ук. соч., приложение 1, стр. 161 слл.).

82. Это последовательно показывает Шпигельберг (W. Spiegelberg. Die Glaubwürdigkeit von Herodots Bericht über Ägypten. Berlin, 1926).

83. Ф. Мищенко в статье «*Не в меру строгий суд над Геродотом*» одним из первых в европейской науке выступил против недооценки труда «отца истории», подвергнув критическому разбору работу Сэйса (Sayce. Herodotus I—III. The ancient empires of the East. London, 1883), совершенно незаслуженно обвинившего Геродота в сознательном обмане

своих читателей рассказами о путешествиях, которых не совершал, и фактах, которые не могли иметь места.

84. A. Hauvette. *Hérodote historien des guerres médiques*. Paris, 1894.

85. К работам Видемана, Якоби и Шнигельберга, на которые ссылаемся Майрс (указ. соч., стр. 152), следует добавить исследование Эртеля (F. Oertel. Herodots ägyptischer Logos und die Glaubwürdigkeit Herodots. Bonn, 1970).

86. E. Howald. *Ionische Geschichtsschreibung*. Hermes, 58, 1923, S. 113 ff.

87. M. Pohlenz, op. cit., p. 1 sqq.

88. J. Myres, op. cit., p. 25; C. Hignett, op. cit., p. 37.

89. G. B. Grundy. *The Great Persian War*. London, 1901; J. Kromayer. *Antike Schlachtfelder*. Leipzig, 1924—1931. См. также: A. Ferrill. *Herodotus and the strategy and tactics of the invasion of Xerxes*. Amer. histor. rev., LXXII, 1966, p. 102. Автор показывает, что Геродот обнаруживает гораздо большие знания военной тактики и стратегии, чем обычно полагают.

90. J. Myres, op. cit., p. 31.

91. Даже Майрс, книга которого в основном написана довольно сдержанно и основана на большом фактическом материале, начинает свое изложение с описания того, как пятилетний Геродот вместе со своей матерью встречал флот правительницы Галикарнасса Артемисии, возвращавшейся после сражения при Саламине, и задал матери вопрос, на

который не мог получить ответа всю жизнь: «За что они сражались?»

92. С. Я. Лурье, ук. соч., стр. 41, прим. 2.

93. «Я ... буду продолжать мое повествование, одинаково обозревая большие и малые города людей. Ведь те, кто были великими в древности, в большинстве стали незначительными ныне и, напротив, те, которые при мне стали большими, прежде были малыми» (15).

94. Все народы замечательны в каком-нибудь отношении, все связаны между собой общими судьбами и интересами, все греки и вообще все люди являются создателями единой человеческой культуры — таков явный и скрытый смысл многих экскурсов Геродота. Совершая насилие над подлинным смыслом труда Геродота, Хелльманн (Fr. Hellmann. Herodot. Das neue Bild der Antike, hrsg. v. H. Verve. 1942, S. 248) считал его «великолепным противопоставлением греческого и варварского начала».

От переводчика.

(Г.А.Стратановского)

Для любознательного читателя русского перевода «Истории» Геродота должен представить значительный интерес вопрос об источниках, на которые опирается текст греческого оригинала. Таковыми являются относящиеся к X-XV вв. рукописи, которые отражают непрерывную рукописную традицию, восходящую в конечном счёте к одному из античных изданий. Рукописи эти, вывезенные византийскими учёными в Западную Европу после взятия Константинополя турками (1453 г.), хранятся в настоящее время в библиотеках Рима, Флоренции, Милана, Мадрида, Парижа, Оксфорда, Кембриджа, Тейдельберга и других городов. Число их довольно значительно; так, в капитальном критическом издании Г. Штейна (Берлин, 1869-1881) учтено 46 рукописей. Содержащиеся в них разночтения затрагивают в основном диалектные черты текста Геродота и лишь изредка в них отражены варианты, имеющие смысловое значение. Таким образом, различие рукописей позволяет установить текст, практически не отличающийся от

того, которым пользовался уже младший современник Геродота Фукидид.

Важным подтверждением надёжности средневековой рукописной традиции Геродота послужили найденные в начале нашего века папирусные отрывки Геродота, относящиеся к античной эпохе; древнейший из них, содержащий гл. 115-116 кн. I, датируется примерно I-II вв. н.э. Чтения этих отрывков воспроизведены в издании К. Гуде (*Herodoti Historiae. Recognivit breve adnotacione critica instruxit Carlus Hude. Vol. I-II. Editio altera. Oxonii, 1912*), по которому сделан наш перевод. Переводчиком использованы следующие переводы и комментарии к Геродоту. Русский перевод: Ф.Г. Мищенко. Геродот. История в девяти книгах. Т. I. М., 1885; Т. II. М., 1888. Немецкие переводы: 1) *Das Geschichtwerk des Herodotos von Halikarnassos. Übertragen von Theodor Braun. Stuttgart, 1964*; 2) *Herodot. Historien. Deutsche Gesamtausgabe. Übersetzt von A. Horneffer. Neu herausgegeben und erläutert von H.W. Haussig. Mit einer Einleitung von W.F. Otto. Stuttgart, 1963*; 3) *Die Geschichten des Herodotus, übersetzt von Friedrich Lange. Neu herausgegeben von Dr. Otto Güthling. Zwei Teile. Leipzig (s.a.). Комментарии: 1) Herodotus. Für den Schulgebrauch erklärt von Dr. K. Abicht. Fünf Bdchen. Leipzig, 1866-1886; 2) Herodotus, erklärt von H. Stein. Fünf Bde. Berlin, 1866-1875; 3) W.W. How and J. Wells. A*

commentary on Herodotus, with an introduction and
appendices. Oxford, 1928. Специальный словарь к Геродоту:
A Lexicon to Herodotus by J. Enoch Powell. Second Edition.
Hildesheim, 1960.

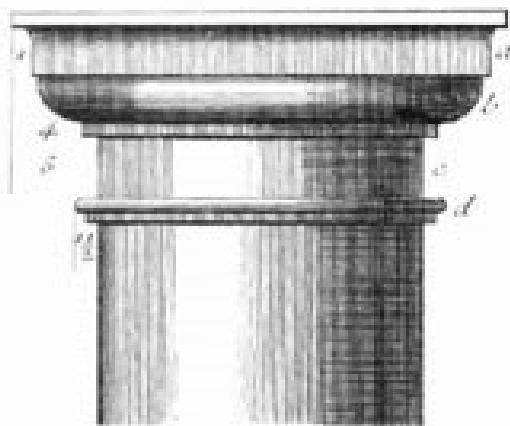

Прочая литература, использованная переводчиком

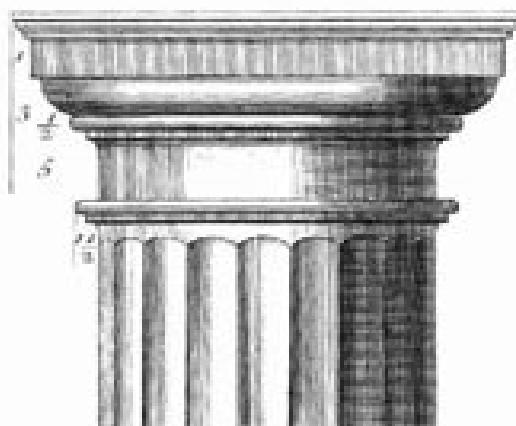
- А.И. Доватур. Повествовательный и научный стиль Геродота. Л., 1957 (А.И. Доватур. Стиль).
- В.В. Ламышев. Известия древних писателей о Скифии и Кавказе. ВДИ, 1947, №2, стр. 249-288.
- С.Я. Лурье. Геродот. М.-Л., 1947 (С.Я. Лурье. Геродот).
- С. Я. Лурье. История Древней Греции, ч. I. Л., 1940 (С.Я. Лурье. История).
- В.С. Сергеев. История Древней Греции. М., 1963.
- В.В. Струве. Этюды по истории Северного Причерноморья, Кавказа и Средней Азии. Л., 1968 (В.В. Струве. Этюды).
- Б.А. Тураев. История Древнего Востока. I-II. Л., 1936.
- J. Beloch. Griechische Geschichte. 2. Aufl. Strassburg, 1913.
- Herodot. Eine Auswahl aus der neueren Forschung. Herausgegeben von Walter Marg. München, 1962.
- F. Jacoby. Herodotos. Pauly-Wissowa. Realencyklopädie d. klassischen Altertumswissenschaft. Supplbd. 2. Leipzig, 1908.
- E. Meyer. Geschichte des Altertums. 3. Aufl. Stuttgart, 1937.

Chapiteaux des cinq Ordres, avec le Chapiteau Ionique
Moderne.

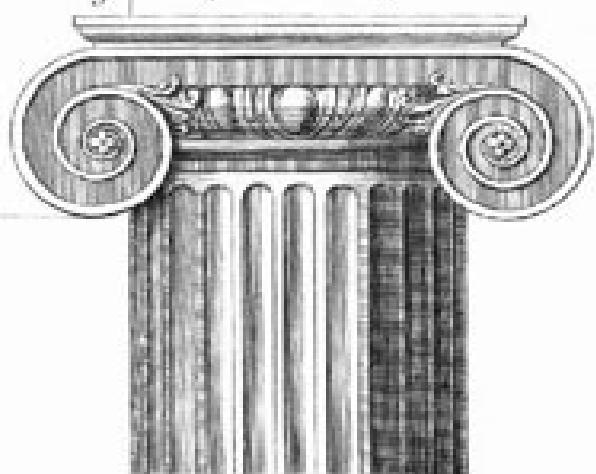
Chapiteau Tessan.

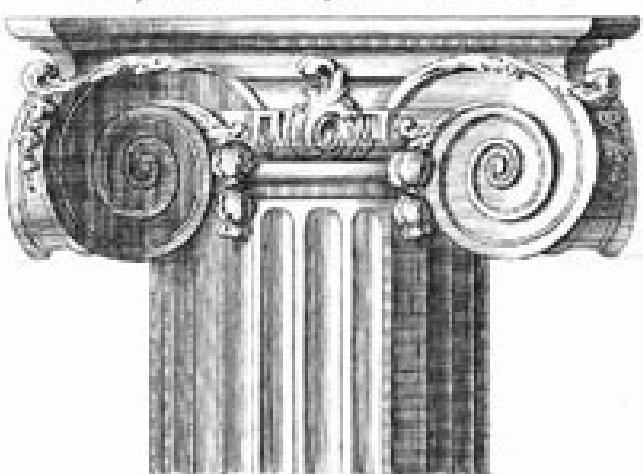
Chapiteau Dorique.

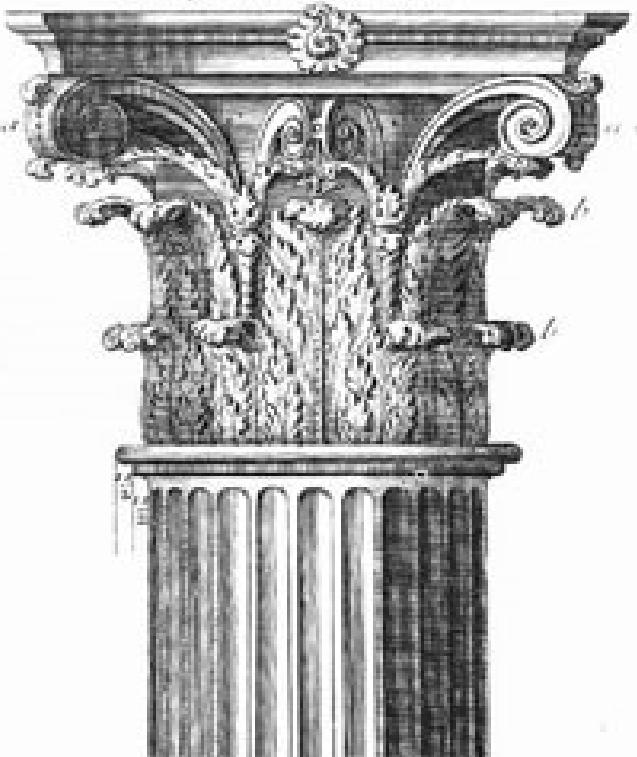
Chapiteau Ionique.

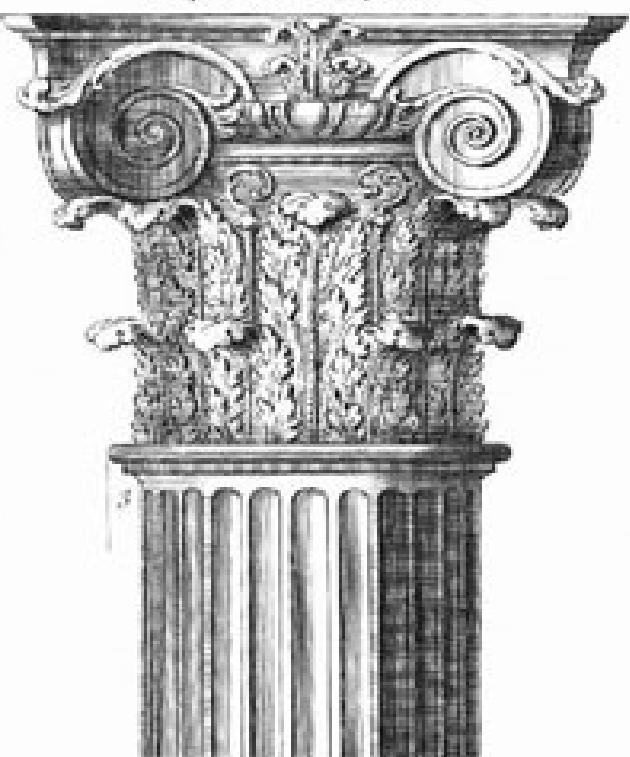
3. Modiolos, ou 24 minutes.
Chapiteau Ionique Moderne.

Chapiteau Corinthe.

Chapiteau Composite.

4. Modiolos, ou 36 minutes.

Список сокращений

Аkk. — аккадский.

Асс. — ассирийский.

Библ. — библейский.

Вав. — вавилонский.

Греч. — греческий.

Др.-евр. — древнееврейский.

Егип. — египетский.

Инд. — индийский.

Иранск. — иранский.

Кар. — карийский.

Карф. — карфагенский.

Критск. — критский.

Лид. — лидийский.

Лик. — ликийский.

Мид. — мидийский.

Миф. — мифический.

Перс. — персидский.

Сем. — семитический.

Сир. — сирийский.

Скифск. — скифский.

Финик. — финикийский.

Античные меры

Меры длины и площади

Дактиль (палец). — 18.5 мм

Локоть. — 440.0 мм

Локоть персидский (царский). — 532.8 мм

Локоть (пигон) = 20 пальцев. — 385.3 мм

Оргия. — 1.776 м

Парасанг (фарсах). — 5549 м

Плеффр. — 29.6 м

Стадий (аттический). — 177.6 м

Стадий (олимпийский). — 192.27 м

Схен (египетский). — 445.20 м

Арура (аттическая). — 0.024 га2

Арура (египетская). — 0.2 га2

Меры веса и ёмкости

Дарейк (золотой). — 8.4 г

Драхма (горсть). — 4.336 г

Мина. — 341.20 г

Мина (персидская). — 420.00 г

Талант (серебряный). — 33.655 кг

Талант (аттический). — 26.196 г

Каиф. — 0.045 л

Комила. — 0.275 л

Арбата (персидская). — 55.08 л

Медимн (аттический). — 52.5 л

Метрем. — 38.88 л

Амфора. — 40 л

Халк. — 0.09 г

Хеник. — 1.08 л

Хус. — 3.24 л

Содержание:

Геродот. История.

Книга вторая. Эвтерпа (обл.)	стр.1
Геродот. История. В девяти книгах – 1972	стр.3
От редакционной коллегии	стр.5
Бюст Геродота. Музей в Неаполе	стр.9
Книга вторая. ЭВТЕРПА	стр.11
Примечания. Г.А.Стратановский	стр.141
Вкладка «Карта мира по Геродоту»	стр.170
В.Г.Борухович «Научное и литературное значение труда Геродота»	стр.172
От переводчика (Г.А.Стратановский)	стр.257
Античные меры	стр.262
Содержание	стр.264
Форзац	стр.265
Обложка	стр.266

Геродот. История

От редакционной коллегии

Книга Вторая. ЭВТЕРПА

В.Г.Борухович «Научн. и лит. значение труда Геродота»

Редактор: Амидала

Художественный редактор: Амидала

Технический редактор: YODA

Ответственный за выпуск: YODA

Оформление: Амидала

Утверждено к публикации: 19.07.2016

Формат документа: (A4) 27,9 x 21; 266 стр.

Тираж: Без ограничений.

**«ВМЕСТЕ С ОДЕЖДОЙ ЖЕНЩИНА
СОВЛЕКАЕТ С СЕБЯ СТЫД»**

ГЕРОДОТ